

СМЕНА

№ 10 МАЙ 1983

**ВЕТЕР
ЗАВТРАШНЕГО
ДНЯ**

Почувствуете ли вы талант

● ЧЕЛЯБИНСКОМУ ТРАКТОРНОМУ — 50 ЛЕТ.

Всегда его опорой были люди, знающие: могуч ЧТЗ, но и без их рук, разума ему не обойтись. Лауреат премии Ленинского комсомола, токарь Андрей Чепелев — один из тех, чьим трудом славен уральский гигант нашей отечественной индустрии.

Михаил ФОНОТОВ

Искал Андрея Чепелева. Он только что переехал на новую квартиру. Дверь открыла молодая женщина и недоуменно развела руками: вы ошиблись.

Уйти ни с чем? В адресе, который мне назвали, что-то не так? Квартира не та? Но дом его! В нем только что отшумели новоселья, привозной чернозем у тротуара едва покрылся зеленой щетинкой. Я поднял голову — заслоняя небо, нависла серая стена огромного дома. Жителей в нем, пожалуй, больше, чем в иной деревне. Искать наугад?

Если бы деревня... «Как не знать? — остановится первая встречная женщина. — А вы ему кем доводиться?» В городе манеры не те. Смешно и странно — остановить прохожего и спросить: «Вы Чепелева не знаете?»

А я взял и спросил. Остановил женщину в зеленой куртке и так прямо спросил: «Вы Чепелева не знаете?» Она сказала: «Не знаю». Сказала, не подумав. А подумав, сама спросила: «Это не тот ли, который передовик?» Слышала, значит. Где он живет, однако, не знает. «А вы в лифтерную зайдите».

В комнате без окон женщины сидели за беседой. Одна из них без лишних расспросов принялась листать толстую тетрадь. А та, что сидела у пульты, на котором помигивали огоньки, поинтересовалась: «Не с нашего ли завода?» «С вашего». «На собрании о нем говорили».

Тоже, значит, слышала. Не так уж он, Андрей, и затерялся в Челябинске.

Известен он заводу и городу. Известность его — не то, что, например, слава эстрадного певца, который в одной руке, как эскимо, держит микрофон, а другой, согнутой в локте, двигает подобно паровозному шатуну. Слава Чепелева с привкусом. Солоната она. Андрей ее не жалует, впрочем, как и она его. Как-то новый инженер подошел к нему:

— Тут, что ли, Чепелев работает?

— Тут.

— А его, конечно, нет? — спрашивает инженер доверительно.

Андрей возьми да и ответь:

— Нет.

— Он, значит, где-то в президиумах сидит, а ты за него вкальываешь?

— Да вот, вкальываю.

Довольный разоблачитель удалился.

Об Андрее он слышал и думал, что тот чуть ли не в галстуке приходит в цех.

Увидел же чумазого паренька... Потом он, оказывается, к начальнику цеха заходит: почему, мол, Чепелева-то нет?

«Как нет?» — отвечает тот. — Ты с ним же и говорил».

Что ж, случается, конечно, Андрею и в президиумах сидеть, и в школе с учениками беседовать, и в командировки ездить, но дело-то в том, что он сразу сказал себе: все эти часы и дни не в счет. И Андрей их отрабатывает. Возвращается и каждый раз пересчитывает свою норму, чтобы перекрыть отлучку. Иначе нельзя. Уж если пообещал, будь добр, никто не заставлял. А то ведь стыдно перед ребятами. Эдак, скажут они, всякий может, с поблажками.

...В лифтерной мне назвали номер квартиры, я поднялся на четвертый этаж. Зоя, жена, сказала, что Андрей уехал в Москву...

Что должен сделать парень, чтобы его заметили среди тысяч? Хорошо работать, конечно. Но мало ли таких?

Андрей Чепелев обтачивает кожухи маховика для трактора, который выпускают в Челябинске. Он заканчивает свою пятую пятилетку. Нет, не четверть века он работает на заводе, а вдвое меньше. Дело в том, что за пять лет он выполняет две личные пятилетки. Его норма — две нормы. Одна — до обеда, вторая — после обеда. Изю дня в день. Вот уже двенадцать лет. Причем норма растет. То он обтачивал 96 кожухов в день, потом — 112, теперь — еще больше. Высчитан им и предел — 140 деталей. Больше нельзя. Предел высчитан и достигнут. У предела он и работает.

Сказать, что Андрей незаменим, вроде нельзя. Нельзя как будто сказать, что без него, одного среди тысяч, сборочный конвейер захлебнется. Нет, конечно, из-за одного рабочего завод не может остановиться. Однако что ни трактор, отдай ему кожух маховика, а где его взять?

Посудите сами. Когда Андрей на несколько дней уезжает в Москву на пленум ЦК профсоюза, на его станках работают шесть человек в три смены. И держат конвейер на голодном пайке. А он придет — и заготовки с рольганга как ветром сдуло. Литейщики не успевают отливать эти кожухи. Андрей уже привык к тому, что заготовки к нему поступают тепленькие, еще бурая краска на них не просохла.

Как оно получается? Андрей, со стороны посмотришь, будто играючи обтачивает за смену 120 кожухов, а сменщик — всего тридцать, и весь в поту, еле на ногах держится. А если сменщик норму наберет да плюс две нормы Андрея — вот и обеспечен конвейер кожухами. Вдвоем управляют. Без Андрея, повторяю, шестерых ставят.

Незаменимых, верно, нет. Но найти шестерых на три дня, пока Чепелев в командировке, куда ни шло. На три дня уговорить можно. А навсегда? Тут дело посложней. Охотников мало. Да и согласится кто, толк невелик.

Конечно, уволься Андрей, конвейер не остановится. Ну, неделю, две, три будут перебои. Ну, затраты подскочат. Нервотрепка захлестнет. В конце концов обойдется. Однако то важно, что так можно ставить вопрос: Чепелев и завод.

Впрочем, Андрей никуда уходить не собирается. И не капризничает, как бывает, — попросите, мол, без меня. Он, может быть, наоборот, слишком сговорчив. Чуть что — к нему, а он только кивнет. А то и вообще ходить не надо. Если видит Андрей, что из-за кожухов затор, и сам никуда не уйдет, хоть смена и закончилась. Будто он один отвечает за эти кожухи. У начальства два вопроса. Дали литейщики заготовки? Если дали, то второй: Чепелев на месте? Если на месте, значит, все в порядке.

— ...Пройдите, — сказала Зоя, — скоро должен прийти, обещал. Вчера приехал в первом часу, а в пять утра уже был на ногах. И сегодня неизвестно, когда вернется.

— А вы бы ему выговор.

— Что вы, — улыбается Зоя, — он не поддается. Работа у него — все. На свадьбу приглашали — не поехали. Что-то со станками случилось. Взяться было по радио вести цикл передач, на письма молодых о жизни, работе отвечать, только начал, отказался — не успевайт. Мать в каждом письме об одном: Андрей, побереги себя, не работай так много. Да разве его остановишь...

Не было бы ладу в этой квартире, если бы не спокойная уступчивость хозяйки. Андрей заводной, напористый, если он чем-то увлекся, его действительно не остановишь. Не всякая жена по нынешним временам поймет такого мужа. А Зоя понимает. Не ставит условий. Не бросается в истерику. Уступает. Жалеет. Видит, что нельзя требовать от него еще чего-то сверх того, что он сам взвалил на себя.

Уже восемь часов, а Андрея нет. Пора и честь знать. Я прощаюсь.

Холодный ветер продувает проспект Комарова. Один за другим тормозят у остановки уже пустые троллейбусы.

Сердиться или обижаться? Я знаю, он не забыл, не зазнался, не пренебрег. Не пиво с друзьями пьет. Только работа. Хотя, уверен, если работа задержала, ни секунды не раздумывал, остаться или поторопиться домой. Тут для него выбора нет. Сердись или обижайся — как угодно, но его не изменишь.

Вообще-то всего ничего прошло, как мы с ним виделись. Перемен у него почти никаких. Или есть вопрос, который я ему еще не задавал? Вроде нет. Так что рассказать мне и без этой встречи есть что об Андрее Чепелеве. И в цехе у него я бывал. У станков, у «каруселей», как он говорит, его видел.

Знаю, как в первый год на часах засекал и записывал в тетрадку, сколько минут тратит на одну деталь. Как разучивал, будто танец — и перед зеркалом даже — каждое движение, чтобы, положив под рукавицей выемку на красной кнопке. Как себя изучал, свою «приемистость»: не рвать сразу, а набирать темп плавно, чтобы к обеду достигнуть пика, а то сорваться можно.

Еще знаю, что вырос Андрей в деревне, в Белоярке, у дедушки Григория Дмитриевича.

— Ну-ка, внучок, — говаривал, бывало, дедушка, — давай-ка камушки покатай.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

— Ну-ка, внучок, давай опилки кроши.

Андрюша хватал метлу и вовсю «катал камушки». Это куда интереснее, чем просто подметать двор.

что бессмысленнее ста приседаний или подскоков? Не отдадим ли мы ручной труд машинам, чтобы в это время присесть и подсакивать? Или, может быть, оставим работу и рукам?

Спорт — слабость Андрея. Он привык быть в форме. И держит ее ревниво. Смену у своих станков отплясал — тут тебе и работа, тут тебе и спорт, тут тебе и мышечная радость.

Впрочем, все в меру. Мышца, она и

нибудь помешает? — Кажется, нет. Приеду. Сам найду».

Он не приехал. Через недешо был день рождения Андрея. Вечером его дома не дождались. На этот раз куда-то срочно вызвали.

Вот и пойми его.

Вообще-то мне писать о людях трудно. Плохо знаком с героем — вроде халтура. А чем лучше его знаешь, тем

Андрею и в самом деле было все равно, куда и кем. Только бы определиться. Только бы ему сказали: делай это. Чтобы засучив рукава навалиться и...

Затянувшиеся поиски призвания, в общем-то, и мне кажутся подозрительными. И то не по душе, и это. Там попробовал, здесь попытался — бросил. Ждет, когда работа полюбится с первого взгляда. В былые времена невеста

он — нет, по-своему норовит повернуть. От себя идет. Ищет там, где наставник не искал. Как-то Андрей глянул — Саша новый прием придумал. Ну-ка, покажи. Научи-ка наставника. Показал. А что, удобно. Молодец. Разреши пользоваться? Спасибо.

Ждал Андрей Клепикова из армии, не дождался. Женится парень и уехал. А жаль. Сколько учеников побывало за эти годы — никто особых надежд не

ажитливом человеке

мышление взбадривает. Когда руки стали уставать, Андрей часть работы отдал технике, которую сам же и придумал. Гаечный ключ выбросил, заменил пневмомозажимом. Подъемник установил, чтобы заготовки на руках не таскать. Мало ли что!

Все в меру. Как-то за границей Андрея пригласили на один завод. Ходил, смотрел, сам спрашивал, о себе кое-что сказал. Упомянул, что рационализатор он. «Как это?» — не поняли его. «Я думаю, как облегчить свой труд». «А зачем?» — опять вопрос. «Как зачем?» — теперь Андрей переспрашивает. «Думать должны инженеры», — переводят ему.

Вот как! Инженерам думать, а рабочим вкалывать, не думая. Нет, не согласился Андрей. Руки и голова должны работать в согласии. Гармония требуется. Этому еще дедушка учил.

Прошлым летом собирались мы с Андреем к дедушке съездить в деревню — поговорить, по хозяйству помочь, порыбачить. На неделю раньше отозвали Андрея из отпуска — не получилось.

Григорий Дмитриевич — человек незаурядный. С гражданской вернулся домой с орденом. Был первым председателем колхоза в Белоярке. Как не гордиться таким дедом?! Конечно, и биография воспитывает. Но, чтобы внушить пацану вечные истины, мудрость нужна. А характер чепелевский, он достался внуку по наследству. Все они такие, Чепелевы. Взять хотя бы дядю Ваню, брата отца. Лет пятнадцать назад попал он под колеса комбайна. Кости раздробило, думал, не миновать костылей. Доктор Илизаров поставил его на ноги, и дядя Ваня вернулся на комбайн, работал отчаянно. Героем Социалистического Труда стал.

А каково ему было? За день натрясет так — ноги отнимаются. Вернется дядя Ваня домой (это Андрей помнит хорошо), спать не может, такая боль. А утром снова в поле. Только нынче оставил он свой комбайн, да и то, как осень, ходит сам не свой.

— Что, дядя Ваня, скучаете? — спрашивал его Андрей.

— Скучаю, Андрюша, скучаю. Мастерской теперь заведует там же, в Белоярке.

Было время, Андрей примеривал к себе награды дедушки. А теперь приезжает свои показать. То явился со знаком лауреата премии Ленинского комсомола. Потом ордена пошли — Трудовой Славы третьей, второй степени. А значки победителя соревнования — что ни год, то новые.

...Андрей позвонил мне на следующий день, утром. Извинился — никак не мог. И сегодня, сказал, не могу. «Только завтра, после обеда». «Опять что-

тяжелее о нем писать. И хватит ли очерка, если романов мало, чтобы объяснить человека? Как будто все правда, что пишу об Андрее, но как беден портрет... Эскиз, набросок. Вот именно очерк. Настоящий Андрей Чепелев куда сложнее, богаче, интереснее. Характер! А как раскрыть его? В душу не залезешь. Да и нельзя. Нельзя ее на всеобщее обозрение. Ведь это живой человек, а не вымышленный персонаж. Душа неприкосновенна. И не будем посягать на нее.

Андрей интересен не только в работе, но прежде всего в ней. Начинать он своеобразно.

Сначала была мечта полетать. Не мечта, может быть, а долг. Долг перед отцом — он был летчиком. Андрей его не помнит, и с годами отец, кажется, уходил от него все дальше, в забытие. А потом вдруг проявилось в нем чувство долга перед отцом. Единственное, казалось, что он мог сделать в память о нем, — летать.

Андрей поступал в училище и, собственно, уже был зачислен, но тут заболел ангиной, врачи при повторном исследовании нашли в сердце шум и навсегда отлучили его от неба. Служил в армии на Сахалине. В конце службы, как водится, решил вместе с друзьями ехать на ударную стройку. На какую?

В то время в Челябинске, на тракторном заводе, разворачивалась грандиозная реконструкция — тоже ударная. Андрей с детства чувствовал причастность к Челябинску. Деревня, где он вырос, хоть и находится в соседней области, тяготела к заводам Челябинска. А может, трактор дяди Кузи, ЧТЗ, в том виноват? Мальчик был, а уже усвоил: трактор дяди Кузи другие трактористы «уважали» больше, чем свои: он был самым сильным и самым надежным. Словом, Челябинск всегда был близок Андрею. Казалось, стоит подняться на крышу дома и увидишь завод, на котором сделали трактор дяди Кузи.

Большая стройка и дом почти рядом... Итак, Челябинск.

В отделе кадров мужчина молча принял комсомольскую путевку, повертел в руках, как бы раздумывая.

— Специальность есть?

— Нет, не успел.

Пауза.

— Куда хочешь?

— Строить.

Опять пауза.

— Строить, оно хорошо. Но нам токари нужны. Пойдешь?

— Токари? Пойду. Если нужно.

Еще пауза. Что-то быстро согласился, наверное, думал кадровик, этот вряд ли задержится.

— Ну, коли согласен, давай токарем.

выбирая жениха, не пренебрегала, конечно, и чисто внешними данными. Но при одном обязательном качестве — чтобы был работящий. Потом это качество как-то перестало быть обязательным. Появилось другое условие — чтобы был образованным. Хоть и лентяй, но с дипломом. Что-то уж очень легко мы нынче прощаем лень. Извиняем ее. А жаль.

Теперь-то можно подумать, что токарное дело — как раз для Андрея. Призвание его. Призвание, конечно. Но он с таким же успехом мог бы строить, варить сталь или пахать землю. Уверен я в этом. За что бы он ни взялся, все горело бы у него в руках. Такой норов.

Впрочем, нет, не всякая работа ему по нраву.

— Посади меня за пульт — заболую.

Сидячая работа не для него. Движение — его стихия. Ему нужна нагрузка. Отчаянный напор и размах. Преодоление. Возможность выложиться. Без этого ему нельзя. Скучно и нудно, если без этого.

...И привели Андрея к трем карусельным станкам, к Сергею Петровичу Захарову. У этих «каруселей» новички, и верно, не задерживались. Еще один паренек не событие для кадрового рабочего. Одним больше.

Однако прошло несколько дней, и Сергей Петрович нет-нет да остановит взгляд на пареньке. Уж очень нетерпелив. Уж очень круто берет. Ты ему об ученической норме, а он — мимо ушей. Будто это не для него. «А вы сколько?» «Что я?» «Сколько деталей вы точите?»

Сначала Сергей Петрович не вник, чего ученик допытывается. Однажды подошел к Андрею — станки стоят.

— Чего натворил?

— Резец запорол.

— Вижу, что запорол. Чего натворил, спрашиваю?

— Оборотов добавил.

— Э, парень, да ты никак меня обогнать навострился...

Нетерпелив Андрей. Не сразу, но через год обогнал наставника. Сергей Петрович сдержанно поздравил. Ученик обогнал — оно вроде радость, а вроде огорчение. Ни того, ни другого наставник показывать не хотел.

А Андрей рванул дальше. И пошли тогда его рекорды, никем до сих пор не побитые.

Был такой — пожалуй, мог бы и обойти. Ученик Андрея Саша Клепиков. После десятилетки пришел. Нравился он Андрею. Характер, хватка. Сила — спортсмен, первый разряд по боксу, умеет рассчитать силы, как на ринге. И голова на плечах.

Иные советовали Саше: если хочешь обогнать Чепелева, глаз с него не спускай, все изучи, запомни и возьми. А

подавал. Никто и близко к рекордам Андрея не подобрался. А Саша мог бы и обойти. Мог бы.

Есть в этом предчувствии горчинка. А радости — чего душой кривить — нет. Сам себя уговариваешь: все, мол, естественно, рано или поздно молодые должны обходить. Закон жизни. Конечно, поздравил бы Андрей Сашу, может быть, не так сдержанно, как некогда пожал ему руку Сергей Петрович, но было бы грустно...

Однажды Андрей рассказывал об одном парне.

— Молодой? — спросил я.

— Как сказать, молодой? Лет двадцать пять.

— Значит, не молодой?

— Молодой, когда семнадцать.

В наших разговорах он много раз возвращался к этой мысли: держать надо молодым. «Взлететь», — он говорит, — надо до тридцати».

Что это? Культ молодости? Жажда жизни? Боязнь опоздать? Или боязнь старости?

Все тут. И уж если чего боится, то славы за старые заслуги. Чтобы говорили, что Чепелев в авангарде, когда он сдас и молодые его обойдут? Не быть тому! Только честная игра! Он уйдет, как уходят спортсмены. Пусть восходят новые «звезды».

Иные живут так, удивляется Андрей, будто им дана вечность. Все откладывают на потом. А потом нет. Есть только молодость, чтобы свершить свое дело, взойти на вершину, взлететь. Молодость, которой отдай все сразу — и труд, и славу, и любовь. Ей все по силам. Потом, когда она минет, в гору не подняться. Потом — с горы... Здесь он тоже горяч, рубит наотмашь, путей для отступления не оставляет ни себе, ни другим. Но такой уж характер.

...Что еще-то сказать могу об Андрее? Или, может быть, вспомнить о том случае в Японии? Ездил туда Андрей в составе молодежной делегации. И вот в одном городке привели их в спортзал.

Ничего особенного, обыкновенный спортзал, ковры, тренируются дзюдоисты. Одно бросилось в глаза — плакат на стене: японец лихо бросает через себя солдата. А солдат в нашей форме, звездочка у него на фуражке, а винтовка какая-то допотопная — из рук выбита.

Вот нет у нас этого. Ни японца, ни американца, никого еще не называем врагом, пока живем в мире. На дружбу рассчитываем. А тут не стесняются.

Задело это Андрея. Так задело, что ладони загудели. Недолго думая, к переводчику, чтобы перевел:

— Нельзя ли на ковер?

— На татами? — удивились японцы.

Все-таки, дескать, дзюдо:

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Наша обложка:
студенты
Московского
художественно-
промышленного
училища
имени М. И. КАЛИНИНА.

- 1** ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Михаил ФОНОТОВ.
«ПОВЕСТЬ О ТАЛАНТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ».
- 3** Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
- 4** Иван ПАДЕРИН. «СЫН ГОРОДА».
- 6** МОЛОДЕЖЬ И ТОРГОВЛЯ.
Наталья ЛЕОНТЬЕВА.
«НЕНУЖНАЯ КНИГА ЖАЛОБ».
- 7** А ЧТО У ВАС?
- 8** Виктор ШАЛАТОНОВ. «ПРЕДЕЛ».
- 12** ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА:
КАКИЕ ЗАДАЧИ СТАВИТ ОНА
ПЕРЕД РАЗЛИЧНЫМИ ОТРАСЛЯМИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.
«МОЛОКО».
- 18** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 21** ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Анатолий РЯБЦЕВ, заслуженный мастер спорта.
«ГОРОДКИ».
- 22** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 23** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 24** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Валентина ИВАНОВА. «ЭНЕРГИЯ ОБРАЗА».
- 26** ЦРУ ПРОТИВ НАС.
Николай ЯКОВЛЕВ. «СТАВКА НА ПРЕДАТЕЛЕЙ».
- 29** Политический детектив Леонида МЛЕЧИНА
«ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секре-
тарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

— Ничего, ничего,— настаивал Андрей.— Только одно условие.

— Какое?

— Если я положу на лопатки,— Андрей кивнул на стену,— эту штуку снять.

Улыбаются японцы, кивают головами: ладно, мол, согласны.

В свое время Андрей всерьез занимался самбо, дошел до кандидата в мастера, но потом повредил мениск, пришлось оставить борьбу. А тут успел приглядеться: борцы примерно такие, как он.

Переделал он в просторную куртку, опоясался. Вышел...

Короче, плакат сняли. Надолго ли? Работают японцы хорошо. Молодцы. И работали бы!.. А бросать через себя— зачем это?

Когда я вернулся из командировки, мне сказали, что несколько раз звонил Чепелев. Я в тот же день поехал на завод.

Цех— как город, в нем немудрено и заблудиться. Главный его проспект— сборочный конвейер. Поперек к нему— «переулки» станков, выстроенных в ряды. Где-то в той стороне «карусели» Андрея.

Желтые рамы в начале «проспекта». Желтые узлы поступают к нему, сопровождая на всем протяжении. Желтые радиаторы, кронштейны, кабины висят над конвейером, дожидаясь своей очереди.

Сборка— это завинчивание гаек и болтов. На все лады шипят, свистят, визжат гайковерты, висащие на шлангах. Уму непостижимая все-таки картина— как собранный из кусков бездыханного железа трактор оживает, сердито рокочет, от натуги дрожит, наливаются мощью— и трогается с места...

Целый город под крышей. Запах железа и гари. Шум роторов, шестерен, фрез, резцов и сверл, вонзенных в железо. Мостовые краны, летящие под переплетением ферм. Снующие кары. Окрики. Лязг. Трепещущие вспышки сварки. Буйство энергии. Неистовая симфония индустрии. И нужно от всего отвлечься, чтобы в конце полета увидеть синеватую дымку, будто туман в утреннем лесу.

Где-то там Андрей? По пути к нему я останавливаюсь у готовых к сборке двигателей. Вот маховик, вот кожух, в который он спрятан. Не самая главная в тракторе деталь. Но без маховика ни одна машина не сойдет с конвейера. Каждой отдай маховик.

Андрей издали кивает, снимает с ладони рукавицу. Я знаю, тут с ним не поговорить. Шумно. Да и некогда ему.

— Только тут тебя и можно найти!— кричу ему.

— Прощу извинить, никак не мог. То сменщик руку поранил, пришлось оставаться. То заготовки дали поздно— как уйти? Да и сегодня только что привезли.

Красно-бурые заготовки лежали рядом. На крюке подъемника, цепляя по три штуки, Андрей поднимал их на рольганг, толкал дальше.

— Часа на два хватит!— крикнул он и включил первый станок.

И пошла, пошла «карусель». Заготовка повисла в воздухе, точно села в гнездо, пневмозажимы, выдохнув струю воздуха, зафиксировали ее. Медленно движется круг «карусели», гудят круглые фрезы, осыпается стружка. Тут больше делать нечего. Андрей идет к другому станку. Выдох зажимов, заготовка в воздухе. Придерживая рукой, Андрей толкает ее к третьему станку. И возвращается к первому, как раз в тот миг, когда надо снять обточенную деталь. Снимает. Наклоняется ко мне и, протянув руку к гудящим станкам, улыбается:

— Все очень просто.

Подходит парень, работающий рядом, берет из тумбочки чайник, жадно глотает чай. Лоб его в поту. А Андрей— ничего. Будто в самом деле легко и свободно повторяет заученные упражнения. То взглянет на меня, то подойдет, чтобы сказать фразу и уйти.

Не все тут у него, как прежде,— третьей «карусели» нет.

— Я ее отдал,— успевает он ответить и продолжает через минуту, заменив заготовку:

— Не нужна она. Долго доказывал, доказал, наконец.

Станок отдал, станок взял. Сверлильный. А остальное все, как было.

После смены Андрей приехал ко мне в редакцию. Сел напротив.

— Ну, давай говорить.

В неизменном свитере. Вихрастый. Непринужденный. Говорить с ним легко.

Я хочу представить себе его утро. Вот он проснулся в пять часов, наскоро позавтракал...

— На завод еду первым троллейбусом. Утром надо обязательно часок у станков повозиться. Иначе нельзя. Я говорю, люди остаются за меня, и у них выработка низкая. Почему? Станки отказывают. Вдруг вал полетел. Вдруг шестерня сломалась. А то брак пошел. Я станки настраиваю с утра. И всю смену одно знай— снимать да ставить. Ты же видел, я ничего не измеряю. Потому что уверен— все точно, брака нет.

Просто? Вроде просто. Тогда скажу тебе еще: станки надо слушать. Этому я у Сергея Петровича учился. Он, бывало, придет вялый, вижу— хворает, все молчит. И вдруг, как проснется: выключай станок. Чего, Петрович, все же нормально? Выключай, тебе говорят, пока не поздно. Выключаю. Чего теперь? Левая фреза— зуб полетел. Снимаю фрезу, точно, зуба нет. Удивляю он меня. Потом и сам научился слушать станки. Чуть другая музыка— стоп. Не пожалей десять минут, а то потеряешь два часа. Так-то. А станки— у них одна скорость. Их, как лошадей, не подстегнешь.

— Андрей, а не устал?

— От чего? От работы? Душ принял после смены— и хоть снова становись за станки.

— Но дома ты редкий гость.

— Зоя все понимает. Сколько времени остается, отдаю семье.

— Однако надо элементарно высипаться.

— А я всю жизнь так— в пять часов уже на ногах. В армии меня за это сначала наказывали, а потом рукой махнули, работу стали подбрасывать до подъема. Думаешь, в воскресенье я сплю допоздна? Человеку вполне хватает пяти часов сна. Так и идет жизнь.

— А что дальше?

— Что дальше? Я рабочий и этим горжусь. Как-то ездил к себе в деревню, в школу, где учился. Собралось все выпускники, сели за парты. Разговор, естественно, кто кем стал. Учительница и говорит: тот стал летчиком, тот директором, та врачом или педагогом. А о рабочих— ни слова. Почему же так? Когда закончилось торжество, подошел я к учительнице, а она вспыхнула: «Ты хотел, чтобы о тебе сказали?» Зачем же, говорю, но почему не сказать о моем друге Юрке Дееве, комбайнере,— он в двадцать пять лет был награжден орденом Ленина. А она мне: «Не для того мы учим детей, чтобы они в комбайнеры шли». Не пойму я этого. Никогда не пойму. Путаница тут. Глупая и вредная.

— В деревню все-таки ездил?

— Как только есть время. Дедушке за восемьдесят, слабеет, хоть виду не подает. Вот на прошлой неделе ездили всей семьей. Соломы подвез с Николаем Тетериним, прясла поднял, дров наколот, воды в баньку натаскал. А потом— на карьер. Рыбалкой увлекся.

Всегда, когда встречаюсь с Андреем, ругаю его. И себя. Его— за то, что уж слишком тяжело везет, не надорваться бы. Себя— за то, что распляшусь, много времени трачу зря, живу так, будто и в самом деле дана вечность...

В начале июня 1983 года ЧТЗ исполняется пятьдесят лет. К юбилею завода Андрей закончил свою пятую пятилетку. Без всяких сомнений.

Я проводил Андрея к троллейбусу, и мы условились летом все-таки съездить в деревню. Если время позволит.

ЗЕМЛЯ МОЯ— СУДЬБА МОЯ

Под таким девизом теперь проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смена».

Игорь АДАМОВ,
инженер,
г. Артемовск Донецкой обл.

Встреча

— Все в порядке, комбат!
Отходите—надежно прикрою,
Передайте привет
Старикам за далекой Окою,
Дайте пару гранат
Для последней
отчаянной схватки...
Поспешите, комбат.
Все здесь будет в порядке!
Так остался солдат
На дорожном степном перекрестке,
Выполняя свой долг
Среди взрывов
и выстрелов хлестких.
А потом он лежал,
Вкось прошил автоматом,
И фашистский сапог
В грудь ударил солдата.
...Ветераны сошлись,
У Большого театра.
«Нет! Никто не забыт!»—
Повторяли, как клятву.
И пришел тот солдат,
Снял винтовку и скатку:
— Добрый вечер, комбат...
У меня все в порядке!

Виктор ТОЛОКНОВ,
электромонтер,
г. Апатиты

Рождение дня

Багряный шар
торжественно всплывал
Над тундровым спокойствием
тумана.
Карьер вулканом пар
из глотки гнал,
И не было полезнее вулкана.
Пар колыхался, вился и клубил.
С оттенками ярчайшего кармина
Гигантский пламень
в небо восходил
И таял в синеве необозримой.
Обросший инеем,
кораллом вырастал
Каркас опоры над рубином наста—
Казалось, неземная красота
Сошла с картин
художника-фантаста...
И тяжело нагруженный «БелАЗ»
Шел по лучу к отметке перевала.
Смежил прожектор
напряженный глаз,
К плечу карьера прислонясь устало.
Подручный Сашка тер глаза рукой,
Сам на глазах светясь и вырастая,
Как после сна,
тряс рьжею башкой:
— Вот это утро!
Глянь-ка! Мать честная!..
И руки вознес над головой,
Весь золотой
на освещенном склоне,
Он принимал, бурильщик молодой,
Рожденный день
в окрепшие ладони.

Михаил КИРИЛЛОВ,
инженер,
Пенза

Русская печь

Отцовский дом, веселое крылечко,
Изба, насквозь пропахшая сосной,
А посредине, как хозяйка,—печка,
Встречающая свежей белизной.
Старушка-печка,
Мы к тебе привыкли:
Ухват, заслонка, в саже чугунок...
Ты угощала пареною тыквой,
Румяные дарила пироги,
Лечила нас, бывало, от простуды,
Всегда умела теплоту беречь,
Кирпичное, почти живое чудо,
Хранитель детства—
Старенькая печь.
И вот ломают, век свой отжила—
Пора на паровое отопленье...
Все, что имела, щедро раздала,
Как верный друг,
Без тени сожаленья.

Виктор ФЕТЬКО,
бригадир СМУ,
г. Темиртау

Вечером

Чернеет пашня пообочь дороги.
Кричат грачи,
а на краю небес
горбатый месяц зацепился рогом
за дремлющий на взгорке
темный лес.
Сейчас надрывно
заскрипит калитка,
взбреднет Полкан,
уснувший под скирдой,
и бабушка в залатанной накидке
пройдет с ведром
к колодцу за водой.
И в темноте,
не справившись с зацепом,
начнет ворчать:
— Никак не разберу,
неужто ржой забило
все в кольцо-то?
Без мужика в хозяйстве
как без рук!
Ты подойдешь вразвалочку,
серьезный:
— Давай, чего там,
нешто я малец?
И зачерпнешь ведром
помятым звезды,
а бабка тихо скажет:
— Молодец.

Галина БЕДНОВА,
ветеран
Великой Отечественной войны,
Арзамас

Связь

Работала связь, работала связь—
В половине четвертого оборвалась.
Посылают связистку—
устранить тот обрыв,
Через выюгу,
которая плачет навзрыд.
Через время,
которое назовется войной.
Восстановлена связь
великой ценой—
Не вернулась связистка
в тоскующий взвод,
Записал ее подвиг
таинственный код...
Заработала связь, заработала связь!
Выюга плакать устала
и спать улеглась.

Павел ЕЛФИМОВ,
слесарь,
Москва

Призвание

Как в землю дерево вырастает,
В бригаду врос душой.
Слесарка—сила колдовская:
Корнями в сталь вошел!
Теперь не вырвать, не сломить—
Прикован к верстаку;
Ребят никем не заменить
На заводском веку;
Не избежать слесарных дел,
Не разорвать их цепь.
Призвание—бремя и удел
И просто жизни цель.

Изяслав КОТЛЯРОВ,
журналист,
Светлогорск
Гомельской области

Пекарь

Он из пекарни забежал—
и сразу ликовала хата!
И окружали мы солдата,
едва порог переступал.
В той жадно ждущей тишине
не смог он справиться с волнением.
Пройти сквозь наше окруженье
трудней, чем было на войне.
И он растерянно молчал
и по карманам шарил слепо.
Ломоть сияющего хлеба
с табачной пылью доставал.
...Я очень многое забыл,
но только не мгновенья эти,
как он шептал: «Возьмите, дети!»—
и, словно птицам, хлеб крошил.
Как улыбался он светло,
а мы—один другого ниже—
толкались, чтоб к нему поближе:
так вкусно пахло от него!

Анатолий СМИРНЫХ,
слесарь,
Рязань

Рассказ крестьянина

Прикроешь к вечеру
глаза усталые,
положишь руки
на постель вразброс
и вдруг почувствуешь:
как в землю воды талье,
так и в тебя
идет густая рожь.
Бескрайняя—
она еще бескрайнее,
поспевшая—
она еще спелей.
Недаром солнце,
сочное и раннее,
тепло и ясность отдавало ей.
Огромней ты становишься,
чем степь,
с колосьями,
почти как руки,
крепкими,
с ветрами мягкими,
как взбитая постель,
с дорогами,
как автомашины, стертymi.
А вечером
смежишь глаза усталые
и, прежде
чем к подушке припадешь,
ты вдруг почувствуешь:
как в землю воды талье,
так и в тебя
идет густая рожь.

Николай БЕЛОЗУБОВ,
инженер,
г. Камышин
Волгоградской обл.

По старинке

Был дед наукам не обучен,
Все—по старинке,
все—как мог...
Но мог ли кто, скажите,
лучше
Сложить в деревне нашей стог?
Чтобы, как он, легко, красиво,
И вроде бы не торопясь,
Сложить в лугах такое диво,
Что не видали отродясь.
Чтобы потом, поправив кепку,
Вдруг улыбнуться:
— Ну и ну!..
После такой работы крепко,
Наверно, вечером усну!..
Был дед наукам не обучен,
Все—по старинке,
все—как мог...
Но до сих пор в деревне лучше
Сложить никто не может стог!

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

СЫН ПОЯ

Иван ПАДЕРИН

то было года полтора назад. По второй программе телевидения показывали соревнования самбистов. Внимание мое привлек борец в синем поясе, загорелый такой лобастик, прическа сержантская. Он неустанно атаковал противника и, казалось, вот-вот победит, но неожиданно сам попался на болевой прием.

Еще секунда, вторая, и он должен похлопать ладонью по коврику — «все, сдаюсь». Но парень не сдается. Проходит еще несколько секунд...

— Железный парень, — сказал сидевший рядом со мной Юрий Андреев, в прошлом чемпион Ленинграда по самбо. — Однако ему пора сдаваться.

И в этот момент зал взорвался аплодисментами. Нижний самбист оказался наверху. Сработала, видно, какая-то пружина, он перекинул чубатого парня через голову, и тот распластался, припечатанный лопатками к полу.

— Победил мастер спорта Иван Смородин, общество «Динамо», Волгоград, — объявил диктор, и в ту же минуту оператор показал крупным планом лицо победителя.

— Железный парень, — повторил мой сосед, а я, затаив дыхание, еще ближе приник к экрану телевизора. Знакомые черты лица, разворот крутых плеч, прямая посадка головы напомнили мне... Кого же? Я не успел как следует взглянуть, кадр сменился, замелькали лица других спортсменов, однако перед моими глазами зримо стоял лобастый парень — победитель поединка Иван Смородин.

И вот догадка сверкнула в моей памяти — неужели это внук Ильи Смородина, пахаря из степной кулундинской деревни Дружинино? Того самого Ильи Ивановича, который в свое время удивлял односельчан умением возить солому на себе так, что, казалось, сама солома научилась ходить с поля до двора огромными колпаками. Он слыл шутником: то бодливого быка пронесет на своих плечах по улице, то чью-то шапку шутейно подсунет под угол поднятого им сруба недостроенной избы. Внешне он не был похож на силача: среднего роста, подсаженный, шея жилистая и кости, как видно, крепкие — гул через колено скобы из штыревого железа без разогрева. К началу Великой Отечественной войны выросли семерых сыновей. Пятеро старших стали трактористами. Один из них, четвертый по счету, Николай, очень был похож на отца и унаследовал отцовскую манеру «шутить». Помню, пришел он в райком комсомола, где я работал тогда первым секретарем, получать комсомольский билет. В синей сатиновой рубашке с расстегнутым воротничком, рубашка так обтянула плечи, что вот-вот в швах послышится треск. Вручая билет, я пожал ему руку, и он в ответ так давнул мою ладонь, что пальцы слиплись и я чуть не присел перед ним.

Началась война, и пятеро трактористов Смородиных — Иван, Игнат, Каня, Алексей и Николай — ушли на фронт.

С Николаем Ильичом Смородиным я встретился вновь 12 сентября 1942 года на Мамаевом кургане. Подходит солдат в запыленной гимнастерке, на груди медаль «За отвагу», и спрашивает:

— Не узнаешь?

— Стараюсь.

Показывает комсомольский билет, подпущанный мною. В глазах зарябило — это же тот самый тракторист из Дружининского колхоза. Открываю листок с отметками об уплате членских взносов. Смотрю и не верю своим глазам: за август месяц у него значится кругленькая сумма — заработок три тысячи рублей.

— Солидно...

— Я же истребитель танков, — пояснил Николай Смородин.

В начале октября истребительно-противотанковый дивизион, в котором служил Николай Ильич Сморо-

дин, был выдвинут на оборону Тракторного завода. Как сражался там мой земляк, мне стало известно лишь после окончания Сталинградской битвы. В одном бою, который разгорелся перед двухэтажным кирпичным домом, — теперь там расположена школа-интернат Тракторозаводского района, — Николай подбил из бронебойки два броневики. Потом перебрался на второй этаж дома и из окна угловой комнаты хлестал по гитлеровским автоматчикам из ручного пулемета с такой яростью, что не заметил, как кирпич под локтем на подоконнике стал скользким от крови — пуля задела правое плечо. А гитлеровцы наседали и наседали, и он встретил их гранатами. Ярость к врагу заглушила боль, и это помогло ему продержаться в доме до ночи.

Еще один эпизод военной биографии Николая... Пять суток группа истребителей танков под командованием лейтенанта Алексея Очкина сражалась в Нижнем поселке Тракторного завода. Николай Смородин совершил четыре ночных вылазки в цехи завода, глушил гитлеровцев гранатами, после чего там поднималась трескотня пулеметов и автоматов — захватчики вели бой между собой до рассвета, а тем временем неуловимый возмутитель их спокойствия гонимый под кручей берега в своем «ласточкинском гнезде».

Утром 20 октября Николая ранило в грудь, а ноги попали под гусеницу вражеского танка. Траки размяли ступни, но у него хватило сил, как потом он говорил, «на руках» дойти до кручи. Доложив командиру о результатах вылазки, Николай потерял сознание. Очнулся в госпитале, уже за Волгой.

Вернулся в Сибирь, в родной колхоз, весной сорок третьего. Дома застал только одного брата, остальные были на фронте. Отец Илья Иванович умер в сорок втором. Что делать? Рабочих рук в колхозе не хватало. Только ведь хорошо предложить руки, когда есть ноги, а тут одни обрубки до колен на протезах. Брат возглавлял колхоз, он сказал:

— Ну, что я тебе, Николай, могу посоветовать? Ищи работу сам.

На задворках колхозной усадьбы валялась поломанная сенокосилка. Месяца полтора Николай ползал вокруг нее. А когда начался сенокос, выехал на ней косить траву. Хорошо косил, по полторы нормы давал. А зимой, по старой привычке, потянулся к трактору. Ремонтировал так, чтобы без ножного управления можно было вести трактор по полю. Долго приспособливался — и приспособился: весной сорок пятого, в День Победы, получил вымпел победителя соревнования трактористов района.

Два года поработал на тракторе. Женится. А вскоре появился у них с Наташей, тоже, кстати, трактористкой, первенец — сын. Назвали его Колей.

Так с годами пришла к Николаю Смородину, ветерану обороны Сталинграда, семейная радость — пятеро детей, здоровых, жизнерадостных. Пятого, родившегося в шестидесятом году, назвали Иваном. И жизнь пошла, как надо: построили дом в поселке Чаинка, завели корову, купили мотоцикл. Только снова постигла беда инвалида. Машина, на которой повез он жену в родильный дом, перевернулась. И не стало любимой Наташи — скончалась она на месте аварии, а сам Николай был доставлен в больницу с переломом руки и сотрясением мозга.

Об этом горе Николая узнали его боевые друзья — сталинградцы. Алексей Очкин, тот самый, что командовал группой истребителей танков в Нижнем поселке и на круче, дал телеграмму: «Еду к тебе». Показать бы Николаю себя по всем правилам, по-солдатски: выйти навстречу командиру строевым шагом, отапортовать, затем пригласить к столу. Только как пригласить, когда сам привязан к койке и на душе такая горечь, что дневной свет кажется темнее ночи. Однако перед командиром солдат должен быть всегда солдатом — не хныкать, не жаловаться, если даже боль дышать не дает.

Выписался из больницы раньше срока, вернулся в свой дом. Вернулся и не поверил своим глазам. Добрые люди не оставили его детей без пригляда:

накормлены, в свежих, только что выстиранных рубашках. В доме и во дворе тоже все прибрано, самый младший — двухлетний Ванятка, шустряк, пол подметать научился.

Утром Николай надел фронтовую гимнастерку, прикрепил награды на грудь и вышел на улицу, сел на завалинку. Рядом Ванятка крутится. И вдруг почувствовал озноб в теле, как перед строевым смотром, когда уже подана команда «смирно».

Перед домом остановился «газик». Из него вышел человек с чемоданом, высокий, шагает широко. Да это ж его командир, Алексей Очкин, которого так ждал!

Николай встал, вытянулся, вскинул руку под козырек, рубанул строевым. Первый шаг, второй, третий... А четвертого не получилось. Слишком размашисто начал. На ногах не сапоги, а валенки, чтоб протезы не хлябали в коленках. Правый протез вдруг и подломился, в голове поднялся шум. Вместо: «Товарищ командир, рядовой такой-то...» — вырвался огорченный вздох. Николай стал заваливаться наземь.

— Паланька, не балуйся... — закричал Ванятка, — зачем падаешь?

Николай не упал. Его успел подхватить гость. Плечистый, сильный, он прижал своего бывшего солдата к груди со словами:

— Знаю про твою горе. Знаю. Затем и приехал к тебе.

Алексей Очкин выхлопотал путевку в специальный санаторий, откуда Николай вернулся без головных болей, только тоска по Наташе все еще щемила сердце. Посмотрит на детей — и места себе не может найти.

Через год, накануне Дня Победы, пригласили его в районный центр на встречу с молодежью — рассказать о Сталинградской битве. Сел он за руль мотоцикла, рванул по тракту, обгоняя свою тень. Перед самым райцентром, проезжая по мосту, столкнулся с грузовиком, тот и смахнул его в реку. Так трагически погиб Николай Смородин.

Дочерей его — Галю, Машу, Таню — увезли в районный центр и передали на попечение району, старшего сына, Николая, приняли в ремесленное училище, а младшего, трехлетнего Ваню, оставили у бабушки.

Четыре года подряд, до начала учебы в школе, навещали сироту однополчане отца. И спорили между собой: кто из них имеет больше прав и возможностей усыновить мальчика. Наконец, приняли единственно верное решение — предоставить это право городогеру, где сражался отец Вани.

Как говорила бабушка внуку, что скоро он будет жить в большом городе, учиться в светлой школе, спать на мягких подушках, кормить будут хорошо и сытно, так и вышло. Все было хорошо в школе-интернате Тракторозаводского района города Волгограда, одного только не хватало Ване — не было рядом с ним ни отца, ни матери, ни бабушки. И загрустил, затосковал мальчик. Ночами вставал, подходил к окну, упирался локтями в подоконник и вглядывался в ночную даль улицы... Замкнутость Вани Смородина насторожила воспитателей и учителей. Директор школы Борис Илларионович Гаврилов, воспитательница Дина Андреевна Шницель, преподаватель литературы Лидия Васильевна Трегубова стали искать ключи к душе мальчика. И нашли. В тех занятиях и играх, где надо проявить смекалку, ловкость и выносливость, Ваня Смородин преобразился, появились радость, увлеченность, желание отличиться.

Когда Ваня перешел в седьмой класс, директор школы порекомендовал преподавателю физкультуры определить его к опытному тренеру по борьбе. Верткий и цепкий паренек стал членом спортклуба «Динамо».

Через два года Иван Смородин выиграл звание чемпиона города среди юношей по борьбе самбо. Затем ученик десятого класса стал чемпионом города и области среди взрослых. После окончания десяти-

ОАА

летки Иван был призван в армию, откуда вернулся в свой город мастером спорта СССР по борьбе. Часто выступает на соревнованиях и почти всегда одерживает победу. В общем, железный парень.

В преддверии 40-летия Сталинградской битвы он все чаще стал появляться на перроне вокзала перед приходом поездов с ветеранами войны: в нем возникло желание как можно больше знать о ходе боев в этом городе, особенно в заводском районе, где сражался его отец — истребитель танков Николай Иванович Смородин.

...Это было в октябре прошлого года. Через окно вагона я увидел среднего роста, стройного, в сером костюме молодого человека — живой портрет моего давнего знакомого — Николая Смородина. Только тот даже в самый разгар Сталинградской битвы не мог отрешиться от отцовской манеры шутника, постоянно хитровато шурился, а у этого в глазах была грустинка, даже тоска. Он пристально вглядывался в лица ветеранов, надеясь увидеть среди них кого-то из боевых друзей его отца. Узнает ли он меня? В моем альбоме хранится тусклая фотография двадцатилетней давности: вихрастый мальчик Ваня сидит у меня на коленях, еще не веря тому, что отец, которого унесли на кладбище, не вернется к нему никогда. Тогда ему было всего лишь 3 года. Теперь — 22.

Мы встретились взглядами, и грусть в его глазах исчезла, лицо посветлело. Услышав свое имя, он удивился — как я мог узнать его?

— По отцу, Ваня, по отцу, — ответил я.

Побывали мы с ним на Мамаевом кургане, затем в Тракторозаводском районе, на волжской круче, где сражался его отец. Жаль, что здесь, перед обрывистым берегом, не осталось следов от окопов и могил воинов из группы лейтенанта Алексея Очкина. Комиссаром группы был Иван Афанасьевич Пивоваров, участник обороны Царицына еще в годы гражданской войны. Он погиб здесь 20 октября 1942 года.

— В тот день, — напомнил я Ивану, — твой отец тоже был тут ранен. Его спустили к Волге, связали для него два бревна крестом, чтобы не перевернуло, и отправили вниз по течению с надеждой — приберет этот крест к песчаному острову, а там наши увидят искалеченного воина. Так и случилось: Николая Смородина подобрала зенитчики и отправили в госпиталь...

Потом мы остановились перед окнами двухэтажного кирпичного дома. Окно угловой комнаты и теперь смотрит на улицу, вдоль которой хлестал из ручного пулемета по фашистам Николай Смородин. К этому же окну, как рассказывали мне воспитатели интерната, прикинул еще совсем недавно Ваня Смородин. Этот дом стал ему родным. Здесь он научился читать, писать, получил аттестат зрелости.

Что у него было на душе, когда я рассказывал о ходе боев на улицах Сталинграда, о подвигах его отца, — не берусь пересказывать. Ясно и так. У него чувствительное сердце, и ему трудно было скрыть волнение.

На автобусной остановке он посмотрел на часы:

— Извините, опаздываю...

— Куда? — спросил я.

— Через сорок минут заступаю на пост помощника дежурного по подразделению милиции.

Автобус доставил нас к центру города. Заскочив в свое общежитие всего на пять минут, Ваня предстал передо мной в форме сержанта милиции. В тот же день я встретил командира Ивана Смородина, и спросил, как он выполняет свои обязанности.

— Как и положено сыну героя-сталинградца — без замечаний, — ответил подполковник Майстренко.

Другого ответа я и не ожидал. Ведь у этого парня славная родословная. И я как бы вновь увидел перед собой его деда и отца. Тех, кто заложил основу, фундамент прекрасной советской семьи. Теперь к ней добавилась еще одна крепкая, надежная ветвь — сын города-героя.

После выступлений «Смены»

«НА ПОРЯДОК ВЫШЕ»

Министерство легкой промышленности СССР рассмотрело вопросы, поставленные в статье «На порядок выше» («Смена» №2, 1983 г.).

Реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий легкой промышленности занимает одно из важнейших мест в деятельности Минлеспрома СССР. Ежегодно более 70 процентов средств направляется на проведение этих работ.

Однако проведение реконструкции и технического перевооружения действующих предприятий требует выполнения сложных инженерных работ со значительным объемом строительно-монтажных работ, которые способны выполнять только специализированные строительные и монтажные организации, имеющие высококвалифицированные кадры и соответствующие технические средства.

Вместе с тем, принимая во внимание, что на ряде предприятий, расположенных в Ивановской области, требуется скорейшее проведение реконструкции и технического перевооружения, Минлеспром СССР совместно с Минтекстильпромом РСФСР принимают и принимают меры по организации и проведению работ силами самих предприятий так называемым хозяйственным способом. Для чего за период с 1977 года при промышленных объединениях «Ивхлоппром» и «Ивпромтехноткань» создано 5 передовых механизированных колонн, оснащенных соответствующими техническими средствами, общей мощностью более 8 миллионов рублей строительно-монтажных работ в год.

Следует отметить, что предусмотрены средства на премирование за техническое перевооружение и реконструкцию, которые учитываются в сметах на эти работы и не могут быть использованы на другие цели.

Кроме того, для усиления материальной заинтересованности работников строительно-монтажных организаций и строков, осуществляемых как подрядным, так и хозяйственным способом, Минлеспром СССР установил порядок премирования работников за ввод производственных мощностей и объектов строительства, в том числе и после реконструкции, определены максимальные размеры премий инженерно-техническим работникам и рабочим, занятым на реконструкции предприятия.

А. Н. ПУШКИН,
заместитель министра
легкой промышленности СССР

Каким будет мой очередной отпуск, если 18 лет мне исполнится в середине рабочего года, за который он полагается?

В. РОГОВ, Москва

Ежегодный отпуск рабочим и служащим моложе 18 лет предоставляется сроком в один календарный месяц — столько дней, сколько их в том месяце, в котором они уходят в отпуск, а не 30 дней, как это бывает на практике. В приказе следует указывать не продолжительность, а даты начала и окончания отпуска, например, с 5 июля до 5 августа. Последним днем отпуска в этом случае будет 4 августа.

Если работнику исполнилось 18 лет в течение рабочего года, то продолжительность отпуска определяется пропорционально: за время, проработанное до 18 лет, предоставляется по 2 рабочих дня за каждый месяц, а за остальное время — по 1,25 дня за каждый месяц (при 15-дневном отпуске по выполняемой работе).

Если же по графику отпуск предоставляется вскоре после того, как работнику исполнилось 18 лет, то и в этом случае отпуск будет в один календарный месяц.

Расскажите, пожалуйста, о порядке выплаты ссуды молодоженам.

С. АЛЕКСЕЕВ,
Ярославль

Беспроцентная ссуда выдается в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1982 года «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» объединением, предприятием, организацией или колхозом.

Ее может получить один из супругов в возра-

сте до 30 лет, если он проработал на данном предприятии не менее двух лет и хорошо зарекомендовал себя. На ссуду может претендовать семья, в которой есть хотя бы один ребенок. Она выдается на строительство, капитальный ремонт, расширение жилого дома, внесение вступительных взносов в ЖСК или обзаведение домашним хозяйством.

Размер ее — до 1500 рублей. Срок погашения — до 8 лет.

Решение о предоставлении беспроцентной ссуды принимается администрацией предприятия совместно с комитетом профсоюза. При этом учитываются рекомендации коллектива цеха, участка, отдела и т.д., состав и доходы семьи. В решении указывается, на какую цель и на какой срок выдается ссуда. Она может выдаваться получателю либо наличными деньгами, либо перечисляться в безналичном порядке. Например, сумма ссуды для внесения вступительного взноса в ЖСК перечисляется на счет соответствующего ЖСК.

При получении ссуды работник выдает предприятию обязательство о ее возврате. Погашение ссуды производится ежемесячно в размере 1/12 части годового платежа. В обязательстве должно быть указано, что в случае увольнения по собственному желанию без уважительных причин или за нарушение трудовой дисциплины, а также в случае нецелевого использования полученных средств ссуда подлежит возврату досрочно.

Если работник выбывает из ЖСК, получая паевой взнос, или продает свой дом до полного погашения ссуды, оставшиеся непогашенными средства, полученные в виде беспроцентной ссуды, должны быть полностью возвращены предприятию.

При рождении у ссудополучателя второго ребенка в счет ее погашения засчитывается 200 рублей, а при рождении третьего — 300 рублей. Основанием для предоставления этих льгот является свидетельство о рождении ребенка, выданное органами загса.

В районах Дальнего Востока и Сибири, в Карельской АССР и Коми АССР, в некоторых других областях Российской Федерации льгота введена с 1 апреля 1982 года. В остальных областях РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Молдавии и республиках Прибалтики — с 1 апреля 1983 года. В Казахстане, Средней Азии и Закавказье она будет введена с 1 апреля 1984 года.

Прошел всего год с минуты, когда под духовой оркестр перерезали алюминиевую ленту в дверях нашего универмага. Нового. Крупнейшего на Северном Кавказе. Взглянешь издали — далека на трехэтажное здание в серебристой рубчатой отделке, и даже настроение как-то меняется. В старом здании торговая площадь составляла 1580 квадратных метров. Нынче же наши «владения» — более 5 тысяч. А годовой план увеличился в среднем на 10 миллионов рублей.

У нас и прежде молодежи было много. Нынче же магазин, по существу, комсомольско-молодежный. В канун новоселья на учет встало 90 новых комсомолок, а всего комсомольцев теперь — 240. Как быстрее «поставить на крыло» вчерашних учащихся ПТУ и при этом не «завалить» план? Как сделать новичков продавцами по сути, а не по наименованию профессии? Задача непростая, но далеко не единственная.

А принципиально иная технология нашей работы? Переехав в новое здание, мы начали торговать по потребительским комплексам, то есть надо было отказаться от привычных, наработанных приемов. Учиться работать по-новому. Руководство универмага предложило комсомольским активи-

вольный. И дома у него вечером наверняка был праздник.

Продавец-консультант — это прежде всего продавец активный, постоянно контролирующей ситуацией в секции, всегда готовый прийти на помощь покупателю. А чтобы войти в контакт — сразу разгадать его, определить оптимальную степень общительности. Ведь есть и такие, что не любят, когда им помогают: сами, мол, разберемся. Это их право. Но наше дело, чтобы все они поняли, что с помощью продавца покупать и быстрее и надежнее. Будем мы правильно, в охотку работать — покупатели быстро во всем разберутся.

Вообще-то я за раннюю специализацию. Мне кажется, так вернее. Например, директор известного в стране Винницкого универмага считает, что таким предприятиям, как наши магазины самообслуживания, продавцы с опытом торговли по-старому не нужны. Их уже не переучишь.

На XIX съезде ВЛКСМ говорилось, что бытуют случаи, когда и в новых магазинах, при самой современной форме торговли остаются старые принципы, не красящие нас. Люди, пришедшие к нам, уходят неудовлетворенными. Я бы, пусть очень условно, поделила все проблемы и болячки на две группы: технологическую — как торгуют? — и психологическую — кто

гового предприятия. Продать французские духи «Клема» и эмалированную кастрюлю одинаково непросто. Вот почему нужна специализация и в учебе. Тем более что наступает пора прямых связей: магазин — предприятие.

Мы уже расширяем связи с поставщиками.

Например, более сорока процентов всего объема реализуемой детской обуви нашему Ставропольскому торгу поставляет обувное производственное объединение «Кавказ». Поставщик этот постоянный и перспективный. Надо сказать, руководство объединения охотно поддерживает нас, внимательно к нашим советам и пожеланиям, видит в прямых связях выгоду и интерес для себя. Покупательский спрос и для нас и для них — главная отправная точка в каждом деле.

Но прямые связи розницы и промышленных предприятий не встречаются энтузиазма у оптовых баз. Оно и понятно: во-первых, оптовики потеряют в товарообороте. Во-вторых, имея прямой договор, обувное объединение будет отдавать в магазины лучший ассортимент и комплектовать партии нужных размеров обуви.

Мы убеждены, что местные интересы оптовых баз не должны стать препятствием для внедрения прогрессивных, получивших уже повсе-

мерно ликвидировать узкие места. Польза обеим сторонам налицо, но главное, выигрывает покупатель.

Упомяну и такую надобную проблему, как бесправие магазина по отношению к продукции, не пользующейся покупательским спросом. Почему она должна по существующим правилам лежать на прилавке два года? И лишь спустя этот срок может быть уценена? А разве нельзя вернуть залежалый товар его изготовителю раньше? Да еще стоимость непроданного из плана вычесть! Вот когда фабрика не до своих ворот, а до нашего кассового аппарата сферу волнений и хлопот расширит.

Более шести месяцев висят жакеты, изготовленные Ессентукской трикотажной фабрикой. Из чистой шерсти связаны, но вид... «Конкурируют» с ними изделия Пятигорской трикотажной фабрики имени Крупской. Модель современная, а качество материала ниже всякой критики.

Хотим в порядке эксперимента одной из секций предоставить право на оперативную уценку продукции, не пользующейся спросом.

К сожалению, есть люди, для которых торговля — только способ «достать» вещи для себя, знакомых, а то и для спекуляции. «Достают» — и видят в этом весь смысл своей работы, считают, что ничего другого, никакого

Наталья ЛЕОНТЬЕВА,

старший продавец, бригадир комсомольско-молодежной бригады имени XIX съезда ВЛКСМ Ставропольского центрального универмага

НЕНУЖНАЯ КНИГА ЖАЛОБ

стам стать застрельщиками учебы. Оценки ставили... покупатели. Форма учебы? Прежде всего собеседования. Собирались после работы в кружок опытные продавцы, технологи, ученики и анализировали ситуации. Учились на чужих ошибках.

Был у Галины Владимировны Емельяновой, заведующей секцией «Товары для оформления квартир», такой случай. Покупательница сказала, что хочет приобрести для холодильника бытовую, не специальную электролампочку в 25 ватт. Галина Владимировна вежливо отвечает: «Такого быть не может. Нужна специальная лампочка». Неподдалеку же беседовали две молоденькие практикантки, обсуждали минувшие танцы. И надо же им было рассмеяться. Покупательница приняла смех на свой счет, буквально «взорвалась». Галина Владимировна же отвечает еще вежливее: «Пройдемте к консультанту». И тут же извинилась за девушек. Чем все закончилось? У покупательницы оказался холодильник настолько старый, что бытовые лампочки и впрямь к нему подходили.

Одно дело — объявить на общем собрании: «Завтра, девушки, будем работать по-новому». Другое — помочь девушкам осознать, что продавец теперь не сторож при товаре, а консультант, психолог, умеющий, как и врач, читать настроение по лицу. Торговать сегодня — это значит не просто продавать то, что поступило на склад, но и изучать спрос, влиять на промышленность.

...Одна из первых «этого покупателя» заметила Галя Сапрыкина. Ходит, ходит мужчина по их секции «Женское пальто», а брать ничего не берет. Галя сразу определила: не решается. Подошла. Мужчину объяснил: «Давно уже хочу жену пальто с норковым воротником подарить. Скопил денег, ей не говорю, сюрпризом хочу, а как выбрать, не знаю». «Давайте на меня примеривать, — предложила ему Галя. — Спешить не надо. Покупка дорогая». Долго выбирали, Галя раздумывалась, как в бане — все-таки август тогда был, — но покупатель ушел до-

торгует? Возьмите такую ситуацию. Будущие продавцы в нашей шестимесячной школе учатся по программе, в которой не учтена новая, принципиально отличная от прежней методика работы. Ну, с ними хоть есть постоянный контакт, они стажировались в нашем магазине, знают наши проблемы, и мы имеем возможность оценить их способности, представляем, над чем придется попотеть при «доводке». А выпускники годичного торгово-кулинарного училища полностью выпадают из-под нашего влияния. Хорошо, если человек по призванию пришел в училище. А если по принципу: где троллейбус остановился? Мы горе с таким мыкаем, да и самому человеку несладко постылым делом заниматься.

Мы анализировали эту проблему. Решили так: за несколько месяцев до распределения точно определять будущих коллег. Приглашать на рабочие совещания, планерки, вечера отдыха. Пусть поработают смену-другую в разных отделах. На нас посмотрят, себя покажут.

И еще решили не ждать удачи, искать ее. Думаем оформить в магазине стендовый комплекс «Универмаг в делах и судьбах», из материалов которого молодые люди, выпускники школ, узнают об истории нашего коллектива, его лучших представителях, наградах. Найдется место для мнения психологов, социологов о требованиях, предъявленных современному продавцу. Кроме того, у стендов установим постоянное дежурство комсомольских активистов — объяснят, что надо, на словах, на личном примере.

Наш магазин, образно говоря, «пальто навзрост». Завтра придет время новых форм работы, которые еще более ужесточат, усложняют требования к продавцу. Выход? А может, сам универмаг должен составлять программы учебы будущих продавцов? Может, спецкурсы и семинары в училищах должны время от времени вести наши лучшие технологи, заведующие комплексами, секциями? «Продавец вообще» сегодня уже не удовлетворяет требованиям современного тор-

говое предприятие. Признание прямых связей розницы и производства.

Еще интересная идея: нужно сократить путь изделия к покупателю. Крупным торговым предприятиям, таким, например, как наш универмаг, надо предоставлять юридическое право заключать прямые договоры о сотрудничестве с производством, минуя оптовую базу, где нередко товары оседают или распределяются без учета запросов и потребностей покупателей.

Что волнует оптовую базу? Вал. За него и премии и почет. Качество для базы — дело десятое. Но много — не всегда значит хорошо. Как часто, глядя на иные изделия промышленности, мы в очередной раз убеждаемся в правоте этой азбучной истины. Бывает так, что вид отдельных товаров вызывает лишь сожаление о напрасно использованном сырье, затраченном труде. Да и у продавцов сразу тонус падает: не станешь же предлагать покупателю то, что самому не нравится. Вот и остается ходить с независимым видом: я тут ни при чем. Какая тут может быть культура торговли?

На складах нашего ЦУМА товаров — на 7 миллионов рублей. Мы же продаем в день не на 150 тысяч, а в три раза меньше. Вот цена низкого качества.

Получили, скажем, продукцию нашей фабрики «Восход» — женские свитеры. Покупатель ни за что самостоятельно не узнает, чьими руками изготовлена приобретенная вещь. На коробке только и прочтет: «упаковщик № 4». Была бы фамилия бригадира, номер телефона начальника смены, две копейки опустил в телефонный автомат, и, пожалуйста, проводи импровизированное совещание по качеству. Заслужили доброе слово — радуйтесь. Плохо сработали — ищите причины. Сейчас же мы, продавцы, должны выслушивать и похвалы и упреки.

Обувщики же Челябинской фабрики, например, сами встают за прилавком и, как говорится, из первых уст узнают оценку покупателя. Продавцы, в свою очередь, «свои люди» на фабрике. Взаимоконтроль помогает бы-

стро удовлетворения от их работы быть не может. Что ж, от их работы, наверное. А вот какой случай рассказала нашим новичкам Юлия Никифорова Мартынова, заведующая секцией «Костюмы»:

— Неумелого покупателя нужно оберегать. Купит костюм по размеру, а цвет — ему неважно. Потом уже, когда поносит пару месяцев, спохватится, не серый бы надо, синий, да поздно. И висит обновка. Вот и тогда гляжу, как пожилой мужчина со множеством орденовских планок на груди эдак с налету просит завернуть костюм. Смотрю я, хороший костюм, но цвет молодежный. Осторожно завожу разговор: «Себе выбрали?» Расцвел фронтовик: «На встречу с однополчанами еду. Юбилей у нас. Потому желаю в новом костюме быть».

Предложила я Андрею Семеновичу стул и говорю: «Посидите минуту, сейчас вам еще несколько костюмов принесем, выбирайте, а этот не разрешаю брать. Внуку — пожалуйста».

Рассмеялся фронтовик «Я, — говорит, — в этих магазинах, как мальчишка, робю и людей — продавцов, значит, — мытарить стесняюсь». Словом, выбрали ему костюм солидный. Зашел после встречи — подтянутый, молодежавый. «Завтра однополчанина приведу, можно? Пристал ко мне: кто выбирал да где покупал? Вы уж не обессудьте...»

Добавлю от себя к этому рассказу. В книге отзывов тогда появилась такая запись:

«Мне, как человеку, много раз смотревшему смерти в глаза, раненому не один раз, отмеченному орденами и медалями, особенно приятны эти человеческие отношения к покупателю и особенно к нам, фронтовикам».

Баранов Андрей Семенович, г. Ставрополь, ул. Ленина, 108/2, кв. 85».

Вот такая простая, искренняя человеческая благодарность — самая главная радость, которую может принести наша работа, если работать по совести. И дороже ее ничего быть не может.

АЧТОУ ВАС?

Двенадцать фантазий
КОЛЬЕ ИЗ КОРЫ

Пляски на спине
Шаги Памира

НАУКА ВЕДЕТ ПОИСК

ГОРА С ГОРОЮ СХОДИТСЯ

Ну кто бы мог подумать, что устоявшееся мнение о неподвижности гор поколеблется? И тем более, что скорость гор-путешественников научатся измерять?

Группы геофизиков, которые каждую весну отправляются в долину реки Обихингоу в горном Таджикистане, не везут с собой, разумеется, секундомеров — их аппаратура гораздо более сложна и громоздка. Сюда, на шестиклометровую высоты хребет Петра Первого, ее доставили вертолеты. Лазерные светодальномеры, действующие по принципу «светового эха», расположенные сетью на большом расстоянии друг от друга, фиксируют малейшие смещения земной коры.

Идея о сближении отрогов Памира и Тянь-Шаня была выдвинута давно, но только современная техника позволила сказать с абсолютной уверенностью: да, горы ходят.

— Самое пристальное внимание этому факту мы уделяем с 1948 года, — объяснил руководитель экспедиции Института физики Земли кандидат технических наук Анатолий Певнев. — За последние десять лет Памир придвинулся к Тянь-Шаню на полметра.

Медленно, правда, сантиметра по четыре в год, но придвинулся, вызывая своим противоположным движением жаркие споры. Ученые продолжают искать причины, побудившие горы пуститься в «путешествия».

Николай ПАТРИКЕЕВ

ИНИЦИАТИВА!

ЧЬЯ ИДЕЯ?

Больше пяти часов шел в Мирном аукцион технических идей. «Продавцами» здесь были инженеры, рабочие, научные сотрудники, работающие на предприятиях и в организациях столицы алмазодобытчиков Якутии. «Покупателя-

ми» — тоже рабочие, инженеры, служащие и т. д.

Основная ценность аукциона была в том, что, помимо знакомства с «собственными» изобретательскими талантами, заинтересованные лица могли позаимствовать необходимую им идею у «соседей», которым по технологии она была не нужна, а выбрасывать «товар» было жалко.

При активном и заинтересованном участии зрите-

лей (рабочих, инженеров, служащих...) все двенадцать участвовавших в аукционе предложений были обсуждены и одобрены новыми хозяевами. Когда внедрение их будет осуществлено на практике, предприятия получат большую экономию в рублях, станет легче труд алмазодобытчиков. Такие аукционы решено отныне сделать традиционными.

Павел ПЕТРОВ

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Лучшие молодые рабочие Тазовского рыбозавода, расположенного в Ямало-Ненецком автономном округе, по решению своей комсомольской организации объединились в педагогический отряд «Ровесник». Подшефные подразделения — подростки местной школы-интерната.

Евгения СИМОНОВА

...МАСТЕРА!

Сказка березовой роци

...Подвески, шкатулки, серьги, броши, целые ювелирные гарнитуры — какое женское сердце не дрогнет при виде всей этой прелесть? А когда проходит первый восторг от филигранной работы мастера, сотворившего такое волшебство, поражаешься другому: ведь все это великолепие создано из... бересты.

После окончания Нижнетагильского художественно-педагогического института Владимир Поспелов руководил кружком во Дворце пионеров. Тогда и сделал первую коробочку из бересты — для нужд чисто житейских. Затем попробовал украсить ее резным орнаментом...

Берестяное кружево издревле называли ювелирным, однако ювелирных изделий никто из бересты не делал. А Поспелов, художник из Каменска-Уральского, рискнул.

Евгений КОМЗЕВ
Фото Игоря РОЗИНА

...ТАК НЕ БЫВАЕТ?

Растут грибы на табуретке

Эта знаменитая теперь на весь Джамбул табуретка из древесностружечной плиты стоит в кухне у одного из жителей города, Н. Сергеева. И на ней действительно вырос гриб — такой же, какие бьются на стволах деревьев.

И что удивительно: ведь прежде чем стать плитой, а затем и табуреткой, древесную стружку обрабатывали паром, различными химическими веществами, эпоксидными смолами; обрабатывали под давлением, пилили, но грибные споры выжили!

Виктор СОРОКИН

От редакции. Как нам сообщили на кафедре защиты леса Московского лесотехнического института, в табуретках грибы развиваются не так часто, но тем не менее удивительного в этом мало.

Существует целая группа грибов — древоразрушителей. Например, трутовики, растущие на стволах деревьев. Многие из них могут обитать в мертвой древесине и изделиях из нее. Грибы размножаются микроскопическими частицами-спорами, которые поистине вездесущи. Их обнаруживают в толще вечной мерзлоты, в глубинах океана, в верхних слоях стратосферы. Один кубометр приземного воздуха в сельской местности содержит, например, 12,5 тысячи спор.

Согласно данным специальной науки, изучающей жизнь грибов — древоразрушителей, ксилобиологии, они обладают большой экологической пластичностью и умело приспособляются к изменению окружающей среды. Причем если грибы на дереве известны людям с древнейших времен, то ныне отмечены случаи появления их на стекле, резине, пластмассе, в среде горючих и смазочных материалов. Грибы могут вырасти на металле и даже «использовать» ртутные препараты.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ

Тбилисские бани

В той части города, которая сегодня называется Абано-субани, то есть «кварталом бани», «бьет из скалы горячая вода, и есть там большие бани», — сообщает нам известный грузинский историк и географ XVIII века Вахушти Багратиони.

«...Гасан... начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу; после чего начал он мне ломать члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, прыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине вприпрыжку...). После чего долго тер он меня шерстяной рукавицей и, сильно ополоснув теплой водой, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимо: горячее мыло обливает вас, как воздух!»

Это описание принадлежит перу А. С. Пушкина. В точности наблюдений вы можете убедиться и сегодня. В Тбилиси недавно открылась так называемая «Новая баня». Польным ходом идет реставрация бани XVIII века, называемой «Баней царя Ираклия II».

Неподалеку от серных бань расположен бальнеологический курорт. Это лечебное учреждение в скором будущем должно стать ядром большого курортно-лечебного комплекса. В лечебную зону площадью почти семьдесят гектаров наряду с санаторием, амбулаторией и стационаром войдет и большая часть серных бань.

Галактион ТАГАНШВИЛИ

РАБОЧИЕ ЛЮДИ

В РАЗГАРЕ — ОПЕРАЦИЯ «ЭНЕРГИЯ»

«Личный состав», участвующий в этой операции, — комсомолцы ленинградских предприятий, где собирают агрегаты «ГТН-25» — «Невский завод», «Металлический завод», «Завод турбинных лопаток». Цель операции — максимально сократить сроки изготовления агрегатов, без которых не сможет работать строящийся газопровод «Уренгой — Помары — Ужгород».

Творчески решают сложные

технические задачи молодые рабочие. Так, например, в комсомольско-молодежной бригаде токарей С. Русанова производственного объединения «Невский завод» любой может работать на любом станке из тех, что имеются в бригаде. Такой подход к делу практически полностью исключает даже случайные простои. А недавно ребята с удовольствием поддержали предложение комсорга роторного участка В. Угловского организовать работу на четырех новых станках с числовым программным управлением так, чтобы их могли обслуживать не четыре штатных, а всего лишь два оператора!

Операция «Энергия» продолжается.

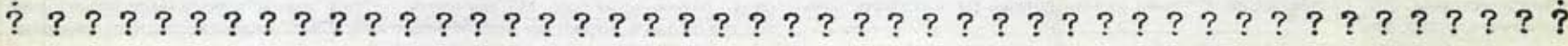
Виктор ПОПОВ

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

ВСЕ МЕСТА ЗАНЯТЫ

В Барановской средней школе Алтайского края уже много лет работает цирк, который недавно получил звание «народный». В цирке — ученики с пятого по десятый класс. Акробаты, эквилибристы, жонглеры — очень разнообразная программа. Когда на школьном празднике выступает цирк, все места в зале заняты и даже негде стоять.

Анатолий ЛЕЛЬЕВР

Виктор ШАЛАТОНОВ

Следователь встал, не в силах больше скрывать свое состояние, подошел к облупленному шкафу, достал из-за стопки брошюр и кодексов вскрытую пачку соды, ложку — насыпал почти полную.

Вернувшись, налил из стеклянного кувшина стакан воды, повернулся спиной к девчонке, сидевшей на стуле у приставного столика, высоко запрокинул голову.

Проглотив воду залпом, он обернулся, поспешно налил второй стакан, выпил уже спокойнее, не отворачиваясь от собеседницы.

Стряхнув белесую пылицу соды с лацкана пиджака и галстука, он посмотрел на девчонку — взбудораженную, немного всклокоченную и тревожную, но все равно стандартно красивую, стандартно модную, с белой прядью через узкорисованный глаз и волосами, небрежно распущенными по плечам.

«Нынче больше красивых, чем некрасивых, — подумалось Следователю. — Похоже, всякий нормальный человек рождается красивым по-своему: уберечь его от болезней, корми как положено — и готов красавец. Теперь самое время для возвращения красивых людей».

Нужно было продолжать работать. «Вы больше других понимаете их... этих, современных, — уговаривал его несколько часов назад начальник. — Вы умеете с ними разговаривать».

Это самое «с ними» прозвучало так, как будто они были инопланетянами или по крайней мере иностранцами.

Он все еще находился под впечатлением предыдущих допросов и никак не мог начать разговор с девчонкой, хотя та уже сама посматривала на него недоуменно.

«Этой тоже придется долго объяснять, что, кроме ее желаний, интересов и страстей, есть еще общество, люди, закон. Придется заставлять смотреть на себя со стороны (но не с маминной или папиной стороны), учить мыслить более логически и более взросло и только потом (опять же учить!) толково отвечать на вопросы».

Перед ним только что прошли четыре почти совершеннолетних человека, не имеющих никаких понятий об устройстве самой обычной повседневной жизни вокруг них, знающих только свое раздутое «я».

Такие дела, как сегодняшнее, выматывали душу непонятной своей логикой, вернее, даже какой-то антилогикой. И даже не в этом главное... Следователю были непонятны истоки таких преступлений. Встречаясь с «ними», он рано или поздно сталкивался с одними и теми же вопросами: «Ну, почему так?! Каким образом вы смогли появиться у нас? В нашей жизни?»

И он поневоле всякий раз уходил в свое мучительное детство: «Ладно мы. Я сам... Девять лет. Никого на белом свете. Вокруг мир, ожесточенный войной, разрухой, невзгодами, голодом. Есть хочется постоянно, есть хочется всегда. От всего раннего детства так и осталось одно ощущение — хочется есть!»

Он вспоминал людные поезда, послевоенные вокзалы, города-развалины, города-катакомбы... Сажа на крышах вагонов, черно-масляные цистерны, мелькающие в неверном свете станционных керосиновых фонарей. Его жизнь, как изможденная и искусанная гусом животиная, собравшись с силами, вставала и протирала кожу по хребту. Похоже, что он был не по силам даже своей собственной жизни. И ему приходилось цепляться за нее черными от грязи ногтями, прикипать к ней телом, вгрызаться зубами... Голод истощал разум, обезболивал страх, убивал и разжижал совесть.

Да, конечно, в те годы он был маленьким ходячим желудком, пульсирующим трудно, болезненно — уже тогда язвенно. Вот и приходилось пронирай-зверьком шнырять по толкучкам, корябая до крови ребра, забираться в какой-нибудь ларек, чаще всего пустой, но из-за пролома в котором все равно раздавались крики «держи-лови» и ахали выстрелы ретивых охранников. Тогда бывали дорожные и всякие другие отделения милиции, ДПР (детский приемник-распределитель) с высоченными заборами и строгими правилами жизни, бывали детдома и, конечно же, побеги. Это уже работала привычка человека-зверька пусть к голодной, но воле-свободе!

Но... дошло. Дошло! Дошло, как только нашелся человек, который погладил его кулечей по голове (у этого директора детдома правой не было по локоть, а на левой руке был лишь один большой палец) и вздохнул тяжело: «Пора кончать все это, Павлушка. Пора, брат. Худо-бедно страна тебя одела, пятками голыми не сверкаешь, колени — и те не светятся. Кормит тебя страна хоть и не шибко жирно, ну, так ты посмотри на тех, с кем воюешь постоянно, — на домашняков посмотри. В глаза им взгляни повнимательней, без злости за то, что они живут дома. У них хоть и есть матери, а у некоторых даже отцы, все равно у большинства пацанов глаза по-голодному светятся. Да что там! Ты вот ко мне приди, знаешь, где живу, на мою троицу посмотри... Чем их мать кормит и сколько. Так-то, брат...»

Может, время подошло, может быть, опыт обременил душу познанием, но в этот раз он вдруг как-то сразу понял. Понял смысл того, что слышал множество раз. Именно потому понял, что сопровождался слова искренним отцовским прикосновением, истинной лаской.

Как он тогда плакал! До сих пор помнит... Стыдился своих слез, размазывал их рукавом популярной тогда в детдомах серой толстовки. А директор сидел, и ждал, и только приговаривал тихо: «Ничего, Павлушка, не стесняйся, брат. Поди, давно не плакал от души? Зачерствел. Считаешь слезы большой слабостью. Вот они и поднакопились, теперь вот прорвались сразу... И это хорошо. Да, хорошо. Плохо, когда слезы в душе так и перегорят».

В тех слезах как будто изошла его злость на людей, на жизнь, на свою сиротскую судьбу... Потом всякое еще бывало, но главное тогда свершилось.

Может быть, поэтому Следователь теперь понимает, когда преступником становится несчастный человек, по-современному — неблагополучный. Но вот когда ему приходится допрашивать счастливых...

Следователь вздохнул, посчитал нужным сообщить, как бы даже оправдаться перед девчонкой за то, что он при ней был вынужден пить соду:

— Язва... То закрывается, заживет, то снова откроется. Не зря язва... Пристанет — не избавится за всю жизнь. Наследство от детства. Ели мы что придется в те времена, а то и вообще ничего не ели по трое суток...

Нет, у него и мысли не было о сострадании, оно ему не было нужно, но все же Следователь с горечью был вынужден отметить, что ни тени сочувствия в глазах девчонки не промелькнуло. Только брезгливость, которую она не сумела скрыть, да еще, пожалуй, скука. Девчонка скорее всего испугалась, что он сейчас начнет ее воспитывать примерами из своего детства или еще что-то в этом духе.

Да, не любят «они» этих воспоминаний. Но не потому, что больно слышать, читать или видеть, и даже не оттого, что «они» не верят: просто-напросто «они» уверены, что им это не нужно. Они отрицают даже такой опыт. Оно, конечно, прощупать все своими руками, испытать все самим в некотором смысле и во многих случаях даже хорошо, но отрицать все!...

Следователь отошел от окна, взял стандартный лист бумаги, вывел «шапку», решительно ее подчеркнул.

— Итак, Марина, все по порядку. Толково, не спеша, ничего абсолютно не скрывая. На нас, знаешь, часто обижаются, что-де мы, бюрократы, радуемся своей власти над людьми, попадающими к нам, жмем на них, несчастных, не стремясь заглянуть в душу. А мне думается, что вы сами всегда бываете виноваты. Не пускаете. И не просто не пускаете, а ожесточенно, воинственно, еще даже как бы на подступах к вашим душам, на подходах. И вот ведь какое дело: не пускаете не из-за страха, а из-за недоверия в том смысле, что мы, мол, неспособны разобраться там у вас, в ваших душах. Вы-де, современные, сложные, тонкие, а мы отсталые, сырые да серые... Обстановка, понятно, теперь не та, щупать все своими руками, испытать все самим в некотором смысле и во многих случаях даже хорошо, но отрицать все!.. И следователь не тот человек, перед которым хочется исповедаться, но все же давай мы с тобой будем как можно откровеннее. Теперь это даже необходимо.

— Вам нужна откровенность? — Губы девчонки вдруг искривились, она вскочила, сделалась совсем некрасивой. — Их поймали?! Да? Их поймали? Допустите меня к ним! З-в-е-р-и-и!

Следователь болезненно поморщился, погладил волосы от макушки вниз — они у него были коротко стриженными, с заметной проседью.

— Успокойся, Марина. Нельзя так. Давай не будем срываться на слишком бурные эмоции. А в том, что они свое получат, можешь не сомневаться. Каждый свое получит... Это уж точно.

Девчонка села, но сразу успокоиться не смогла:

— Понимаете, Стас так жалобно-жалобно стонет, упрашивает: не бейте больше, парни, мы же свои... Мы тоже балдеем! Представляете? Мы, тоже, говорит, хулиганы.

Следователь нетерпеливо дернулся от последних слов. Девчонка заметила, что ее слова прозвучали странно, пояснила:

— Это он, должно быть, для того так говорил, чтобы угодить; разжалобить этих сволочей. А они все равно гогочут, рты свои так противно пораскрывали: «Га-га-га! Побалдели, так теперь еще и покайфуйте!» И поливают вином головы, лица, стараются попасть за шею... Ой, не могу! — Девчонка уткнулась в ладони. — Не поверила бы ни за что, если бы не увидела все своими собственными глазами!

Следователь терпеливо ждал, пока допрашиваемая перестанет всхлипывать, и снова предложил:

— И все же нужно начинать, Марина. Говорить по существу...

— Хорошо. — Девчонка быстро-быстро закивала головой, и Следователь сразу же вспомнил этот жест — так обычно делают, с чем-то соглашаясь, обиженные героини фильмов. — До этого ничего особенного не было. Мы, как всегда, погуляли немного в своем микрорайоне, потом пошли в соседний. Когда и там надоело, пошли в лес. Вдали увидели костер. Крон предложил

пойти посмотреть, кто там. Когда подошли, то увидели, что возле костра сидят два взрослых парня... Может быть, лет двадцати пяти. Возле них вокруг костра валялись пустые бутылки из-под вина и коньяка. Крон стоял первым. И надо же! Ему взбрела в голову мысль попросить у парней вина. Тот, который сидел ближе к нам, рыжеватый, стриженный почти наголо, отвечает: «Это можно... Почему бы не угостить? Только давайте знакомиться. А то как же пить из одной посуды и не знать, с кем пьешь?» Крон подошел к стриженному, Вадя — ко второму, чернявому. Стас тоже сделал два шага вперед... Вышло так, что Крон и Вадя почти одновременно протянули руки этим парням. И сразу же, я даже не заметила как — все произошло так мгновенно, — те двое оказались на ногах, а Крон и Вадя корчились и стонали чуть ли не в самом костре. Точно я видела только то, как чернявый потом ударил Стаса. И он тут же упал...

Я закричала. А может быть, мне только показалось, что я закричала. Не помню теперь точно. Такое, знаете ли, состояние. Хотелось бежать без оглядки, а двинуться не могу, хочу повернуться, а ноги не слушаются, все тело не слушается. А вот Валера «не растерялся». Как только к нему направился стриженный, он развернулся — только след простыл! Шавка! Слабак несчастный! Все время хвастался, что знает приемы каратэ и так далее. Что ему ничего не стоит троих самых сильных мужчин уложить. Все время свою длинную ногу задирает — малышей пугал, одноклассников: дескать, я и так могу ударить и так... Теперь я понимаю, чего он стоит на самом деле!

Стриженный крикнул Валере вдогонку: «Не вздумай постучать, заяц! Из-под земли выковыряем!» Как только после такого предупреждения он решился сообщить в милицию?

Следователь после некоторого раздумья заметил:

— А это и не он... Другие сообщили. Валера же ваш прибежал домой, поужинал как следует и сел к телевизору. Стальные нервы у человека.

— Встречу — в глаза наплюю!

Следователь не отреагировал на выкрик.

— Что было потом?

— Потом из-за лесины вдруг поднялся еще один из этих... Худощавый такой, с интеллигентной бородкой, похожий на художника. Отсыпался, наверное. Этот оказался самым противным. Для меня. Он потянулся и давай в шутку на своих ворчать. «Э-э, — говорит, — да вы развлекаетесь изволите? А обо мне позабыли?» Стриженный отвечает: «Пока ты кемарил, на нас тут грозная сила навалилась. Гангстеры! Супермены и вообще отчаюги. Велели вина поднести на цырлах. А самих себя на закусь! Подали вот... Кайфуют теперь!»

Худощавый ко мне подошел. «И эта пигалица, — шипит, — из грозной стаи! Ах, да! Джинсишки и прочее...» Мне все время хотелось бежать. И я решила было, но этот, с бородкой, наверное, почувствовал мое желание, зашел за спину, взял двумя пальцами за шею, снова сквозь зубы со злом таким: «Не вздумай дергаться, сосункам хуже будет». Вырвал у меня из рук магнитофон и швырнул его к костру...

В этот момент я услышала разговор, а потом и увидела в просветах между деревьями двух мужчин. Решила, будь что будет, и крикнула: «Помогите!»

Девчонка умолкла.

— И что? — Следователь добыл из пачки очередную сигарету.

— Разрешите? — протянула руку девчонка.

Следователь смутился, но мгновенно перестроился:

— Пожалуйста.

Она прикурила, низко склонившись над столом — волосы красивыми, эффектными кольцами легли на протокол допроса, — выпустила дым первой затяжки прямо перед собой, сильно вытянув вперед губы (так делают девицы — заведущие ресторана, подчеркивая свою независимость, раскрепощенность, презрение ко всем и вся и еще бог знает что подчеркивая).

— А то, что и следовало ожидать! — снова повысила тон девчонка. — Они поскорее проскочили мимо! Теперь кругом одни трусы! Поголовно!

Следователь выпустил дым в сторону раскрытой настежь форточки.

— А я не уверен в этом. Они просто-напросто растерялись, не сообразили, как вести себя. Почему? Да потому, что вот ведь совсем недавно в новом микрорайоне в одиннадцать сорок прохожий вдруг услышал отчаянный девичий крик. Кричали то же самое, что и ты: «Помогите!» Мужчина моих лет бросился в лесок, ну, такой, какие раньше в старой части города были — куски тайги, оставленные строителями. И что ж ты думаешь? Его встретили три парня-десятиклассника и их одноклассница, которая перегибалась в поясе от смеха. Как же! Шутка удалась! Мужчина, естественно, попытался высказать все, что подумал о «шутниках». Так парни втроем так отходили беднягу, что он едва выполз к автобусной остановке. Вместо дома, куда торопился с работы, в больнице с переломами оказался. Так вот... — Следователь умолк, но тут же встрепенулся. — Кстати, ты послушай, что кричат твои сверстницы по ночам во дворах. И как кричат. Так кто же способен понять, изволите вы развлекаться или в самом деле попали в беду? Это одно. А второе — вы ведь уже приучили людей старшего поколения держаться от вас подальше в любом случае. Вы даже своим родным на день сто раз твердите: «Не ваше дело!»

Девчонка возразила только на первое замечание Следователя:

— Нужно быть совсем валенком, чтобы не понять интонации!

— Ладно, видно, не понять этого именно тебе. — Следователь встал, заходил по кабинету от шкафа к столу. — Да и уклонились мы, однако...

— Он, этот, с бородкой, сережки снял. «Золотые?» — спрашивает. Я ответила, что не носила никогда чего пополам. Он тогда хмыкнул и заявляет: «Не подумай, что из-за стоимости, из-за корысти... Конфискую исключительно из-за любви к красоте. Мы все, видишь ли, в душе поэты. А камешки ох как играют в свете костра!» А те сережки мои самые любимые. Мама мне их при переходе в девятый класс купила. Двести восемьдесят шесть рублей тогда стоили. Теперь все шестьсот потянут!

Следователь внезапно посуровел. Девчонка этого не заметила.

— Потом они приказали отвернуться к костру спиной, включили магнитофон и приказали не поворачиваться до тех пор, пока не кончится музыка. В общем, когда касета кончилась, я почувствовала, что этих троих у костра уже нет. Повернулась — они действительно исчезли. Потом увидела бегущего в нашу сторону милиционера, потом второго — Девчонка облегченно вздохнула и выжидающе посмотрела на Следователя.

— Нет, Марина, это не все. На сей раз жизнь подступила к тебе основательно, по-серьезному. Я понимаю, что ты устала, но, увы, ты обязана помогать мне даже через свою усталость. Заметь, помогать уже независимо от твоего желания. Тебе это сразу трудно осознать. Как это вдруг не учитывать твоих желаний? Ведь до сих пор ты только и жила ими, своими желаниями. Нужно. Заметь и то, что в случае, если твое желание разойдется с моим, мне на помощь придет закон. Нет, он не бездушен, поскольку определен, установлен и исполняется людьми, но все же закон,

с другой стороны, неумолим. — Следователь в который раз ходил по кабинету. — А ты никак не хочешь описать как следует первую часть вашего дня. Никак! Впрочем, и в той части, где ты была словоохотливее, ты, как бы здесь поточнее выразиться, не совсем правдиво все передала: может быть, не запомнила, а может быть, специально смягчила слова и поступки своих друзей. Вот, например, вы взбежали на противоположный берег ручья в лесу. Ты, естественно, немного поостала от парней, крикнула им: «Эй! Вы еще долго собираетесь сверкать пятками?! Кто за вами гонится?» — Следователь уже в упор, истинно по-следовательски, стал смотреть в глаза допрашиваемой. — За вами кто-то должен был гнаться?

Девчонка не выдержала взгляда.

— Нет, конечно. С чего бы и кому за нами гоняться? Просто пришлось к слову.

— Добро. Пусть будет так. Вот вы увидели костер. Метрах в двухстах от вас. Ты мне объяснила, что Крон, то бишь Кронкин Сергей, сказал: «Пойдем посмотрим, кто там». Разве костер в лесу для вас такая уж диковинка? Неожиданность? Разве вы заранее не знали, что там могут делать люди? Ведь ни по какой другой причине костры здесь никто не разводит: только посидеть у огня, выпить, поджарить шашлык и так далее. Вы и сами не раз жгли эти костры и со взрослыми с самого раннего детства ходили на лоно природы в выходные дни... Ну, вот вы вышли к костру и увидели двух парней. Ты доказываешь, что Крон попросил вина. Заметь, ты говоришь «попросил». Что само собой подразумевает вежливое обращение, просьбу. На самом деле этот эпизод выглядел несколько иначе. Увидев костер, вы уже прекрасно знали, что там и как. Крон предложил: «Пойдем, наведем шмон». «А если там их много?» — засомневался Стас. Но Крон презрительно отмахнулся: «Шенок!» Ты засмеялась.

И вы пошли. Когда же увидели, что возле костра всего два парня, Крон начал разговор в своем любимом стиле, который отработал перед зеркалом после какого-то гангстерского фильма и от которого у него всегда тревожно-сладо щекочет внутри: «Эй, мужики! У вас найдется, кажется, для нас лишняя бутылочка?»

Парни у костра переглянулись, пожали плечами. Если бы вы были наблюдательней да и поумнее, вы бы сразу поняли, как именно переглянулись эти парни.

Чернявый, как ты его называешь, вскочил, засуетился, заприговаривал: «Один момент, ребята! Какой разговор! Для таких парней разве чего пожалеешь?» И он принялся что-то лихорадочно искать в сумках. Ваш Кронкин, не тая восторга, откровенно-пренебрежительно подмигнул вам — своей компании. Дескать, а что я вам говорю? И вы все дружно засмеялись: было очень приятно сознавать, что этот сильный парень, гораздо старше вас годами, так засуетился в угоду вам. Засуетился, по-вашему, конечно же, не из-за любезности и желания угостить вас, но только из-за страха перед вами. Вы ведь больше всего на свете любите, когда вас боится. И вы совсем не обращали внимания на стриженного, который внимательно наблюдал за вами, а в глазах его уже было явно выражено то, что случилось потом...

Девчонка молчала, и Следователь продолжал:

— Парни решили познакомиться с вами по-своему... Так кто же ближе к истине, ты или я? Тень недоверия и сомнения появилась в глазах допрашиваемой. Она выпрямилась, стала сидеть ровнее, напряженнее.

— Вот видишь. Очень по-разному можно рассказать об одних и тех же событиях. А теперь вернемся снова к началу вашего дня... Вы пили вино перед тем, как появиться в районе детской площадки соседнего микрорайона?

— Да, мы выпили бутылку портвейна...

Следователь бросил ручку на стол, хотя лицо его по-прежнему оставалось спокойным. — Ты забываешь, Марина, что, прежде чем разговаривать с тобой, я восемь часов подряд занимался с твоими друзьями. И должен тебе сказать, они оказались понятливее, честнее и откровеннее... Хотя, конечно, не сразу.

— Сначала мы выпили одну бутылку. Потом еще одну... Третью несли с собой откупоренную. Парни прикладывались к ней на ходу, по очереди.

— А ты?

— Один раз... Меня заставили. Я, чтоб не отставать от остальных...

— Плохо, Марина, плохо... Родители, например, не могут тебя заставить даже пол подмести в квартире, учиться не могут заставить, а вот на улице тебя и то сразу же заставили и другое. Такая ты вдруг покладистая становишься... Ну, да пойдём дальше. Где взяли деньги на вино? Из вас ведь ни один не работает.

— Сначала я взяла пять рублей дома. У нас деньги никогда не прячутся. Кому надо, тот и берет. А когда их становится мало, мама идет в сберкасса, снимает рублей двести — триста на текущие расходы. Зарплату родителям переводят на книжки.

— Видимо, родители таким доверием пытались развить в тебе чувство честности, порядочности, — заметил Следователь. — Ты знаешь, сколько денег у родителей?

— У отца после покупки новой «Лады» осталось что-то около десяти тысяч. У матери держится на пяти-шести. То меньше, то больше бывает. Меньше бывает после поездок на юг, в отпуск они всегда берут тысячи две-три.

— То есть пять рублей для вашей семьи ничто?

— Само собой! — Девчонка повела плечом, в интонации ее голоса появился тот самый сытый гонор, о котором часто размышлял Следователь. — Я бы взяла больше, никто бы ничего не сказал. Но на этот раз в шуфлядке было уже мало денег, а я стараюсь брать их так, чтобы не особенно было заметно. Не потому, что боюсь. Просто надо же иметь совесть, да и не хочется особенно быть обязанной предкам.

— Кому?

— Родителям.

— И где же вы пили первую бутылку?

— Где и все пьют в нашем микрорайоне. На агитплощадке. Там удобно — кусты, скамейки, и никогда никого постороннего не бывает. Из тех, кто мог бы помешать.

И тут девчонка вскинулась:

— А знаете, товарищ следователь, мне кажется... У меня такое ощущение, что вы ведете все дело к тому, чтобы мы оказались вроде бы хулиганами и так далее. То есть такими, как и те. И тогда получается все распрясно: ничего страшного не произошло. Хулиганы побили хулиганов. А значит, велика ли беда? Вы как бы заранее готовите им оправдание...

Следователь впервые за все время нахмурил брови.

— Я веду следствие. И оно должно быть правдивым досконально. Ни одну из сторон ни следователь, ни прокурор, ни суд у нас не топят и не выгораживают. Советское законодательство — тоже.

— Ну, не скажите! Теперь кругом блат! — В голосе девчонки был не просто вызов, чувствовалось, что это ее заявление — глубокое убеждение, такое глубокое, что его теперь было бы бесполезно пытаться опровергнуть.

И Следователь не стал пытаться.

— Выпили на агитплощадке... Дальше?

— Пошли...

— Куда?

— В соседний микрорайон.

— Где взяли деньги на вторую и третью бутылку?

— Крон где-то у кого-то достал... Занял.

— Значит, где-то у кого-то занял. А ты ничего не видела, ничего не знаешь? Где и у кого? — Следователь, кажется, начал терять самообладание.

Допрашиваемая молчала, хотя не знала, куда ответить взгляду.

— Добро. — Следователь решительно подошел к своему столу, сдернул с вершины стопки бумаги один лист, склонился, быстро набросал какой-то план. Обойдя стол, он положил чертеж перед девчонкой.

— Вот он, знакомый тебе микрорайон. Когда вам показалось, что вы выпили мало, а от твоих пяти рублей оставалось всего лишь рубль сорок, вы напрямик направились вот сюда. И вот на этом углу поджидали, пока откроется «торец» — магазин на языке любителей выпить. Когда магазин открылся и в него ринулись первые жаждущие, вы заняли привычную позицию. Я подчеркиваю, привычную позицию: Кронкин стал у самой нижней ступеньки крыльца, остальные в двух-трех шагах от него. И ты в том числе. И не просто в том числе — в самом центре компании. Дело вашего Крона было подлаживать сговорчивых — из тех, кто послабее, побоязливей, кого не поджидали друзья-товарищи. Обращение было тоже обычным и привычным: «Эй, мужик! Подкинь полтинник! На чернила не хватает!» При этом Кронкин делал вид, будто для него этот полтинник ровным счетом ничего не значит, и случись наоборот, спроси полтинник кто-то у него самого, он безо всяких ячих предоставил бы монету любому желающему. Да, ваш Кронкин не просил, нет! Он снисходил до того, чтобы взять деньги. Он умеет это делать с величественной небрежностью. Некоторые останавливались после первого окрика, но потом сразу же отмахивались: «С чего бы ради я должен давать тебе полтинник?» В таком случае ваша компания сдвигалась поближе к смельчаку, норовя зайти со спины, с боков, то есть окружить. Руки вы все держали в карманах, ноги — на отлете, этак небрежно выброшены вперед, носки туфель нервно поигрывают, постукивают... Весь вид ваш в таких случаях как бы предупреждал: «Не вздумай выпендриваться!» Ну, да те, кто не боялся бросить вам свои дерзкие слова, и дальше не боялись вас. Они спокойно уходили, а вам ничего не оставалось, как покричать вслед: «Жлоб! Скряга! Появись здесь еще раз!» Сегодня сопротивляющихся оказалось немного, и вы быстро «наскребли» на две бутылки вина. Одну выпили тут же, а на углу, из горлышка, демонстрируя свою выпивку всему миру. Этим самым вы начинали «дразнить гусей», ведь каждый нормальный человек, видя вас за этим занятием, возмущается в душе...

— Вот именно что в душе! — вырвалось у девчонки. — Но вслух ни один ничего не скажет! Все боятся! Любые все боятся! Рабочие, интеллигенты, тридцатилетние, сорокалетние... Как кролики все! Одни делают вид, что для них все это привычно и они не видят в этом ничего такого, другие притворяются, что они невозмутимые философы, и не замечают за своими глубокими мыслями то, что творится на улице, третьи как будто не собираются терять свое достоинство в уличных приключениях, четвертые вообще отворачивают свои физиономии, как будто ничего не видят. Даже интересно бывает наблюдать... А на самом деле? У каждого просто-напросто душонка замирает от страха! Каждый боится, что его ударят. Теоретически ведь теперь все подряд воспитатели, практически где они? Нету воспитателей! Не боятся только старики, да и то только потому, что уверены: уж их-то мы не тронем.

— А вы даже «трогае»?! — вскинулся Следователь.

Девчонка только теперь сообразила, что в пылу обличения трусости прохожих промазала со своим монологом-откровением, но тут же успокоилась, выпатила губки, сделала их «сердечком».

— Все равно это не поможет тем! Мы ничего такого не сделали! А за то, что мы кого-то презираем, не судят. Вот! К тому же мы еще несовершеннолетние!

Следователь сощурился, между широкими черными его бровями резко легли две глубокие вертикальные складки.

— Ах, вот оно что? Это мне знакомо! Тогда я сам буду рассказывать, а ты поправляй, если что не так, если считаешь нужным опровергнуть... А начну я даже не с трех дня, то бишь с пятнадцати часов, а гораздо раньше — с трех ночи. В три ночи вы дебоширили в этом же дворе: коржили детские качели, переворачивали качалки, ахая ими об асфальт, орали похабщину, опять же ты визжала, как будто тебя каждый раз кусали... Извини уж за резкость.

Допрашиваемая сначала было с вызовом взглянула на Следователя, и он уже ждал, что сейчас она с таким же вызовом скажет: «Ну и что? Нельзя повеселиться?» Но она не решилась. Вряд ли ей было стыдно, скорее всего девчонка раздумывала, как все это может отразиться на их деле.

— Тебе нравится в ответ на свой визг, который ты испускаешь в тихом дворе в три ночи, слышать крики пробужденных младенцев, ворчание стариков? Как вы решаетесь вот так безалаберно разрушать покой ночи? Ведь к этому времени забываются даже больные, даже страдающие бессонницей. Тебе не приходило в голову, что одним своим визгом ты нарушаешь покой тысяч людей? Понимаешь, ты-сяч! Или тебе как раз это и нравится?

— Я об этом не думала. Я не вижу этих самых тысяч.

— С другой стороны... Вы ведь считаете себя людьми по крайней мере интеллектуальными, а игры, прости, у вас основаны на тех же законах, что и собачьи. Ты никогда не наблюдала такой картинки: высочит из подвезда истомившаяся в квартире шавка и ну твятькать. Эхо носит лай, шавка слушает его и снова: «Тяв-тяв!» Это она эхо воспринимает как лай другой шавки... А что чувствуете вы, когда эхо носит ваши крики? Тоже интересно? Тоже непонятное явление?

— А нам лишь бы подразнить...

— Кого? Людей подразнить?!

— А кого же еще? — Девчонка, кажется, решила, что даже в этом случае они останутся белеными, потерпевшими, и пошла на последнюю степень откровенности.

— За что же вы так к людям?

— А чего ж они все такие!

— Какие?

— Серые, обыкновенные, скучные...

— А ты, значит, необыкновенная?

— Я — это я.

— Но ведь каждый из нас может так думать о себе?

— Думать можно что угодно. А вот быть на самом деле — другое.

— А мне кажется, что вы дразните людей вовсе не потому, что они, как ты говоришь, серые.

— Почему же?

— Да только потому, что они не преклоняются перед вами, не носят вас на руках. А именно без этого вы страдаете, именно потому злитесь. Ведь все, что вы теперь делаете, с одной стороны, месть за непонимание ваших претензий, с другой стороны, попытка обратить на себя внимание во что бы то ни стало и все равно с какой стороны. Но позволительно ли? Где же логика? Если мы так уж презираем толпу, то почему же мы лезем из кожи вон, чтобы оказаться на виду у этой самой толпы? И если толпа, по-вашему, такая ничемная, то разве вас должно удовлетворять ее почитание? Ее восторги в ваш адрес? И если опять же вас удовлетворяет такая популярность у толпы, то чем же вы тогда от нее отличаетесь?

Гипертрофированное ощущение своей особенностью не дало развиваться в вас главному: способности хоть как-то оценить себя со стороны, с точки зрения других людей, способности оценить свое положение в жизни реально. Да вы просто-напросто не задумывались над таким, например, вопросом: «Чего же я стою?» Привыкнув к почитанию семьи, близкого окружения, живущего обязательно теми же законами, что и ваша семья, вы и не подозревали, что все может измениться в один миг. Вы и подумать не могли, что может наступить тот момент, когда за любую радость и приятность в жизни придется расплачиваться работой, ради этого придется делать какие-то большие усилия. Вы привыкли к тому, что даже самые мелкие преграды, неприятности, заботы убираются с дороги, из вашей жизни другими и даже невидимыми людьми: мама и папа куда-то звонят, чтоб тот позвонил еще дальше... И вот все утряслось, появилось то, что хотелось, и так далее, то есть вы удовлетворились.

Но вот на руках у тебя аттестат. Здесь и произошла первая осечка, первая настоящая закавыка, которую, как оказалось, нельзя было исправить даже самыми смотошными и самыми отчаянными действиями мамы: ты впервые получила то, что заслужила, — три тройки по основным предметам. Ты, конечно, с превеликим удивлением задала себе вопрос: «Как же так? Как они смеют? Ведь это я! Почему это у замухрышки Смородиной, у этого примитивного существа, — золотая медаль, а у меня тройки?» Может быть, с этого момента, задавая себе вопрос за вопросом, пытаясь ответить на каждый, ты и начала бы понимать свою истинную цену, но рядом с тобой была твоя мама, стоявшая на страже твоих переживаний. Как только она увидела тебя задумчивой, тут же решительно заявила: «Не бери в голову! Куда захотим, туда и поступим!» Почти все твои одноклассники знали заранее, куда пойдут учиться или работать. Большая часть, весьма резонно соразмерив свои возможности с желаниями, пошла на завод или комбинат. Некоторые поступили в техникум, несколько человек — в ближайший политехнический институт. Вы же, особые, элита, ринулись в Москву! Валера запретовал на институт международных отношений и видел себя путешествоющим по странам и континентам, Кронкин решил осчастливить Бауманское училище, поскольку он завидовал славе космонавтов, Стас настроился на МГУ, ну, а ты — конечно же! — только на ВГИК.

Почему же ты решила стать актрисой? Непреодолимое желание и талант перевоплощаться? Нет. Ты даже в художественной самодеятельности не участвовала, сколько тебя ни пытались приобщить к этому. Какой толк, правда? Тебе ведь нужно сразу в звезды экрана! И не меньше! В твоём понятии жизнь актрисы, да еще звезды, — это жизнь барыни: всеобщее поклонение, границы, реки вина, наряды, мальчики — в общем, на вашем языке сплошной кайф. Ты уверена, что рождена именно для такой жизни. Не ослепленная эгоизмом мать почувствовала бы ложность всего этого и предупредила бы тебя откровенно: «А ведь таких девчонок, как ты, дочка, теперь — ой, ой, ой! Теперь вы почти все хотите блистать да повелевать. Только где в таком случае набраться прислуживающих и хлопающих в ладоши? Ну, а если ты уж твердо решила стать актрисой, то тебе нужно работать. Прежде всего работать, работать больше, чем все остальные, которые тоже жаждут того, что и ты. Ибо и у актрисы, дочка, — сказала бы нормальная мама, — жизнь полна труда. Неумного и зачастую даже неблагодарного: трудится человек, не зная дня и ночи, а не знает точно, что у него получится».

А мама твоя, как говорится, закусила удила: «Мы им всем докажем! Останусь без копейки, но ты поступишь во ВГИК! Будешь артисткой! А что? Теперь ведь разве голос главное? Или талант? Хороший ансамбль да микрофон. Но еще всех их тамошних деятелей нужно почаще да пощедрей угощать! Всяких там режиссеров-постановщиков!» Эти тонкости «артистического» дела маме открыл в юности один ансамблист-ударник, пригласивший маму в ресторане на танец, чем она до сих пор страшно гордится...

Мама у тебя современная да еще и по-современному современная. Но, прости, она уже до того отупела от своего камуфажного денежного всеислия, что давным-давно перепутала святое с грешным! Дошло до того, видишь сама, что она считает, будто в наше время даже талант — это всего лишь дефицитный товар, который можно достать по благу: купить из-под прилавка, из-под полы или прямо со склада.

Итак, вы отправились в Москву пробиваться в актрисы. Вам, понятно, быстро указали на дверь. Ибо одно дело — уметь подпевать Пугачевой: «...то ли иш-шо будет...», другое — петь самой перед комиссией, да еще не имея ни голоса, ни слуха.

Твоя мама отличилась в Москве, произвела эффект: так же, как и при устройстве в гостиницу, она предложила взятку самому председателю приемной комиссии! По ее глубочайшему убеждению, жизнь теперь только на том и стоит и строится, что все это в наше время якобы вполне естественно и никто ничего такого в этом не видит особенного. Это же надо так обнаглеть?! Покупать, как барана, народного артиста! Седого человека!

Твоей маме не пришла в голову даже простая мысль: ведь если я предлагаю взятку приемной комиссии заранее, значит, претендентка на актрису — заведомая, явная бездарь! Ибо любая мама обычно уверена в таланте своего чада, а тут даже этого нет. Да, многие обивают пороги не тех жизненных направлений, не своих, не имея на то никаких данных. Но их можно понять в одном — они искренне уверены в своих талантах. Их можно простить. Но вот так! Поступать так, как твоя мама! И опять же маму можно понять. Для нее изменить своему принципу, своему убеждению в устройстве мира — значит потерять все, вплоть до своего «я»: гордость, особенность и так далее. Разувериться теперь в боеспособности денег для нее — значит пасть в собственных глазах до того уровня, на котором она стоит и в самом деле.

В общем, когда вы вернулись из Москвы, обремененные огромным багажом из тряпок, ты огляделась, и оказалось, что не у дел из всех твоих недавних одноклассников оказались как раз «необыкновенные» да еще два-три «оригинала». Некоторые из них вскоре под нажимом родителей устроились на работу или хотя бы как-то пристроились для виду. Из вашей же компании об этом не подумал ни один. Вы, как сговорившись, заняли свои позиции крепко-накрепко, заявив решительно, что будете готовиться к поступлению в вузы на следующий год.

Собравшись после неудачного вояжа в жизнь, вы первым делом успокоили себя тем, что «обпробовали» всех тех, кто поступил в техникумы (Мелкота! Захотели бы, так нечего делать!) или в близлежащие вузы: «Лучше три года поступать в столичный институт, чем сразу же стать студентом какой-нибудь недавней строительной или железнодорожной школы в захолустье! Ни приличного кабака, ни приличного общества!» Такой итог подвел Валера, и с этим мнением вы все быстро согласились.

Итак: школы нет, работы нет... До поступления в вузы в будущем году еще слишком далеко, чтобы браться за учебники. Да и отдохнуть вы имеете право после стольких «потрясений». Ведь мамы ахают на все стороны: «Ах, бедное дитя! С лица спал! А как побледнел!»

Вы собираетесь в очередной раз. Вы уже не просто одноклассники, вы единомышленники, вы одинаково чувствуете, одинаково мыслите, вы одного поля ягоды.

Как вы ни успокаивали себя, как ни презирали все и вся вокруг, неудовлетворенное и даже оскорбленное чувство своей особенности искало выхода. Вы ничего из всего происшедшего с вами не поняли, просто-напросто обозлились. Своим знакомым вы уже давно все рассказали: что не поступили только потому, что теперь «езде нужна волосатая рука».

А жизнь шла своим чередом. И, кроме определенного круга людей, никто не замечал ваших «трагедий». И это при таких запросах и амбициях! По вашему мнению и убеждению, весь город должен был бы покрыться трауром и только и говорить, что о ваших обидах, ругать бесовственных людей в приемных комиссиях, в общем, всеми силами и средствами сочувствовать вам, разобиженных и страдающим вундеркиндам!

Но вернемся к нашим делам. Прямых и честных путей вы не видите, да и слишком долгод для вас путь к чему-то истинному. Вы не способны чего-то достигнуть уже хотя бы потому, что не умеете работать даже так, как работают обыкновенные смертные. А ведь известно, что тот, кто хочет достичь каких-то жизненных высот, должен работать по крайней мере в десять раз больше. Вам нужно все теперь же, немедленно, на блюдечке с каемочкой. Без каких бы то ни было усилий. Вам бы все подарили, как в детстве игрушку. «Хочу!» — вот главный ваш жизненный принцип; ваша суть — все в вас!

И вот вы решаете: «Ах, не хотите по-хорошему, мы заставим вас обращать на нас внимание по-плохому». Нет-нет! Прямо вы себе так не говорите, мысль вы свою так не оформляете — не способны, — но с таким ощущением живете, в том направлении действуете, двигаетесь по жизни.

Все это я к тому, что вот такие, как ваша компания, — мелочь во всех смыслах. В сущности, даже разве слава вам нужна? Вам хватает того, что какой-нибудь обиженный старик поворачивает след: «Хулиганье!»

Итак, вы двинулись вот сюда. — Следовательно стрелкой показал направление. — Валера стал изображать сильно пьяного. Так? Именно изображать? Он ведь мог идти самостоятельно нормально? Но он повис на плечах Стаса и Кронкина. Вы все поддерживали игру... Такая игра вам нравится больше любой другой — изображать сильно пьяных.

Если навстречу попадались дети, подростки, женщины или одинокие мужчины, не вызывающие у вас уважения, то есть явно неспособные дать сдачи, вы расквашивались со стороны в сторону, во всю ширину тротуара и старались обязательно задеть прохожих. Своих дружок обязательно тянет в сторону, тянет задеть слабейшего. Если же навстречу вам попадались два-три рослых парня, вы даже трезвели на некоторое время и как бы не замечали их, держась правой стороны. Вы и сами прекрасно понимаете свое подленькое поведение, но, разумеется, не признаетесь в этом друг другу. Так?

Следователь до этого момента говорил, опустив голову, теперь же выпрямился. Девчонка ничего не отвечала. Она только удивленно смотрела на Следователя и моргала длинными ресницами.

Следователь заметил это. — Что? Неожиданно? А вам казалось все это тайной? Неким вашим секретом? Нет. Все, каждый взрослый встречный понимает это, просто вам никогда никто об этом не говорил. Интересно поэтому не это, интересно другое: не противно тебе, девчонке, в компании таких подленьких слабаков? Уж если вы претендуете на что-то, так и следуйте своему правилу в любом случае — задирайте всех подряд! Так нет. Бойтесь!

— Мне такое никогда не нравилось. Хотя и я подыгрывала парням, я знала, что рано или поздно отойду от всего. Знала, что я не такая... Внутри.

— Ты снова ошибаешься. Ты почему-то вила себе в голову, что ты — это то, что сама о себе думаешь. А человек — это то, что думают о нем люди, как видит его окружающий мир. Простой пример. Недавно рецидивист, в третий раз пырнувший ножом человека, заявил мне: «Хоть я и подрезал еще одного типа, я все равно нормальный человек. Хороший, а не конченный. Знали бы вы, что у меня внутри!»

— Так то ж рецидивист! — воскликнула допрашиваемая. — Если бы я передал твои слова ему, он ответил бы: «Так то ж какая-то сумасбродная девка! Мало ли чего она о себе навоображает!»

Не дождавшись снова слов девчонки, Следователь продолжил: — В этот раз вас тоже сторонились, вас обходили, замечая еще издали. Но не все. Вы сами трезвели и сторонились, когда навстречу вам попадались те, кто посылнее вас. Вот здесь, например, вам попалась компания из четырех «поддатых», говоря на вашем языке, молодых мужчин. Один из них, не играя, конечно, не специально, но основательно задел плечом вашего Кронкина. Остальные трое решили, что это Кронкин задел их товарища. Мужчины остановились. Один из них спросил: «Вы что, сосульки?! На пробу наступили? Так мы вас сейчас враз отрезвим!»

Куда уж большее оскорбление по вашим «утонченным» понятиям! Вы ведь слабою даже взгляд не прощаете. А тут ретировались скоренько. Однако, как только мужчины отошли, вы тут же принялись отыгрываться на других за то, что сами трусы. На слабых отыгрываться! Вы снова обнялись. Валера принялся бесстыже тискать тебя, ты — хохотать и кривляться, изображать падшую девицу. Во дворе было много людей. Для вас «самое то!» Пожилые, сидевшие на скамейке, сделали вам замечание. Кронкину было только того и надо. Он закричал, чтобы слышно было подальше от места события: «Ну, вы! Не нравятся — отвернитесь!» Осметки старых цивилизаций! Парень аж задыхался от удовольствия, от собственного красноречия, оттого, что он теперь был у всех на виду. Поди, чувствовал себя чуть ли не артистом на сцене.

Толкаясь, по-прежнему сквернослова, вы постояли на узком тротуаре, вот здесь, возле

заборчика, наслаждаясь тем, что мимо вас люди проходили осторожно, опасливо, со страхом. И вы толкали друг друга даже на малолетних детишек.

Потом вы двинулись на детскую площадку. Подошли к качелям, недоломанным вами же ночью. Те ребята, которые увидели вас, соскочили с них заранее и отошли подальше. А один третьеклассник зазевался, он сидел к вам спиной. Стас рывком остановил качели. Мальчик удержался. Тогда Кронкин стащил малыша сзади, за уши в буквальном смысле слова.

Вас начала стыдить пожилая женщина. Вы обозвали ее старой ведьмой. В это время к месту происшествия направились два молодых отца с одной стороны и еще один — с другой. Вид, с которым они шли к вам, не предвещал ничего хорошего. И вы тут же начали отступление. Но, разумеется, делая вид, что вы просто уходите по своему желанию. При отступлении вы наткнулись на полторагодовалого малыша. Он упал, больно ударившись, заплакал. Мамаша, разговаривавшая неподалеку, услышав плач своего ребенка, ринулась на вас. Вы ретировались еще быстрее, спустились с горки, не переставая гоготать, сквернословить.

Потом вы вошли в этот вот узкий бетонный коридорчик, образовавшийся между домами из-за разных уровней цокольных этажей. Остановились посередине, надеясь, что в этот момент кто-то станет въезжать во двор на легковой автомашине. Это тоже один из номеров вашей «программы»: остановить «Жигули» или «Москвич» и поиздеваться над водителем. Обычно вы стучали кулаками по крыше, если владелец оказывался слабохарактерным и не выскакивал с ключом в руке, вы могли поплевать на стекла и так далее, не говоря уже о потоке брани и насмешек.

В этот раз машина не попала. Но вы уже были на виду у людей, стоявших на автобусной остановке. — Следовательно указал остановку на своем чертеже крохотным квадратиком. — А присутствие зрителей всегда вселяет в вас особое буйство. Вы по-прежнему демонстративно прикладывались к бутылке. Вы давно бы уже ее выпили, но она была нужна именно ради этого, чтобы прикладываться к горлышку на виду у всех.

И тут из-за угла вам навстречу вышел пожилой человек с тростью и сеткой, в которой были две бутылки молока. Шел он медленно, трудно — с первого же взгляда можно было определить, что человек этот очень и очень болен.

Вы продолжали толкаться, прыгать, брыкаться... Пожилой человек остановился в трех метрах от вас: ему в самом деле было опасно проходить мимо такой компании, притом занявшей весь узкий проход.

Старика вы увидели сразу, но и не подумали посторониться. Тогда он сделал еще два мелких неуверенных шага в вашем направлении и произнес то, что вы уже не раз слышали сегодня: «Как вам не стыдно, молодые люди?»

«Во!» — сразу же завопил Кронкин. — И-и-ш-ш-ш-о один воспитатель возник! Образовался! Нарисовался! Ты, дед, небось, ветеран? Так сидел бы, писал, если умеешь. м-е-е-м-у-а-р-р-ы!»

Пожилой человек побелел, задыхнулся от такого кощунства. Вы же двинулись вперед, и по пути один из вас сказал: «Что, старикашка? Нет слов для благодарности?» А другой подбил трость, на которую этот пожилой человек опирался. Он сразу же выпустил сетку, бутылки покатились вместе по бетону — дорога здесь идет под уклон. Потом старик стал падать сам. Он вытянул руку, чтобы достать до стенки и опереться на нее, но стенка оказалась слишком далеко. Старик неловко упал... Этого вы уже не видели.

От остановки вам наперерез побежал парень — молодой, высокий, хорошего спортивного телосложения. Он догнал вашу компанию, схватил за руку Валеру. И тогда Кронкин сзади ударил его бутылкой по голове...

От остановки к вам направились другие мужчины, но не столь решительно. Во всяком случае, не так, как этот парень. Женщины подняли шум: «Нужно немедленно вызвать милицию!» Вот тут-то вы испугались по-настоящему и устремились через дорогу в лес. Бежали вы действительно как зайцы, вам было от кого и от чего бежать.

Скрывшись в лесу, вы даже несколько раз меняли направление. Это на тот случай, если бы за вами действительно была погоня.

И только потом, уже успокоившись и нервно пересмеиваясь, вы увидели костер, и с вами приключилось то, о чем ты мне поведала с такой страстью...

Девчонка чувствовала, что Следователь стал жестче. Так оно и было.

— Мне пока неясно главное: кто же из вас подбил трость старика? Ну, а в то, что ты устала, что еле сидишь, верю. Но ничем помочь не могу. Я тебя предупреждал, что теперь ты не у папы с мамой, не у дедушки с бабушкой.

— Ну, пусть я! Пусть! Я подбила этот костыль! Если хотите, я даже могу поунижаться перед этим старикашкой, могу попросить прощения. Честное слово, я уже не буду так себя вести на улице!

— Да это уж так. Это уж точно. Теперь вам просто-напросто не дадут больше так делать, так развлекаться. Да и самим вряд ли захочется.

— Вы на что намекаете? Или хотите сказать, что и нас будут судить? За какого-то старикашку, который сам от ветра падает? Или за того нервного бешеного типа, который набросился на нас ни за что ни про что? В конце концов словами, а руками волю не давай! Так ведь? В конце концов мы можем... договориться с пострадавшими, так сказать. По сотне им хватит за оскорбление чести?

Следователь тяжело вздохнул. Впервые на его лице появилось глубочайшее презрение, похожее на безразличие, промелькнула злость и даже отчаянная усталость.

— Все дело в том, гражданка Кутыко, что не отдариться вам на сей раз, даже штрафами и сутками не отделаться. Вы получите много раз по пятнадцать суток. Потому что инвалид Великой Отечественной войны второй группы Николай Николаевич Самсонов после удара затылком о бетон находится в больнице в тяжелейшем состоянии, а молодой мастер с алюминиевого завода Вадим Сычков — с сотрясением мозга... — Следователь надолго умолк, алястали, закурил, отвернулся к окну.

Докурив и резко повернувшись, он спросил:

— Так вы или не вы, гражданка Кутыко, подбили трость Самсонова ногой?!

— Нет! Нет! Конечно, это не я! Это, наверное, Валера! Но не я! Не я! — Допрашиваемая энергично крутила головой.

— Вот так всегда, — заметил Следователь, — пихоны, графы, а как только запахло жареный — слизняки, друг на друга все валите.

— Не я...

Следователь взял со стола небольшую серую бумажку.

— Вот и конец вашей артистической карьеры... Это ордер на ваш арест, гражданка Кутыко, подлинный по всей форме.

Оставшись один, Следователь подумал с грустью: «Если уж меня считают понимающим ИХ ситуацию, то что же тогда понимают другие? А есть ли что понимать? Может, нам перестать слишком долго и нудно рассуждать на педагогические темы, меньше исследовать и делать выводы, рекомендовать и так далее, а навалиться всем миром на КОНКРЕТНОЕ воспитание?»

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед нами — исследование нравственного падения тех, кто свою молодость разменивает в «компаках», еще ничего не сотворив, не определившись, а лишь успех предьявлять к жизни непомерные потребительские претензии. В чем корни этой духовной безответственности, толкающей на скользкий путь антиобщественного поведения? В чем причины морального иждивенчества, неуважения к людям, к себе, к ценностям нашей действительности?

Персонажи этой истории понесут наказание. Оно станет тем справедливее для них и им подобных, чем внятней, осознанней прозвучит на наших страницах голос читателей «Смены», их оценка случившегося.

Ждем ваших писем, товарищи!

Продовольственная программа:
какие задачи ставит она
перед различными отраслями
народного хозяйства

Когда говорят о молоке, на слова не скупятся. Обязательно вспомнят, что великий русский физиолог И. Павлов называл молоко изумительной пищей, приготовленной самой природой. Припомнят и то, что в давние-давние времена наши предки воспринимали душу новорожденного ребенка словно внезапно появившуюся из небес по Млечному Пути для того, чтобы заполнить свою первую пищу, которая теперь известна всем нам как молоко. А уж о его пользе столько скажут, что и не запомнишь с одного раза.

Все это по заслугам, можно и больше сказать, в данном случае кашу маслом не испортишь. Вот только бывает обидно, что частенько мы забываем о тех, кто производит это молоко. По себе знаю: когда покупаешь пакеты с молоком, похожие на брусок, пирамидку или брикет, разрисованные и красивые, как новогодние игрушки, то почти не задумываешься, в какой наклон и в какие заботы все это обошлось. В спешке и на ум не придет, что где-то намного раньше тебя проснулись и принялись за дело: на ферме засветло подают голос. Дождь ли зарядил, стужа за порогом, снег сугробится, а не отменяет, не перенесут на поздний час дойку. Что из того, что полным-полно механизмов: без доярки работа не заварится.

Каждый ли из нас знаком с челове-

ком, который ежедневно приходит на ферму? Каждый ли знает настоящую цену молоку и задумывается о том, почему ради него недосыпают, пересиливают усталость и даже рискуют собой? Все ли могут представить, что в большом или маленьком пакете молока сходятся, как на перекрестке, чьи-то судьбы, чья-то молодость, бессонница и постоянные хлопоты?

Я начну свой рассказ не с перечисления того, сколько и каких питательных веществ содержится в молоке. И не с того, как оно нам необходимо. Я хочу рассказать о доярке, чьи руки знали нелегкую работу, а сердце никогда не уставало. Знакомство с Марией Харитоновной Савченко поможет лучше понять профессию, без которой мы бы не имели молока.

...В свое время вывели в нашей стране лебединскую породу коров. На Токаревской ферме Лебединского района Сумской области, где трудилась Мария Харитоновна, еще в тридцатые годы надаивали от тех животных до семи тысяч килограммов молока.

И вот если бы не Мария Харитоновна, не было бы у нас такой замечательной породы. Простая доярка спасла ее.

...Фронт приближался к Сумам. Что было делать с коровами? Ценнейшее племенное стадо, ради которого ученые не спали ночами, решили перегнать в

Анатолий
ФЕДОРОВ

М

К

К

Фото
Сергея ВЕТРОВА,
Бориса ЗАДВИЛЯ,
Петра ИСТОМИНА
и Сергея
ЛИДОВА

глубь страны. А кто его погонит, это же не до околицы шагаты? Кто на себя все это возьмет?

Нашлась одна смелая: Мария Савченко. Да еще подругу свою Прасковью Васильевну Клименко уговорила. «Пусть, мол, бабушки детей от врага уберегут, а нам с тобой, Панка, стадо от гибели надо спасать. Кроме нас, никому...»

Возьмите карту и прикиньте хоть на глазок, по каким дорогам, по полям скольких областей гнали они своих буренушек. Сейчас даже и не верится, что пешком, со стадом дошли они до приволжских мест, до Саратовской области. И по ветру шли, и против него, и сеножной их мучил, и неизвестность дожимала хуже голода и усталости. Как там, в их родном селе?

Такие дела сами за себя говорят, сами себя высвечивают. Они в особом ряду нашей памяти, и когда мы вспоминаем войну и каждого, ничего не пожалевшего для Победы и будущего, то не забудем украинскую доярку Марию Харитоновну Савченко.

Не забудем и то, что в послевоенную пору, в самую разруху Мария Харитоновна надаивала по шесть с лишним тысяч литров молока от коровы. Только так, в работе, можно было выжить среди того горя и слез. Те мальчишки и девчонки, пережившие войну, давно стали взрослыми, а ведь не забыли, помнят, как

НЕ ЗРЯ В НАРОДЕ ГОВОРЯТ:
«КОРОВА НА ДВОРЕ —
ХАРЧ НА СТОЛЕ».

перепадала им, хоть не каждый день, кружка молока. Ради них и старалась Мария Харитоновна, к ней и прибегали они на ферму...

В 1948 году стала она Героём Социалистического Труда, а потом ей повторно присвоили это звание.

Давным-давно на Токаревской ферме колхоза имени В. И. Ленина существует школа по подготовке мастеров машинного доения. Это школа Марии Савченко. Как-то в Лебединском райкоме комсомола решили уточнить, сколько же учеников у Марии Харитоновны. Только тех, кто заканчивал её школу в Токаревке. Так далеко за две тысячи перевалило. Не только мастерству учат в той школе, а прежде — большой любви к профессии самой что ни на есть земной.

Поворошив прошлое, можно понять настоящую ценность молока. Мне не забывается другой случай, теперь уж давний, но навсегда памятный оправданностью поступка, обравшего жизнь человека. К нему по-разному отнеслись, к этому поступку: зачем, какая нужда была рисковать? И ради чего? А для чего вообще рискуют? Одним ответом, пожалуй, всем не угодишь, но в том случае, о котором я расскажу, человек не пощадил себя ради... телят.

...Шел март, озорной, неустойчивый,

обынный для уральской погоды. Солнце выклеивало снег у обочин дорог, первые оттепели, похожие на настоящую весну, уживались с ночными холодами, затяжным ветром.

Однажды все остатки долгой и суровой зимы неожиданно обрушились на деревню Нижняя Санарка, что в Троицком районе Челябинской области. Думали, за ночь в метели поубавится злости, и тогда можно будет добраться до фермы. Но и к утру полыхало все так же, и снег, жесткий, как песок, барабанил в окна и двери.

Навстречу ему в ранний утренний час вышла Ефросинья Никитична Мельникова. Ну, что бы ей переждать час-другой, не торопиться, может, и осела бы пурга, ослаб ветер... А она не стала, не захотела ждать, потому что болело у нее сердце за своих телят, которых она вечером не смогла попроведать из-за пурги. И совсем недалеко было до фермы, с полверсты. Долго ли добежать? Захватила и бидончик с теплой водой, который она брала каждое утро, чтобы развести лекарство больным телятам.

На всю деревню не было ни одного огня, ни одной звезды...

Лишь на другой день — новым утром, чистым и ясным, отбеленным мартовской метелью, — нашли Ефросинью Никитичну Мельникову. Жалели ее, жалели ее семью. Кто-то в сердцах бросил: «Да провалились бы эти телята». Кто-то

МАСТЕРА БОЛЬШОГО МОЛОКА.

вспомнил, как мечтала Фрося Мельникова выгнать своих подопечных в степь, чтобы на солнце да на ветру росли они быстрее. И потом, когда она передаст их в другие руки, побольше бы давали молока, не подводили свою самую первую хозяйку.

Что против этого скажешь? Потому и рискуют люди, что меньше думают о себе, а почаще о других. В таком беспокоестве, видно, особый смысл. Его начинаешь лучше понимать, когда речь заходит о будущем.

О двух судьбах я напомнил. Из разного времени, но во многом схожих: привязанностью к делу, мужеством. Оно и во всякое время нужно. Ни раньше, ни позже, ни в наши дни молоко не получали и не получишь по взмаху волшебной палочки. Действительно, правы были старики: скотину водить — не разина рот ходить. А завтра, и это уж без сомнения, сложностей и забот прибавится, потому что молока потребуются еще больше. Пора думать и беспокоиться о нем загодя.

Иуже думают, ошибаются, терпят поражения, разочаровываются, не жалуют времени, средств. Игра стоит свеч. Нашим предкам было проще: их было меньше, и они не нуждались в таком количестве молока. А нам терять время нельзя: о молоке XXI века нужно позаботиться сейчас, торопите науку, собирать в памяти лучшее, что нажила практика на всех континентах.

Нынешним январем удивили и обрадовали ленинградские ученые. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте разведения и генетики сельскохозяйственных животных ВАСХНИЛ успешно завершён эксперимент по выращиванию в пробирке незрелого ооцита коровы до стадии дробящейся яйцеклетки. У первотелки по кличке Надежда родился приемный сын Первенец.

В те дни на страницах газет замелькали заголовки: «Бычок... из пробирки», «Родом из пробирки»... Сенсация? Да уж событие неординарное, что и говорить. И к теме нашего разговора о молоке оно имеет самое непосредственное отношение.

Я вспоминаю беседу с вице-президентом ВАСХНИЛ Л. К. Эрнстом, руководителем научной программы, поиск которой увенчан бычком из пробирки. Так вот, академик напомнил о том, что селекционеры во все времена мечтали и мечтают об одном и том же — чтобы потомство сельскохозяйственных животных максимально полно наследовало высокую продуктивность своих родителей. А как этого добиться? Скрестить двух отменных по продуктивности родителей? Как правило, это обрывается рождением весьма посредственного потомства. Мы знаем немало знаменитых коров-рекордисток, чьи надои стали своего рода эталоном. Но вот дочери их не сохранились в нашей памяти. Вообще прогнозирование наследственности — наука за семью печатями.

Кто спорит, что домашние животные нуждаются в совершенствовании? Это бесспорно. Но, может быть, некоторые думают, что чем больше корова съест, тем она больше даст молока? Как раз наоборот, танцевать нужно от другого — от молочности животного. Чем она выше, тем меньше потребуются корма, чтобы образовать единицу продукции. Чтобы лучше это уразуметь, приведу такой пример. Предположим, за год корова даёт 2000 килограммов молока. Это, конечно, мизерный удой, но обходится он дорого. Оказывается, накладно держать коров с такой продуктивностью: на каждый килограмм молока расходуется 1,3—1,4 кормовой единицы. С такими буренками непременно вылетит в трубу. Другое дело, если на ферме коровы с продуктивностью 4000 килограммов молока. Они намного экономичнее, потому что классом выше: на килограмм их продукции достаточно затратить 0,9 кормовой единицы.

Вот нам и нужны высокоудойные животные. И без селекции, племенной работы тут как без рук. Бычок, который родом из пробирки, потому и интересен и потому его судьба привлекла такое внимание ученых и практиков, что можно, оказавается, дать ход генетическому резерву тех животных, которые погибли. А это тысячи и тысячи зародышей, принадлежащих коровам самого высочайшего класса. Сейчас-то они исчезают бесследно, жаль, но пока выше головы не прыгнешь. Но теперь у нас есть Первенец, и на примере его судьбы многое можно решать по-новому.

Ну, как говорится, скоро сказка сказывается... Недаром считают, что селекция — это езда в незнаемое. Пспрашивайте в любом хозяйстве: с коровой-рекордисткой, а то и просто с ведерницей, носятся как с писаной торбой. Ничего не жалеют, только бы побольше телят от них заиметь. Вдруг кому-то из них на роду написано встать вровень с матерью или обогнать ее? Несказанно бывают рады, когда семейство знаменитой коровы увеличится на 5—6 голов. К сожалению, сверх того редко выходит. А много ли это — пять-шесть телят? За всю-то коровью жизнь. Случается, что для высокоудойной коровы и такой приплод не всегда под силу. Горюю не горюю, так уж жизнь распорядилась. У щедрой на молоко коровы век короткий, она менее устойчива к болезням, на собственную защиту сил у нее мало.

Потому и хочется, чтобы новая методика ленинградцев побыстрее прошла все дополнительные проверки и получила полные гражданские права. Что, если удастся получить от коровы, чьей коровы нет, не 5—6 телят, как обычно, а многие десятки потомков? Вот бы на животноводческой улице был праздник! Первенец приблизил ученый мир к разрешению этой проблемы.

Удивительное все-таки создание корова: она может дать такое количество белка, какое собирают с гектара посевов пшеницы. К тому же ее белок выше по качеству.

Придумавешь ли лучше, скажешь ли понятнее: «Корова на дворе — харч на столе». Моя бабка не знала, что человек примерно за 9000 лет до нашей эры впервые посягнул на пищу телят — молоко, не знала она и того, что врачи Древнего Египта, Греции и Рима настоятельно рекомендовали пить молоко овец и коз в лечебных целях. Она не знала, что советы знаменитого Гипократа, жившего за 400 лет до нашей эры и уже тогда верившего в целительную силу молока, спустя долгие годы после его смерти не потеряли своего значения. Мы никогда не говорили с ней, за сколько тысяч лет до нашей эры люди одомашнили дику корову, что предком крупного рогатого скота был тур — одно из древнейших животных на земле. Но я хорошо помню, что с новотелу пил молока сколько хотел. И отказаться от него было равносильно тому, чтобы смертельно обидеть бабушку.

Теперь-то я знаю, что приобретал, когда пил парное молоко или опоражнивал крынку, простоявшую весь день в погребе. Теперь я понимаю, почему мои ноги не знали усталости, когда вместе со сверстниками выбирался в лес, на покос, по разную ягуду. И редко кто из нас болел, простужался, словно каждого оберегала и хранила какая-то неведомая сила. Может быть, ошибаюсь, может, просто везло, но сейчас я почти уверен, что оберегало от всех напастей, помогало рукам и ногам, дарило легкость и силу бабушкино молоко. Честь ему и хвала!

В одном литре молока содержится такое количество жира, кальция, фосфора и рибофлавина, которое обеспечивает дневную потребность в них человека. Но это не все, плюсы к этому 50 процентов потребности в протеине, 33

27 ТОНН МОЛОКА ПЕРЕВОЗИТ ЗА ОДИН РЕЙС МАШИНА, СОЗДАННАЯ РАЦИОНАЛИЗАТОРАМИ МОСКОВСКОГО АВТОКОМБИНАТА № 6.

процента в витамине А, аскорбиновой кислоте и тиамине, 25 процентов в энергии (в калориях), и за минусом железа, меди, марганца и магния организм получает все минеральные вещества.

Я хочу сослаться на Салернский Кодекс Здоровья, который написал в XVI веке философ и врач Арнольд из Виллановы. Читать эту книгу — огромное удовольствие, мудрость ее советов поражает. Вот строки, посвященные молоку. Вряд ли кто-то будет оспаривать их.

Козье, по мнению врачей, молоко и верблюжье — полезны;

Больше питанья, однако, дает молоко от ослицы;

Больше еще — от коровы и в мере такой же — овечьей.

Снова перечитал эти строки и подумал: неужели кого-то нужно убеждать, что молоко полезно? Неужели в этом кто-то сомневается? Я знаю: есть чудачки, которые не любят молоко. Мой собственный племянник терпеть не может пеноч. Ну, сколько их таких — скептиков? Раз, два — и обчелся. Человечество снимает шляпу перед коровой. Когда еще не было денег, о богатстве человека судили по количеству скота. И корова считалась признанным меновым эквивалентом. Потом ее изображение выгравировали на первых металлических деньгах. Вы спросите, почему именно силуэт этого животного украшал их? Да потому, что деньги были еще в диковинку, в их истинную ценность не очень верили, и потребовался авторитет коровы, чтобы подтвердить ее.

Знакомый врач советовал: хочешь успокоиться — отыщи луг, где пасутся коровы. Один их вид удивительно действует, будто само спокойствие окружает тебя. Это, пожалуй, из области психотерапии: можешь соглашаться, можешь нет.

Но честное слово, когда выходишь во двор сельского дома и в ночной тишине слышишь, как хрумает корова, то на душе спокойнее, заботы и печали отпускают тебя, и новый день начинаешь с легкой ноги.

А видели вы, как возвращаются коровы с пастбища? Обращали внимание на их усталую походку? Пусть простят меня за сравнение, но всякий раз они напоминают мне порабатывших на славу людей. У них был трудный день, он позади, радуется встреча с домом. Есть добрый задел на завтра, не зря искожены многие километры, усталость обернется добром и пользой, спокойствием и надеждой.

Отечественное молочное дело многим обязано Н. В. Верещагину, брату знаменитого художника. Человек он был неутомимый, постоянно что-то придумывал, создавал. Это была его идея — организовать артельные молочные, чтобы крестьяне могли перерабатывать моло-

ко. Первую сыроварню открыли в 1866 году в селе Отроковичи Тверской губернии. Затем они появились в соседних губерниях, прижились в Сибири, на Северном Кавказе.

На тверской же земле, в селе Едимово, Верещагин открывает первую в России школу молочного хозяйства. Она существовала почти тридцать лет, подготовив более тысячи мастеров молочного дела. Кстати, в этой школе преподавал будущий профессор А. А. Калантар, окончивший к тому времени Петровскую земледельческую и лесную академию. Вместе с Верещагиным он организовал первую в России молочного хозяйственную лабораторию и возглавил исследования по химии молока. Оказалось, что молоко коров отечественных пород куда выше по своему качеству, чем хваленое молоко, полученное от заморских животных.

А. А. Калантар возглавлял молочное дело в России, будучи ученым-специалистом департамента земледелия. А позже он руководил управлением животноводства Наркомзема РСФСР.

Его многие помнят. И те, кто окончил Вологодский молочный институт, одним из создателей которого был Калантар. И те, кто учился в Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, где профессор Калантар возглавлял кафедру молочного дела. Свыше пятидесяти лет он верой и правдой служил этой отрасли, написал более ста научных работ, подготовил немало квалифицированных специалистов. А его «Общедоступное руководство по молочному делу», впервые опубликованное в начале века, выдержало несколько изданий.

Знаткам и энтузиастам молочного дела история отплатила сторицей. Мы с благодарностью вспоминаем их имена, продолжая начатое ими. Они во многом были первопроходцами, теперь очередь за нами.

Их так и называли — «семеро смелых», этих выпускники Бесоновской средней школы. Далеко не все могли понять, как они согласились трудиться на новом молочном комплексе, который построили в колхозе имени М. В. Фрунзе Белгородского района Белгородской области. Когда его сдали в эксплуатацию, то опытные доярки в один голос отказались работать на нем. Они и не скрывали, что боятся таких нагрузок, что не смогут привыкнуть к машинной технологии. И перед правлением колхоза встал вопрос: а кого пригласить на комплекс? Кто рискнет освоить профессию оператора, новую, непривычную в молочном животноводстве?

И вот семь девчат, недавних десятиклассниц, согласились. Колхоз послал их на учебу в «Украинку», опытно-производственное хозяйство Научно-

исследовательского института животноводства Лесостепи и Полесья УССР. Дело-то прошлое, но нашлись такие, которые остерегали правленцев: мол, какая надежда на девчонку, разве им с руки доверять такое серьезное дело? Риск, конечно, был, и немалый, но других-то охотников не находилось. Что ж простаивать комплексу? Ему пора начать окутать себя, он в большие средства обошелся.

А «семеро смелых», закончив учебу, начали работать. Их первое в колхозе хозрасчетное звено возглавила Ольга Карленко. Не все шло у звена как по маслу, ошибались, сами исправляли ошибки, помогали друг другу, верили в свой успех. Словом, лиха беда — начало, они его не сомкнули, наоборот. В первый же год вместо 2800 тонн по плану новоиспеченные хозяйки комплекса получили 3200 тонн молока.

Если честно признаться, то доярки со стажем, те самые, которые отказались работать на комплексе, не поверили в это. Как это так, какие-то девчонки, без опыта и сноровки, начинают бить рекорды. Не иначе, как правление колхоза дает им поблажку... Много любопытных перебивало на комплексе — и своих и со стороны. Когда повторно звено добило такого же результата, а Ольга Карленко показала свое искусство на Всероссийском конкурсе машинного доения, заняв третье место, вот тогда скептики поняли: молодые, да ранние трудятся на комплексе. И пора к ним идти на выучку, хватит гонор свой выставляя.

Десять операторов колхозного комплекса обслуживают 1200 коров. Теперь это не кажется чем-то сверхъестественным: и нагрузки возросли в несколько раз, и современное оборудование появилось, и класс животноводов уже не тот. Намного выше. Их не случайно величают мастерами машинного доения. А с мастеров и спрос другой, им без опаски можно доверить любое дело, у них постоянный интерес к новому.

О той встрече в школе совхоза «Береговой» Нижнеомского района Омской области помнят хорошо. Еще бы, в гости к выпускникам пришло комсомольско-молодежное звено «Романтики». Совсем недавно Галя Багликова, Тамара Федоренко, Аня Еремина, Светлана Жучкова, Ира Щадрин и Тая Высоккина сами учились в этой школе, сидели за партами в этом классе, отвечали у доски. Теперь им пришлось отвечать на многие вопросы, но предметом разговора была не литература или история, а их работа на ферме.

Девчонки ничего не утаили и ничего не приукрасили. Да, было трудно, особенно в первое время, многого не умели и не знали, но очень хотели всему научиться. Часто ошибались, но за каж-

дый свой промах отвечали, как положено. Скидки себе не делали, понимали, что если к этому привыкнуть, то потом будет еще труднее. Да, они не скрывают, что если бы не их наставница Мария Петровна Кравченко, их добрая, заботливая и справедливая нянька, им бы, пожалуй, не выдержать. Она о всех коровьих повадках напомнила, о том, с каким словом к ним подходить, как от усталости избавляться...

«Романтикам» ничего не давалось легко, само собой. Но в них очень верили, помогали — и словом и делом, и они выдержали испытания. И на той встрече, откровенной и веселой, их пример увлек других. О профессии доярки было сказано немало добрых слов, сказано от всего сердца. Потому в них и поверили.

На фермах Омской области часто встречаешь недавних выпускников средних школ. И все это объяснимо: ведь в каждой созданы ученические производственные бригады и звенья животноводов. С них-то все и начинается. Вот, к примеру, в совхозе «Еремеевский» такая бригада существует уже десять лет, ее выучку прошли сотни ребят. Да и хозяйство не попустилось на затраты, возведя учебно-производственный комплекс для ребят. Есть у них свой бригадный стан, оборудованы кабинеты животноводства и механизации. Потому и не удивляет, что почти половина питомцев совхозной школы ежегодно остается в родном селе.

Комсомол взял шефство над молочной индустрией во многих областях нашей страны. На XIX съезде ВЛКСМ отмечалось, что за период, прошедший с предыдущего съезда, свыше 500 тысяч юношей и девушек направлено в животноводство по общественному призыву. Заметный вклад в развитие этой отрасли вносят комсомольские организации Киргизии, Калмыкии, Московской, Киевской, Кировской, Костромской, Новосибирской, Омской, Талды-Курганской, Черкасской и других областей.

В то же время, говорилось на съезде, у животноводов еще немало актуальных проблем. Коренным вопросом, решение которого во многом зависит от молодежи, продолжает оставаться производство кормов.

Правильно в народе говорят: не истопишь печи — не испечешь пироги. Не позаботишься о кормах — забудь и думать о большом молоке. И забота эта должна быть поистине всенародной. Не случайно работавшая на XIX съезде ВЛКСМ секция, посвященная обсуждению вопросов повышения роли комсомола в борьбе за интенсификацию промышленного и сельскохозяйственного производства, рекомендовала обеспечить конкретное и эффективное участие всех комсомольцев, юношей и девушек городов и сел в создании прочной

кормовой базы. Делегаты, участвовавшие в работе этой секции, призвали формировать комсомольско-молодежные кормозаготовительные отряды из числа учащихся, студентов, рабочих и служащих промышленных предприятий, проводить массовые субботники и воскресники, декадни и месячники по заготовке кормов.

Сделать животноводство ударным фронтом молодежи — значит по-ударному трудиться на каждом участке отрасли, улучшать культуру производства, активно участвовать в механизации и автоматизации трудоемких процессов, строительстве и реконструкции ферм, благоустройстве территорий, внедрять прогрессивную технологию и режим работы.

Сегодня при промышленной технологии оператор машинного доения обслуживает 100, 150 и более коров. Повторю: при промышленной технологии.

Но, может быть, эту технологию трудно одолеть и нужны какие-то особые условия? Да нет, практически на любой ферме она приживается. И чтобы это произошло побыстрее и поудачнее, ученые и практики разработали поточно-цеховую систему производства молока и воспроизводства стада. В чем ее суть? Молочное стадо разбивается на технологические группы, их, как правило, четыре. Для каждой нужно свое помещение, свой специализированный цех. Получается своеобразная поточная линия. Она начинается с подготовительного цеха, или цеха сухостойных коров. Его продолжает цех отелов, с которым стыкуется цех раздоя и осеменения. В конце этой поточной линии — цех производства молока, в нем коровы находятся 200—230 дней в году. Это самый «рабочий» цех. Здесь производят большое молоко, по результатам его деятельности судят о всем животноводческом конвейере.

Далеко не всякий горожанин хоть когда-нибудь побывает на ферме. А значит, ему сложно представить, что на ней делается, как трудятся животноводы, какой путь пройдет молоко, прежде чем попадет на прилавок специализированного магазина. Всем ли известно, какая понадобится техника и какое требуется умение, чтобы появились на свет кефир, сметана, масло, творог, сыр? Все это молочные продукты, которые входят в наше повседневное меню.

Написав эту строчку, задумался... Правильнее было бы сказать: которые должны входить в наше повседневное меню. Да, к сожалению, достигнутый нашей молочной промышленностью уровень пока еще не может удовлетворить ежедневные запросы советских людей. Учитывая это, партия поставила в Продовольственной программе задачу увеличить к 1990 году по сравнению с 1980-м производство питьевого молока и молочнокислых продуктов на 26, выработку сыра — на 58 процентов. Значительно возрастет выпуск молочных консервов, продуктов детского питания, медицинских препаратов, сухого обезжиренного молока, заменителей цельного молока, новой и улучшенного качества продукции.

За счет чего это будет осуществлено? Предоставим слово министру мясной и молочной промышленности СССР С. Антонову. «Основной достижения намеченных темпов, — отмечает министр, — является укрепление материально-технической базы. Только в одиннадцатой пятилетке капитальные вложения на развитие мясной и молочной промышленности составят 4,2 миллиарда рублей, или на 6 процентов больше, чем в прошедшем пятилетии. Более трети этих средств будет направлено на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий. За пятилетку планируется построить 170 новых и реконструировать 233 действующих предприятия. В результате суще-

ственно увеличатся мощности по выработке мяса, цельномолочных продуктов, сыра, сухого обезжиренного молока и заменителей цельного молока для выпойки молодняка... Успешному выполнению Продовольственной программы отрасли во многом способствует образование единого агропромышленного комплекса. Его эффективное действие предусматривает, как это указано в решениях майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС, постоянное совершенствование хозяйственного механизма и межотраслевых производственно-экономических связей». Нужно ли лишней раз напоминать, что мы очень заинтересованы в том, чтобы молоко производилось как можно больше? Вчитайтесь в строки Продовольственной программы, снова обдумайте этот факт: к концу двенадцатой пятилетки советский человек будет ежедневно потреблять примерно 330—340 килограммов молока и молочных продуктов. Страна близка к тому, чтобы производить для каждого из нас литр молока в день. Для каждого и на каждый день.

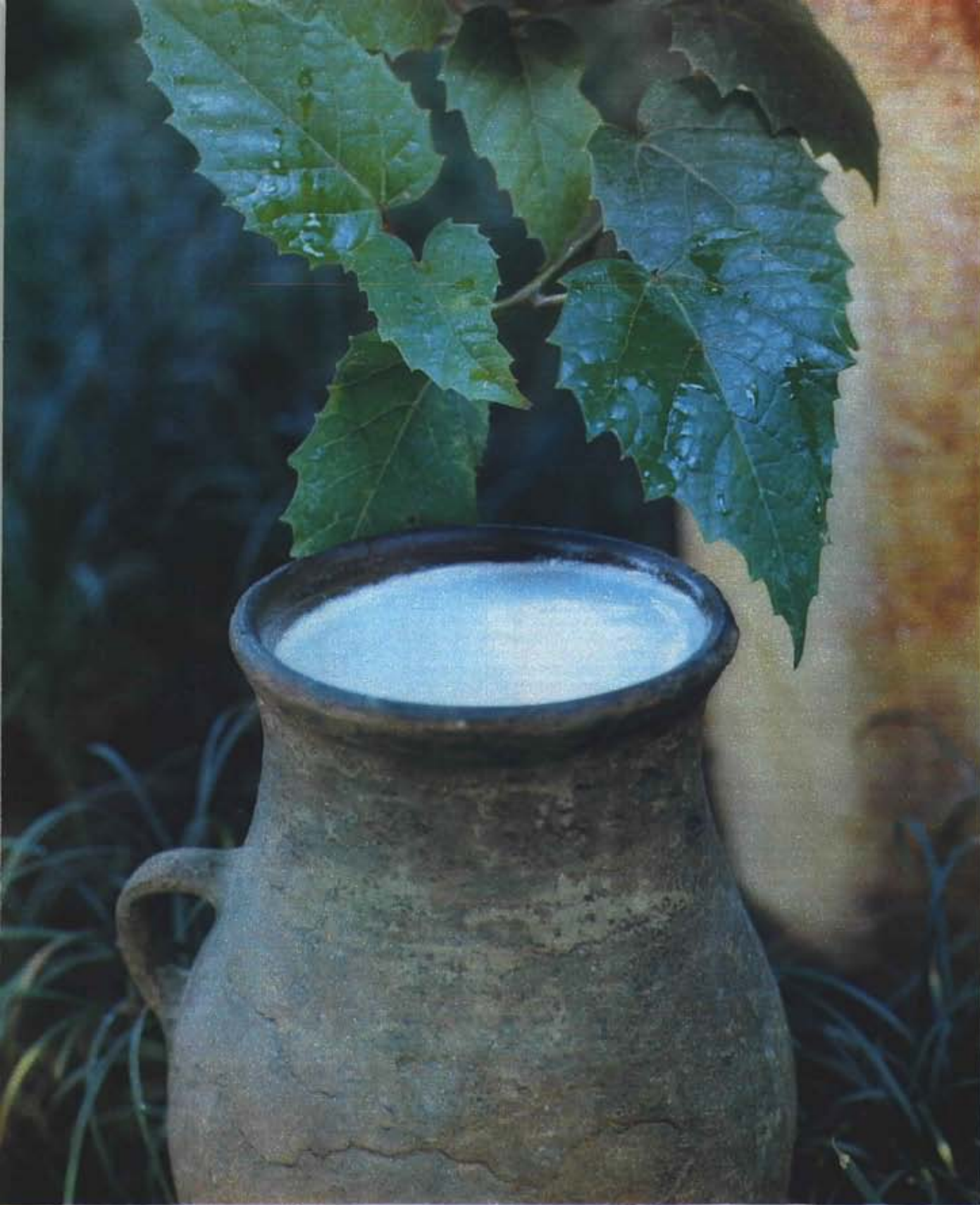
Путешествие по предприятиям молочной промышленности, уверяю, и увлекательное и полезное. Редкий день столкнешься с таким количеством разнообразной информации. Я, например, не представлял, что ассортимент цельномолочных продуктов насчитывает около 200 наименований. Это питьевое молоко, сливки, кисломолочные продукты, творог и творожные изделия, сметана, а также новые продукты, обогащенные различными наполнителями — белковыми, витаминными и плодово-ягодными.

Всем ли известно, что творог, к примеру, содержит в полном объеме незаменимые аминокислоты, богат к тому же кальцием, фосфором и магнием? Конечно, мы не могли не заметить, что в последние годы появились новые виды этого продукта: творог крестьянский, столовый, мягкий диетический, диетический пресный нежирный. Если начать перечислять все творожные изделия, то, право, собьешься со счета. Порадуйтесь и за наших малышей: появилась новая отрасль молочноконсервной промышленности, производящая сухие продукты для детского питания. Прежде чем побывать на каком-нибудь молочном заводе или комбинате, хотел бы напомнить вот о чем. Еще И. И. Мечников установил, что немалый вред нашему организму наносят вещества, которые появляются в кишечнике после расщепления остатков пищи гнилостной микрофлорой. Это одна из причин старения человека. А можно ли ослабить или попытаться уничтожить гнилостный процесс? Оказывается, можно: Мечников доказал, что кисломолочные продукты — настоящие друзья человека. Не будем вдаваться в подробности, в то, как они борются за нашу молодость. Не случайно ведь многие народы СССР с давних времен питают слабость к кисломолочным продуктам. Русские издавна привыкли готовить простоквашу, варенец, творог и сметану; украинцы больше тяготеют к ряженке; грузины предпочитают мацони, а армяне — мацун; азербайджанцам подавая обязательно катык, а кавказским горцам — айран и йогурт, алтайцам — курунгу, ну, а башкирам, казахам, киргизам и калмыкам, привыкли иметь дело с лошадьми и верблюдами, больше всего по душе кумыс и шубат.

Мне попадались фотографии, запечатлевшие маслодельные заводы дореволюционной России. Обычная деревянная изба, в которой размещались ручная сепаратор, ручная маслянка и ручная маслообработчик. И таких мелких заводиков было в 1913 году без малого семь тысяч. Каждый перерабатывал за год до 318 тонн молока.

Для контраста с тем временем приведу только одну цифру. В Москве действует специализированный молочный комбинат (завод-автомат), мощность ко-

даться. Это уж потом, когда оно нормализуется по содержанию жира, молоко пройдет очистку в сепараторах, а после пастеризации окажется в распределительных танках. Вон только когда подошла очередь для его переработки.

Добрых слов о Новочеркасском молочном заводе сказано с лихвой. И по заслугам, лучше его на Дону нет. Здесь все, что поступает с ферм, идет в дело, никаких отходов нет. Возможно, кто-то подумает, что из тонны сырья на разных заводах получают одинаковое количество продукции. Так оно вроде и должно быть. Но новочеркасцы производят значительно больше, чем остальные молочные заводы Ростовской области.

На этом заводе вышло из обихода понятие — вторичное сырье. То, что на других предприятиях уничтожается, или, как принято говорить, идет в отходы, здесь поступает на дальнейшую переработку. Вот характерный пример.

По всем общепринятым стандартам, при переработке сливок готовая продукция составляет лишь половину. А остальное, как принято было раньше считать, — это вторсырье, или пахта. Что с ней делать? И что с ней чаще всего делают? Спрос на нее невелик, поэтому можно пустить в отход, выбросить, слить, значит. Кто чуть порасторопнее, тот свезет пахту на ферму, животные выпьют ее за милую душу. Новочеркасцы на ветер пахту не выбрасывают, они считают, что из нее можно приготовить немало полезных продуктов для чело-

СКОЛЬКО ЛЕГЕНД, ПРЕДАНИЙ И ТРАДИЦИЙ СВЯЗАНО С МОЛОКОМ!

ТАК ВЫГЛЯДИТ СХЕМА АСУ «МОЛОКО».

торого 360 тонн молока и молочных продуктов в смену. Стопроцентная автоматизация управляет здесь всеми технологическими процессами, складские, погрузочно-разгрузочные и транспортные операции также механизированы и автоматизированы.

И вообще молочная промышленность вооружена что надо, за смену она способна переработать 194 тысячи тонн молока. Если не знать, что стоишь перед центральным пультом управления, например, Истринского молочно-консервного комбината детских продуктов, то фантазия смело перенесет вас... ну, скажем, на атомную электростанцию. Да и внешне этот комбинат весьма впечатляет. А такие пульта управления нужны для того, чтобы управлять тысячами автоматизированных бутылкоомочных и разливно-укупорочных линий, пластинчатых пастеризаторов и охладителей, линий поточного производства масла, всевозможных сепараторов-сливкоотделителей, вакуум-выпарных установок, автоматов по расфасовке продукции, сыроизготовителей, пневматических прессов, формовочных

устройств и тысяч других современных машин и аппаратов.

Хоть это и не просто, но попробуем угнаться за автоцистерной с такой знакомой надписью — «Молоко». Маршрут у нее может быть замысловатый и дальний, но наберемся терпения.

Молоко на заводы поступает в любое время года, что бы там ни было на дворе — ненастье или ведро. И мешкать с его доставкой нельзя: продукт скоропортящийся. Многие предприятия не ждут, когда им привезут молоко, они сами заботятся об этом. К примеру, Новочеркасский молочный завод, входящий в Ростовское производственное объединение молочной промышленности, имеет довольно солидный автопарк. И каждый день — по холодку ли, по росе — заводские молоковозы спешат на фермы.

Вот позади нелегкий рейс: сто, а то и двести километров. Нужно спешить, чтобы лаборатория поскорее взяла анализ. С этого начинается путь молока на заводе. В приемных ваннах-танках молоко как бы отлеживается: ему необходимо остыть после долгой дороги, охлад-

века. Из пахты извлекают белок, из нее готовят напиток «Идеал» и другие продукты. Словом, дешево и сердито.

И знаете, во что это оборачивается? В прошлом году коллектив завода пустил в дело все сырье, которое остается неизбежно после основной переработки молока. И из него удалось получить высококачественных продуктов на миллион с лишним рублей. Это все дополнительная продукция. Если бы завод придерживался старой технологии, то для ее производства он запросил бы еще 20 тысяч центнеров цельного молока. А так он их сэкономил.

Немало и других неотложных проблем у индустрии большого молока. О некоторых из них хорошо сказала на XIX съезде ВЛКСМ мастер машинного доения колхоза имени И. В. Мичурина Коростышевского района Житомирской области Нина Негерей: «Сегодня на фермах нашей области около 800 кормоцехов. Но среди них вы не найдете двух одинаковых. Что ни цех, то плод фантазии и труда местных умельцев. В большинстве своем они укомплектованы разнотипными механизмами, которые существенно отличаются друг от друга производительностью. Особенно

много нареканий вызывают машины для измельчения грубых кормов и корнеплодов. Или возьмем, к примеру, доильные агрегаты. Как бы ни старались доярки, а выдоить у коровы все молоко не удается. Аппараты несовершенны. Нет пока компактных и удобных передвижных доильных установок, которые бы можно было использовать при лагерном содержании стада. Мы испытываем острую нехватку в средствах малой механизации, скажем, для побелки помещений, дезинфекции стойл. Порой из-за отсутствия мембраны пульсатора доильного аппарата, цена-то которой всего 4 копейки, приходится доить вручную. Думается, что при большей настойчивости работников Минживмаша, Госкомсельхозтехники можно решить эти проблемы. Здесь есть над чем подумать и молодым ученым, изобретателям, рационализаторам».

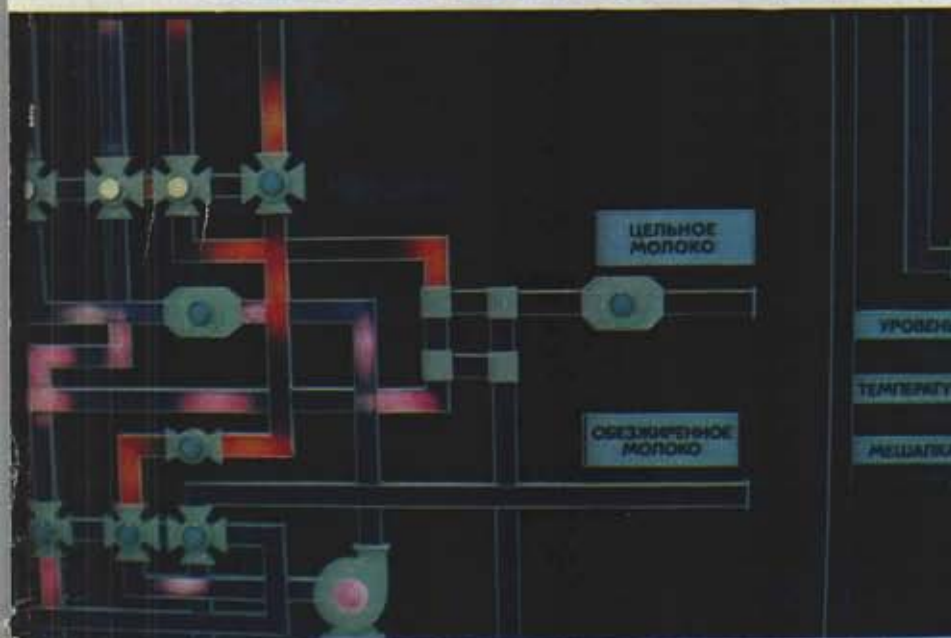
Думается, к этим упрекам и просьбам доярки прислушаются те, к кому они обращены.

Когда говорят о молоке, я вспоминаю, что в одном его стакане белков столько, сколько в двух яйцах. Когда говорят о молоке, я думаю о том, что в годы Великой Отечественной войны многим раненым помогла молочная ацидофильная паста, которая заживляла раны. А сколько легенд, преданий и традиций связано с молоком...

Что любят, то и славят, чем дорожат, тем и делятся люди. О молоке сказано много и хорошо, но не будет лишним и наше доброе слово. Когда пьешь молоко, то не забывай, что обретаешь будущее.

ГИГАНТСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СОЧЕТАНИИ С НЕБОЛЬШИМИ ФЕРМАМИ — СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ЖИВОТНОВОДСТВА.

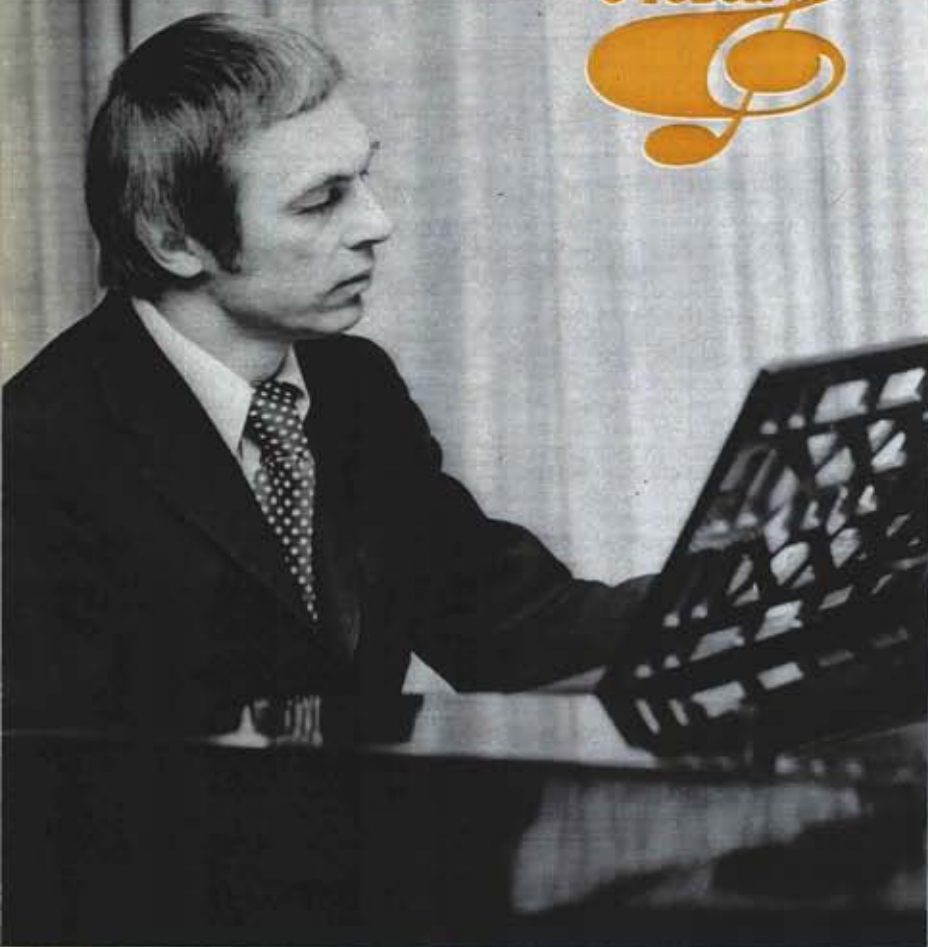
АВТОМАТИКА НА МОЛОЧНЫХ ЗАВОДАХ ПОМОГАЕТ ПЕРЕРАБОТАТЬ ЗА СМЕНУ ОКОЛО 200 ТЫСЯЧ ТОНН МОЛОКА.

ЗДЕСЬ ПРИГОТАВЛИВАЮТ ТВОРОГ. СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОЗВОЛЯЕТ ОПЕРАТОРУ ОБСЛУЖИВАТЬ БОЛЕЕ СТА КОРОВ.

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ ПИЩА, ПРИГОТОВЛЕННАЯ САМОЙ ПРИРОДОЙ... ПРОИЗВОДСТВО КОРМОВ — КОРЕННЫЙ ВОПРОС ЖИВОТНОВОДСТВА.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОНИ!

Несколько
картинок
из
творческой
жизни
композитора
Александра
ЗАЦЕПИНА

Невозможно представить современную жизнь без кино. Но еще труднее — кинематограф без музыки. В начале века были немые фильмы, но и они не обходились без аккомпанемента. Позднее музыка перестала быть просто фоном. Роль ее возрастала, появилась музыкальная драматургия. Говоря о наиболее интересных советских композиторах, активно работающих в этом жанре, нельзя не назвать имя Александра Зацепина. Музыка к семидесяти фильмам, одиннадцать спектаклей, мюзиклы, симфонические произведения, балет, свыше трехсот песен, более двадцати авторских пластинок, в том числе выпущенных и за рубежом: в Чехословакии, Финляндии, Италии, Японии... Таков творческий багаж композитора. Музыка Зацепина — яркая, светлая, это мелодии современности, интонации нашего времени.

нужно было идти в школу. Родители долго спорили, к какому еще занятию приобщить сына. Остановились на музыке. Так решилась судьба будущего композитора. И он начал играть бесконечные, как дождь, гаммы. За окном мальчишки гоняли футбол и показывали ему языки. Вынести это было невозможно. Саша тихонько закрывал крышку пианино, едва не прищипав себе пальцы, подходил к окну и вылезал на улицу. Ветер врвался в комнату и в грустном одиночестве перелистывал ноты.

...Всю ночь композитор не спал. Воспоминания детства взволновали его, пробудили давно забытые чувства.

Рояль терпеливо ждал. Зацепин взял первый аккорд. «Ку-да ухо-дит детство...» Полилась тонкая, нежная мелодия, а композитор уже чувствовал всю ее в оркестре, слышал, как в начале зазвенят колокольчики, ведущие главную тему, потом солнечными брызгами взрываются ударные, и припев взмывает высоко-высоко; потом снова медленно опускается мелодия куплета, идет проигрыш; бас-гитара осторожно, но решительно подхватывает тему, помогая скрипке; откуда-то издалека едва слышны дудочки, и грустный голос-соло постепенно затихает, затихает, как бы возвращаясь в голубую даль детства...

Фильм «Фантазии Веснухина» вышел в 1976 году.

Леонид Гайдай искал композитора для своей картины «Операция «Ы»». Порекомендовали Зацепина. Музыка получилась интересной, режиссер и зрители остались довольны. Было это в 1964 году. А дальше события стали развиваться таким образом, что этот фильм грозил остаться первым и последним в их совместной работе.

Гайдай готовился снимать «Кавказскую пленницу». Помните песенку про медведей, трущихся спиной о земную ось? Так вот, вместо нее (точнее, ее еще тогда не было) Зацепин написал другую. Гайдай послушал и принял. Но он не был бы Гайдаем, если бы принял что-то боговорочно. Тем более Зацепин в его

глазах пока еще не стал окончательно маститым. И Гайдай начал показывать песню всем, кому только мог. Потом он сказал композитору: «Знаешь, одним она нравится, другим — нет. Пятьдесят на пятьдесят. Это очень плохо. Мне нужна песня, чтобы пели ее на улице. Не по радио, а на улице! Чтобы народ шел и пел».

Зацепин выслушал и вздохнул: «Это очень трудно. Потому что никто не знает, будут ее петь или нет. Дунаевский делал по пять — десять вариантов и не был уверен, какой из них запоется... Но я все же попробую». Композитор понимал, что пятьдесят на пятьдесят означало провал, и Гайдай расстроен не менее серьезно, чем настроен. На следующий день Зацепин уже сидел за роялем в уютном доме творчества и с утра до вечера сочинял новую музыку. Из шести вариантов он выбрал три и отослал Гайдаю в Алушту, где шли съемки. Среди трех выделил песенку про медведей. Гайдай ответил быстро: «Получил твою песню. Так, ничего. Но, думаю, популярной она не будет. Пожалуй, надо приглашать другого композитора».

Написав заявление: «Прошу освободить меня от картины, так как моя работа не удовлетворяет режиссера, а я ничего лучше сделать не в состоянии», — Зацепин пришел к И. А. Пырьеву, худруку «Мосфильма». Пырьев еще после «Операции «Ы» сказал Гайдаю: «Вам надо работать вместе». А теперь, узнав о положении дел, стукнул кулаком по столу и строго спросил: «Где Гайдай?!» «В Алуште», — сказал Зацепин. «А вы почему здесь?! Срочно ежайте туда! Что это такое — режиссер там, композитор здесь?!» — с этими словами Пырьев разорвал заявление.

И Зацепин уехал в Алушту. Ничего особо радостного от этой поездки он не ждал. Встречали его актеры, напевающие припев новой песни. «Нам очень нравится твоя мелодия, — сказали они, — мы ее сразу запомнили и вот поем!» Вскоре приехали сценаристы и тоже подхватили припев. «Это только

вы поете, — упрямо говорил Гайдай, — а народ петь не будет!» И хлопал дверью. Но потом все же сказал: «Ладно. Записывайте. Но меня вы не убедили».

Когда картина вышла на экраны, пластинка, где была эта песня, получила самый большой тираж года. Аида Ведищева, исполнявшая ее в фильме, уехала с ней в Сопот на фестиваль. Опасения Гайдая не сбылись. «Все, — однажды сказал он Зацепину, — сдаюсь. Сегодня на улице слышал. Запоминается...»

...Худсовет смотрел отснятые куски из «Бриллиантовой руки». Сцена рыбалки, где Никулин ловит рыбку за рыбку, а Миронов готовится оглушить его, оказалась затянутой. Предложили сократить вдвое. Тогда Зацепин по просьбе режиссера написал такую музыку, будто съемка велась в два раза быстрее. Худсовет вновь посмотрел этот кусок и с удовольствием отметил, что после сокращения «совсем другое дело!». А Гайдай и Зацепин потихоньку улыбались: они-то знали, что сцена какой была, такой и осталась... Вот так искусство композитора помогло сократить время.

Зацепин написал музыку еще к семи фильмам Гайдая.

— Я всю музыку из наших совместных картин помню, — говорит Гайдай. — Могу напеть. Мало того, что помню мелодии из фильмов, я даже помню и то, что туда не вошло. Вот какая у него музыка!..

Дружба с Гайдаем научила Зацепина быть предельно требовательным к себе. «Я и сейчас, когда сочиняю, — говорит он, — представляю, будто за моей спиной стоит Гайдай...»

«Нет! — сказал продюсер фильма «Красная палатка» Кристалды. — Музыка к картине должен писать только итальянец!» Советский режиссер-постановщик Калатозов был другого мнения. Он считал, что к советско-итальянскому фильму музыку напишет наш композитор. Но как убедить строптивого итальянца, который утверждает, что у нас никто не сможет достойно справиться с этой задачей?! Калатозов

он не шел. Часы, неслышные днем, стучали сейчас оглушительно громко. Половина третьего. Композитор смотрел в темноту и думал. В голове навязчиво повторялись обрывки сочиненных днем мелодий. Фильм, к которому он писал музыку, назывался «Фантазии Веснухина». В нем жили современные мальчишки и девчонки, и детство у них было счастливым. Как передать в музыке ощущение радостной, безоблачной жизни детворы? В живописи это, наверное, проще. Можно нарисовать солнце, веселое, как апельсин, а под ним — улыбающихся ребят. Или в литературе — описать звонкий, самый искренний смех играющих детей. А как в музыке? Она незрима, неосвязаема. А нужно сделать ее цветной и объемной, как детские сны.

Дома у композитора, когда он был маленьким и еще не мечтал стать музыкантом, стояло пианино, громадное, как слон. Черное и таинственное. И когда Саша нажимал на клавиши, еще совсем не умея играть, пианино ворчало басами, будто не хотело разговаривать с ним. Потом он немножко подрос, и

предложил Зацепину сочинить тему для будущей картины. Несколько дней у рояля и органа, множество изорванных нотных листов, волнение, смешанное с вдохновением, и вот, наконец, тема, которая станет потом главной в фильме, готова. Вскоре Кристалди получил кассету с записью музыки. «Ну, что ж,—усмехнулся он, включая магнитофон,—посмотрим, на что они способны!»

Звуки органа взорвали тишину. С первых же аккордов итальянец нахмурился, лицо его приняло серьезный, даже суровый вид. Он закрыл глаза и услышал жуткий, нескончаемый вой пурги... Менялись кадры, и он видел облепленные снегом лица замерзающих путешественников, умирающего Мальнгрема и за тысячи километров от него бессильную чем-либо помочь любящую его Валерию... Музыка оборвалась, но, казалось, что и сейчас еще в комнате осталось холодное, обжигающее дыхание Севера. Только теперь Кристалди вышел из оцепенения. «Да!..—выдохнул он.— Прекрасная музыка!.. Пусть пишет этот русский...»

В 1969 году фильм «Красная палатка» вышел на экраны.

Серьезные картины гражданского звучания приносят большое удовлетворение композитору, он всегда с радостью берется за них. Широко известны у нас такие, например, фильмы с его музыкой, как «Командир «Счастливой цуки», «Повесть о человеческом сердце», «Последнее дело комиссара Берлаха», «Красные дипкурьеры», «Петля Ориона»...

«Ты пишешь хорошую музыку, многим она нравится, особенно старшему поколению, но молодежь хочет другого — рок-музыку». Эта мысль уже давно занимала композитора, и разговор с дочерью, состоявшийся десять лет назад, подтолкнул его к принятию решения.

Конечно, это был риск. Полностью изменить стиль — на это решится далеко не каждый композитор. Но лучше идти вперед, чем отставать. И Зацепин решился. Это была воля времени, в котором он жил и которое отражал в своем творчестве.

И вот в 1974 году выходит первый фильм с новой для него музыкой «Между небом и землей», куда вошли десять песен, и большинство из них сразу же стали популярными. К этому периоду относится знакомство Зацепина с Пугачевой, которую он ставит в особый ряд исполнителей. Он одним из первых увидел многогранный талант певицы и подержал ее.

В 1975 году песня из фильма «Центровой из поднебесья» «До свиданья, лето!» получила приз на ежегодном международном фестивале композиторов, проходившем в Америке. Год спустя там же стала лауреатом еще одна песня, «Друг друга мы нашли». А в 1977 году «Волшебник-недоучка» из кинокартины «Отважный Ширак» стала лауреатом всесоюзного конкурса «Песня-77».

Однажды Пугачева пришла к композитору уставшая и грустная. «Все в порядке, Александр Сергеевич,— сказала она,— просто немного устала... У меня к вам просьба: напишите песенку про меня... О том, как я возвращаюсь домой после концертов, устаю, как все люди, радуюсь, плачу, люблю...»

В 1978 году зрители увидели фильм «Женщина, которая поет». «Песенка про меня», пожалуй, лучшая в нем — лирическая, тонкая, песня-откровение, очень личная и в то же время широко обобщенная. Зацепин выполнил просьбу певицы.

К фильму «31 июня» композитор подошел с багажом уже около пятидесяти песен в стиле рок. «Ищу тебя» — наиболее яркая из этой серии. Мягкость звучания, тонкий ритмический рисунок отличает и песни Зацепина в фильме «Душа».

«Когда написано уже около девяноста песен с тех пор, как я «перековался» в новый для себя жанр,—говорит Алек-

сандр Сергеевич,— только теперь я чувствую свободу в создании их. И с радостью замечаю, что могу варьировать в рамках стиля, искать новые решения».

Композитор неторопливо шел по Красному проспекту Новосибирска, всматривался в лица прохожих, узнавал и не узнавал родной город. Четверть века назад он жил здесь...

Еще учась в школе, он окончил курсы кинемехаников. Кино шло за ним из детства. Шло следом, как и музыка; потом они пошли рядом.

Кинемехаником ему пришлось поработать в армии. Играл на аккордеоне в ансамбле песни и пляски Запсибво. А после армии — филармония, гастроли. И в одной из поездок в Алма-Ату Зацепин подал документы в консерваторию (в Новосибирске тогда еще не было своей). Поступал на композиторское отделение, а приняли на фортепианное: не хватило специальных знаний, ведь он не окончил музыкального училища. Год упорных занятий — его принимают на композиторское. Теперь он учится сразу на двух. Но вскоре понимает, что серьезно заниматься тем и тем нет возможности. Шесть часов — игра на фортепиано, шесть часов — композиция, а еще есть и остальные предметы, надо еще работать и спать надо тоже.

Комната, которую он снимал в то время в Алма-Ате, была похожа на спичечный коробок. Два метра в длину, два в ширину и низенький потолок. Вдоль одной стены стояла кровать, у другой располагалось старенькое пианино, в середине оставшееся место занимали стол и круглый стул. Больше ничего не вмещалось. Ни свет ни заря Зацепин просыпался с острым желанием позаниматься любимым предметом — композицией. Быстро умывался, готовил нехитрый завтрак, втискивался за стол и моментально поедал свои скромные кулинарные опыты. Затем поворачивался на крутящемся стуле к пианино и начинал играть. Потом бежал на лекции и на ходу обедал. Сломая голову летел к своим ученикам, которым давал уроки музыки на дому, а вечером мчался на работу — играть в ресторанном оркестре, где было изрядно скучно.

Педагог молодого композитора профессор Е. Г. Брусиловский, заметив бледность своего подопечного, серьезно сказал ему однажды: «Вы неправильно занимаетесь, Шура. Надо уделять внимание спорту. Не думайте, пожалуйста, что композитор — это что-то чахоточное и худосочное. Он должен быть прежде всего физически здоровым. Ведь столько энергии уходит на сочинение музыки! А где вы ее возьмете? Поэтому надо жить по режиму, постоянно быть в форме. Учтите это». Молодой композитор учел и стал каждый день делать по утрам зарядку.

На третьем курсе он устроился подрабатывать на киностудию звукооператором. Подбирал музыку к документальным лентам, начал писать сам. Кинорежиссер Ш. Айманов предложил ему написать музыку к картине «Наш милый доктор» (1957 г.). К этому времени Зацепин уже имел на своем счету обработки народных песен, струнный квартет, сюиту на индийские темы, балет «Старик Хоттабыч», который шел более десяти лет в Алма-Атинском театре оперы и балета. В 1956 году, сразу после окончания консерватории, его приняли в Союз композиторов, годом позже — в Союз кинематографистов.

...Какая удача! Кто бы мог подумать! Музыку из «Нашего милого доктора» записывали на московском радио. Не где-нибудь, а в самой Москве! Оркестр знаменитого Виктора Кнушевицкого. Последний аккорд — и оркестр аплодирует взволнованному композитору. Милый, добрый Кнушевицкий, имя которого Зацепин знал еще мальчишкой, знаменитый Кнушевицкий, предшественник Юрия Силантьева, пожимая руку композитору, сказал: «Видишь, Саша, оркестр — твой друг. Ты ему понравился. А это — большое дело. Теперь ты будешь писать новые вещи, а оркестр — с удовольствием их играть».

Это был праздник на всю жизнь. Потом придет успех, известность, будет много фильмов и много песен, которые станут популярными, будут победы на различных союзных и международных конкурсах, интересные встречи и знакомства, но этот день, эта запись, эти аплодисменты останутся самым ярким событием жизни.

...Поздно вечером композитор вернулся в гостиницу. А утром уже улетал в Москву. Он смотрел в иллюминатор на город своей юности и думал о быстроте времени, о том, что «есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнью!». И как много надо успеть в этот миг!.. А дома его ждала работа, новые фильмы и новые песни, и черный пудель Тимка, сидящий на подоконнике и с тоской глядящий в окно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК КЛУБА «МУЗЫКА С ТОБОЙ» Читатели — читателям

ПРЕДЛАГАЕМ ПРОВЕСТИ В КЛУБЕ КОНКУРС:

1. Десять лучших певцов
 2. Десять лучших певиц
 3. Десять лучших песен.
- Конечно, называть кандидатуры лучше по выступлениям в последнее время — 1982—1983 годы.

Надеемся, что такой конкурс заинтересует

читателей «Смены». С. Базалаев, В. Бреев, И. Захарова, С. Левкин, В. Осетров, И. Пылаев, А. Петришина, А. Уразов.

г. Каменка, Пензенская область

Срок присылки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

ВОПРОСЫ О ДИСКОТЕКЕ ВОПРОСЫ К ДИСКОТЕКЕ

Дорогие друзья, уважаемые читатели клуба «Музыка с тобой»! В ваших письмах часто рассказывается о дискотеках, о проблемах их деятельности. Действительно, дискотека за последнее время потеснила привычную для многих танцплощадку, попытавшись сделать танец формой активного, организованного досуга молодежи. Так ли удачна эта попытка? Точно ли и эффективно используются в связи с этим возможности нравственного воспитания молодежи? Не стала ли дискотека просто-напросто танцплощадкой? Но с крышей и атрибутами бара? Это не может не волновать.

И «Смена» предлагает вам ответить на некоторые вопросы:

1. Как называется дискотека, которую вы посещаете? Близко ли расположена она от вашего места жительства? В каком помещении?
2. Кто руководит дискотекой?
3. Легко ли попасть в эту дискотеку?
4. Кто в ней бывает: узкий круг постоянных посетителей или широкий круг любителей музыкального досуга?
5. Что интересного и удачного, на ваш взгляд, в этой дискотеке?
6. Какие вы видите просчеты в организации, в составлении и ведении программ?
7. Что вы предлагаете, чтобы ваша дискотека улучшила свою работу?
8. Как, по-вашему, успешнее распространять и внедрять опыт работы лучших дискотек?

Если разговор идет о послереволюционной Кубе, то часто приходится употреблять слово «впервые»...

Семь с лишним лет назад в Гаване впервые в Латинской Америке был создан Высший институт искусств. Первого сентября 1975 года сотни юношей и девушек заполнили помещения бывшего клуба любителей игры в гольф, где прежде в тени пальм местные миллионеры проводили часы сиесты. Здесь, в живописном столичном районе Атабей, талантливая молодежь стала заниматься музыкой, балетом, живописью, театральным искусством. Организация работы института оказалась весьма сложным делом, и поэтому руководители Министерства культуры Кубы обратились к организациям Советского Союза с просьбой поделиться опытом в области культурного строительства.

Вскоре в Гавану выехала большая группа советских специалистов, которую возглавил московский художник Олег Ардемасов. В нее вошли теоретик музыки из Литвы Йозас Антанавичюс, киевский скрипач, лауреат международных конкурсов Анатолий Мельников, виолончелист из Горького Анатолий Лукьяненко, преподаватель живописи из Москвы Рафаил Диденко, актер московского Малого театра Владимир Пешкин. Когда группа возвратилась на Родину, на смену ей приехали другие советские деятели искусств — балетмейстеры, художники, музыканты. Позади годы напряженной работы: в стенах института прочитаны сотни лекций, организованы десятки семинаров в училищах острова, для кубинского радио составлены целые циклы музыкальных программ.

И как приятно сейчас получать письма от своих бывших учеников, как радостно узнавать об их успехах и видеть в них частицу и своего труда!

Одно письмо привез и я.

...Буквально в считанные дни имя Жаклин Магги, скромной оформительницы из издательства «Учебная книга», стало известно

группа революционных студентов выехала на штурм президентского дворца Батисты. Ребята по одному вышли из подъезда и сели в грузовик, который ждал их в гараже в подвале дома. Имена героев, маршрут движения машины сейчас знает каждый кубинский школьник, а тогда... Почти все студенты погибли при штурме, в упор расстрелянные наемниками диктатора. А было им всего по двадцать лет.

Поклоением столетия называют на Кубе всех, кто вместе с Фиделем Кастро в год столетия со дня рождения Хосе Марти, в 1953 году, начал вооруженную борьбу за новую Кубу.

Я подумал, что есть какой-то символический смысл в том, что столько талантливых работ Жаклин создала именно в доме с таким прошлым. Революцией и искусством проникнута вся его атмосфера. До того, как в этой квартире поселился Хайме, в ней жил известный кубинский художник Мариано Родригес. Покидая квартиру, он оставил новому хозяину в виде «талисмана» одну из своих картин. Кто знает, может быть, она тоже помогла Жаклин в ее работе над образом Хосе Марти.

Я внимательно рассматриваю миниатюрные офорты, выполненные в зелено-оливковых тонах — в цвете кубинских пальм, океанской воды и гимнастерок солдат повстанческой армии. С гравюр, сохраняющих точный формат страниц дневника Марти, передающих его почерк, как бы входит в жизнь сегодняшней Кубы человек-философ, поэт, революционер, мечтавший о новой, свободной Кубе. О Кубе без голодных детей, без проституции, без игорных домов, наркотиков...

Рассматривая работы Жаклин — ее иллюстрации к роману Алехо Карпентьера «Арфа и тень», к рассказам Хорхе Онелио Кардосы, возвращаясь к серии «Полевой дневник Хосе Марти», — я ощущал в них своеобразное переплетение реального с фантастическим, которым пронизана вся латиноамериканская культура.

ТАЛАНТ И МЕЧТА

всей Кубе. За серию офортов «Полевой дневник Хосе Марти» ей была присуждена главная премия первого Всекубинского конкурса художественной миниатюры. В нем участвовало около пятисот человек, было представлено более тысячи интересных работ.

Прочитав в гаванской «вечерке» — газете «Трибуна» — сообщение о результатах конкурса и интервью победителей, я обратил внимание на то, что Жаклин Магги в числе своих учителей и преподавателей назвала имя советского художника. Позвонил в издательство, где работала Жаклин, и когда она узнала, что я из Советского Союза, то сразу же сказала:

— Вы не смогли бы передать конкурсные работы моему учителю графики — советскому художнику Олегу Ивановичу Ардемасову?

Я охотно согласился и уже на следующий день поднимался по мраморным ступенькам лестницы одного из пятиэтажных домов в Ведадо — гаванском районе, о котором полвека назад в стихотворении «Блэк энд Уайт» упоминал Маяковский.

Позвонил. Дверь открыла молодая, худенькая, высокая женщина.

— Вы Жаклин?

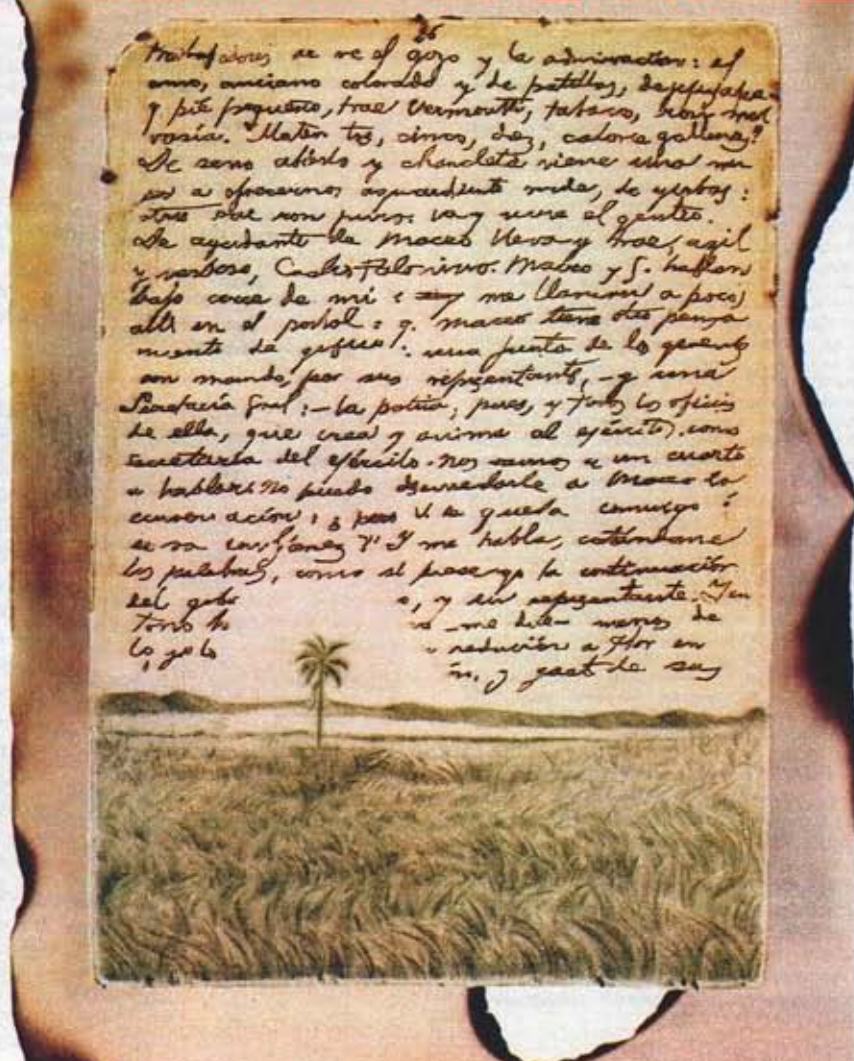
— Да — ответила она, улыбувшись. — Проходите, пожалуйста, на балкон, там похладнее. Познакомьтесь, это мой муж — Хайме Сарусский, писатель.

С балкона открывался почему-то не очень кубинский, без привычных пальм, вид. Скалистая отвесная стена оврага напротив дома вызывала сравнение с нашим Крымом. Я поделился своим наблюдением с Хайме, но он возразил:

— И тем не менее дом, в котором вы сейчас находитесь, один из самых «кубинских» и самых дорогих для нас в Гаване.

И Хайме Сарусский рассказал мне историю этого дома, построенного в начале пятидесятых годов:

— Как раз из квартиры, расположенной напротив нашей, утром 13 марта 1957 года

Союз молодых коммунистов — комсомол Кубы создал из предшественников творческой молодежи «Бригады имени братьев Саис». Жаклин ведет большую работу в секции живописи бригад: оформляет митинги, выставки. Часто на таких выставках можно увидеть работы мастеров художницы. И не только на Кубе, недавно она приняла участие в вернисаже кубинских художников-комсомольцев в Мексике и Эфиопии.

...Когда в Москве я встретился с учителем Жаклин — проректором Московского художественного института имени Сурикова Олегом Ивановичем Ардемасовым, он сразу же с воодушевлением заговорил о своей группе рабфактовцев:

— Да, я их запомню на всю жизнь. Да и как позабыть их трудолюбие, жажду знаний, то, с каким воодушевлением они слушали рассказы о Пушкине, Толстом, о Репине... Часто мы все вместе ходили в музей. В залах Национальной галереи, Наполеоновского музея, где собраны работы мастеров конца XVIII — начала XIX века, мы проводили семинары. А в самом центре старой Гаваны, на Кафедральной площади, которую картины Портокарреро и страницы Карпентьера сделали бессмертной, в граверной мастерской, расположенной в живописном колониальном доме, часами обсуждали студенческие работы. На наших глазах там рождались замечательные произведения. Однажды Жаклин Магги, которая была одной из самых талантливых и трудолюбивых учениц, заинтересовалась возможностью использовать офорт в иллюстрации. И вот теперь я увидел этот замечательный цикл гравюр. Очень рад успеху Жаклин.

Я поделился с Олегом Ивановичем заветной мечтой Жаклин. Когда мы прощались в Гаване, она сказала: «Если бы вы знали, как я хочу побродить по московским и ленинградским улицам, увидеть Кремль, Эрмитаж, иконы Рублева и, конечно, настоящий русский снег».

До встречи в Москве, Жаклин!

АНАТОЛИЙ РЯБЦЕВ,
слесарь,
заслуженный мастер спорта

«Городок. Игра чурки, чушки, короткие кругляши ставятся на кону, отколе выбивают их палкою, швырком» — так определяют эту популярную русскую народную игру Дальше читаем: «... В Смоленской и Московской губ. городки играют иначе: втыкают суковатую палку, сукам дают названия городов и селений, а верхний сучок (суковатая часть) проедают концами от города до города, кто первый будет в Москве, выиграл».

Интересно? По-моему, очень. Это и спорт, и, если хотите, история нашей страны, и даже нечто большее, частица жизни народа. Любопытны сведения и о

«часовые», «тир», «вилка», «стрела», «коленчатый вал», «ракета», «письмо», «серп», «самолет», «закрытое».

Прежде я не обращал никакого внимания на название фигур, пока мой хороший друг, спортивный журналист, не заметил однажды: «Смотри-ка, по названию городошных фигур можно проследить историю народа. Серп» — «Стрела» или «коленчатый вал»? Знаешь, о чем это свидетельствует? Да о том, что городки вышли из деревни, ее жизненного уклада и постепенно достигли города, пришли на заводы и фабрики, увлекли другие слои населения».

Начинающим можно порекомендовать играть партию из 6 или 10 фигур (так играют дети), выкладывая простые фигуры из 4 или, скажем, 3 городков. И если идти от простого к сложному, то выбор представляется неограниченным. Многие трудные, как «часовые», «серп», «коленчатый вал», «пушка», «звезда», «коленчатый вал», «ракета», «письмо», «серп», «самолет», «закрытое».

Что касается меня, то предпочитаю тренировке не всем остальным. Пока на десятке одной битой, на уйду с площадки, жаря, ни стужа, ни проливной дождь. А начинал я как хоккеист, играл в детской команде «Крылья Советов». Товарищами по команде Алексеем Гурьевым, Альфредом Кучевским, ставшим позднее олимпийским чемпионом, во многом был на равных. Но случилось так, что в одной из игр серьезно повреди ногу, пришлось на стадионе «Крылья Советов», подошел к городошной площадке — сначала на других посмотреть, потом попробовал, что это за игра такая, а дальше... Да не обвиняйте меня в бахвальстве, но захотелось и себя показать.

**И ЗДЕСЬ НУЖНА ТОЧНОСТЬ!
УСТАНОВКА ОЧЕРЕДНОЙ ФИГУРЫ
ПОД ПРИДИРЧИВЫМ ГЛАЗОМ
АРБИТРА.**

Более чем убежден: именно занятия городошным спортом помогают мне и моим товарищам, как молодым, так и людям среднего возраста, всегда быть в хорошей рабочей и спортивной форме. И не случайно и здоровые» городки на равных соседствуют с фигурным катаньем, горными лыжами, главанием, легкой атлетикой.

Много ли времени отнимают тренировки? Немало. Но без них жизни уже не представляю. Из чего же состоят наши тренировки? Конечно, прежде упражнения на самой площадке. Но и без кроссов, бассейна не обойтись. А теоретическая учеба? Иной раз займешься столь сложными расчетами полета биты, изучением траекторий и парабол, которые по мнению одного из моих друзей, артиллерийской академии исследовать, в пору на кафедре баллистики. И биты надо сделать хорошую, по руке, чтобы все с точностью до миллиграмма выгнать с точностью до миллиграмма. Новичку разумеется уже некоторый опыт и начитанность. Многие мои товарищи: инженер Михаил Якунин, слесарь Николай Мулюкин, шашкет Григорий Иващенко, кандидат исторических наук Александр Нотик — заслуженные мастера, мастера спорта и паредовики производства.

**КОГДА БИТА
ПО РУКЕ,
ИГРА ЛАДИТСЯ.**

Фото
Юрия СОКОЛОВА

разновидностях игры — бабках. Там тоже надо выбить с коня (из города) определенную фигуру. Любителя игры в бабки В. Даль называл «бабочником». В бабках приписано (и-ница). Это маленькое добавление означает, что игроки увлекались и женщинами.

Вот сколько поучительного может раскрыть история спорта увлекающейся городошной игре более историей города. Это и для меня в ней притягательно.

Городки на редкость простая игра. Во всяком случае, так кажется на первый взгляд. И в самом деле, что тут мудреного, на земле (на асфальте, на железных листах, на любом твердом покрытии, которое есть под рукой) чертят два квадрата размером 2x2 метра. В них в определенном порядке расставляются фигуры из 5 городков. Наибольшие численности, принятые на официальных состязаниях: «пушка», «звезда», «коленчатый вал», «пушечная гонимая», «артиллерия», «пулеметная гонимая».

На протяжении 25 лет неизменно участвую в чемпионатах СССР, более 20 лет постоянно вхожу в группу сильнейших городошников страны, и не было, пожалуй, такого крупного турнира, в котором не получил бы медаль. Но сказать, что всего достиг в городках и дальше нельзя.

Судите сами: когда-то мне принадлежал рекорд страны — 119 бит на 90 фигур (по условиям первенства СССР по сегодняшним меркам, хоть и хороший, да в общем-то обыденный результат). 15 фигур установил динамовец Александр, доступный немалой группе городошников, а нынешний рекорд, принадлежавший моему товарищу динамовцу Александру Телевину — 112, да и тот давно показан и пока не повторен.

И еще одна сторона нашего спорта — широкий диапазон занимающихся. В 1956 году (когда состоялась I Спартакиада народа СССР) я впервые участвовал в крупном всесоюзном турнире Валера Ключев только родился. Жили мы по соседству. Я и не заметил, как он подрос и оказался рядом со мной на стадионе.

Теперь мы оба выступаем за одну команду. Завоевали звание чемпионов страны 1982 года в командном зачете. И Валера — фрезеровщик. Я слесарь, бригады коммунистического труда. Валера пока не бригадир, но уже ударник коммунистического труда.

**ЕЩЕ ДОЛЯ СЕКУНДЫ,
И СТАНЕТ
ЯСНО,
ПЕЛБИТА
ФИГУРА.**

Главные ценности

Есть книги, отмеченные особой дерзостью замысла. Они прежде будто должны присутствовать автору, обязаны быть выношены годами-учебой, годами-раздумьями, годами дошлой и широкой, чистой и смелой работы. Такие книги не под силу тем, кто упоен собственной ученостью, кто академически спокоен. На них посягает автор, движимый высшими соображениями и — в зрелую уже пору — несущий в себе неотступный максимализм молодости с ее мыслями и интересом к главным духовным ценностям жизни. Книгу, о которой пойдет речь, нельзя читать «просто так». Для нее следует выделить время. И не только по часам. Но и время того душевного и умственного настроения, когда в человеке превыше всего запросы духовные.

Книга называется «Странствия великой мечты». Написал ее Геннадий Гусев, а выпустило в свет издательство «Молодая гвардия». О чем она? Вкратце: о поисках человечеством на протяжении всей своей сознательной истории модели счастливого, разумного, свободного и справедливого жизнеустройства, о человеке гармонично развитом.

Книгу составляют: вступление, восемь глав с характерными названиями — «Свет из тьмы», «Бессмертное детство», «...И все-таки она вертится!», «Предтеча», «Призрак свободы», «Канун», «Приговор истории», «Отечество будущего» и эпилог «Да здравствует революция, радостная и скорая!». В охватке страниц — тысячелетия. В перечне явлений — откровения творцов философской мысли и художников слова всех эпох, безымянных создателей народного фольклора.

Внешне как бы поступаясь самолюбием, а по правде — добывая истину в аргументе, автор отдает немалую площадь каждой главы им — подлинным подвижникам, искателям счастья для всех... Но это не обычное цитирование. В разделах «Источники. Фрагменты. Стихи», имеющихся в каждой главе, — первооснова книги. Автор предоставляет возможность читателю прикоснуться к великим образцам мысли и слова, вступает в работу сам с глубоким и

страстным комментарием, с тем художественно-публицистическим проникновением в жизнь истории, когда она становится доступна каждому сердцу...

Нарращивание идей ускоряется от страницы к странице. Ни в один, ни в пять присестов книгу не одолеть. Но этого и не нужно. Да и нельзя. Надо думать. Что-то записывать... Объем информации громадный.

В самом деле: где еще под одной обложкой, ведомый читателем и знающим автором, читатель проследит горячие, трепетные поиски Человека устами древнекитайского классика Чжуан-Цзы и индийской «Рамаяны», строками русских посланцев, «Вольги и Микулы Селяниновича», словами Эсхила и Овидия, Рабле и Джордано Бруно, Шекспира и Сервантеса, догадками Мора и Кампанеллы, головами Авакума, Руссо, Радищева, Гете, Петефи, Толстого, многими еще? Не раз возникают на страницах книги прозорливые наблюдения над историей и великие социальные прогнозы Маркса, Ленина. В ткани же авторского текста — тот захватывающий комментарий, который вобрал в себя опыт философских течений, культур, бореный мысли...

Во вступлении автор признает, что не ставил своей книгой цель «объять необъятное». Но ведь это не под силу и многим фоллиантам... Автор добился многого: дал новую пищу для размышлений читателю серьезному, знающему; во многом образовал читателя менее знающего, наверняка заставил того и другого обратиться к книжной полке за новым знанием. Это ли не главное!

Борис ВОЛКОВ

ПРОЗА

Оплаченный долг

Не только у книг есть своя судьба, но и у тех, кто создает эти книги. И от слияния пережитого автором и творчества его зависит во многом и будущее книги.

Григорий Ершов — сын большевиков-подпольщиков, участников знаменитых сормовских событий. Почерпнутое в детстве сказало на всей дальнейшей судьбе писателя — комсомольца первых лет пятилетки, участника Великой Отечественной войны, боевого публициста, журналиста.

Дилогия, состоящая из двух повестей: «Неуловимое солнышко» и «Холодные зори», — это, по существу, семейная хроника (Григорий Ершов, «Холодные зори», «Советский писатель», 1982 г.).

Главная героиня повести «Неуловимое солнышко» — выросшая на Полесье девочка Маринка Борисова, наделенная физи-

ческим увечьем, сумела благодаря вольнолюбивому и смелому своему характеру вытерпеть и преодолеть невзгоды, приняв непосредственное участие в революционной борьбе.

Повесть привлекает своей духовной чистотой, поэтичностью. Автор хорошо знает мир белорусского Полесья, его легенды и были; язык повести богат народной мудростью, проникнут добротой и ясностью датства.

Среди героев книги мы узнаем черты людей, хорошо знакомых по истории нашей Родины. Семейная хроника, участником которой является и сам автор, разрешает ему, не нарушая исторической стройности повествования, вносить в него оригинальные, лично ему знакомые, достоверные подробности.

Предвестием ко второй части дилогии звучат пророческие слова горьковской «Песни о Соколе», которую молодые герои повести прочли впервые на странице «Самарской газеты», где она звалась просто «Песней». Вообще горьковские образы — Павла Власова, матери, образы самого Горького и его друга Федора Шалапина проходят как бы лейтмотивом второй повести — «Холодные зори», переносившей нас из Полесья на Волгу, где известные уже нам герои принимают активное участие в борьбе с самодержавием на Волжских железодельных заводах.

Детские мечтания уступают здесь место суровой действительности: в повести рассказывается о создании боевых рабочих дружин, о баррикадных боях 1905 года.

Дилогия Григория Ершова задумана писателем как рекаем плавшим за справедливое революционное дело. Я думаю, что ее с интересом прочтут многие, и в том числе молодые читатели — те, к кому она в первую очередь обращена.

Всеволод АЗАРОВ

ПОЭЗИЯ

Разговор времен

Минуло более пятнадцати лет с тех пор, как молодой механизатор из отдаленного казахского аула Мухтар Шаханов напечатал первые стихи в областной газете. Эти годы вобрала в себя овладение — с упорством, свойственным человеку, управляющему с техникой, — профессией журналиста, ежедневную литературную учебу у классиков и современных мастеров слова, вобрала творческие взлеты и неудачи. Главное же — молодой поэт твердыми шагами начал путь в литературу, все увереннее звучал его голос, все более заинтересованно относился к его творчеству республиканский читатель. И вот первая книга на русском языке, выход к читателю всеосозному.

«Ликий времен» — так назвал ее автор (изд-во «Жазушы», Алма-Ата, 1982 г.). Громкое название, сразу как бы намеренно настроивающее на глубокомысленный, философский лад при будущем чтении. Что и говорить, много переиздано таких «заявочных» заголовков, но после определенного настроения, после чтения страниц, следующих за титульной обложкой, наступало разочарование. Из-за бездумного, петушиного громкого голоса; из-за расхожих образов; из-за неумения видеть дальше себя, видеть общие горизонты.

Мухтар Шаханов будто каждую строчку проверяет на истинность, предельно «нагружая» ее мыслью, будто за каждую из них готов ответить по самому высокому и строгому художественному счету. Он и сам, кажется, чувствует, где еще есть шероховатости, но в книге заложена «шахановская норма»: заявленная перспектива — рост от творческой молодости к зрелости. Это не «аванс», так часто встречающийся в заране благосклонных рецензиях; мне приходилось слышать, как читал в разных аудиториях свои стихи Шаханов — он в ответе за них, в слове стремится не себя вознести, а к людям словом воспарить, достучаться до их ума и сердца.

Действительно, страстное желание именно воспарить — пожалуй, главный движитель поэтического таланта Шаханова. Это не умильная восторженности брагуриный фраз, с одной стороны. Шаханов умеет быть резким, беспощадно открыто обращается к самому наиболее:

Беспламенность хитра и зла — крылатым выломит крыла...

Или еще:

Есть ли мука другая страшней, чем печаль слишком поздно пришедших единственно правильных мыслей?..

Поэт чужд, с другой стороны, и манерности, часто выдаваемой за этакую «утонченность личного восприятия». Нет, его взгляд обществен, историчен, гражданствен. «Я часто думаю с тревогой: если мы не будем знать нашей древней истории, то новая история не захочет знать нас». Эти слова, эта тревога — творческое кредо Шаханова — остросовременны. Именно «остро»: он и сам говорит: «Художник должен найти в истории то, что необходимо в настоящем во имя будущего».

Воспарить. Для литератора это еще и, сердцем приняв к болям и радостям людским, осмыслить, воспеть мир, жизнь в ярких красках. Не сужать широту постижения всей многоплановости окружающей действительности при малейшем столкновении со сложностями, проблемами. В этом отношении поэзия Шаханова социально оптимистична, наполнена самой высокой верой в смысл человека на земле.

Поднимем звонко терпкое

вино —
За то, чтоб жить нам
на щемящей ноте...

Поэзия лауреата премии Ленинского комсомола Казахстана Мухтара Шаханова, корнями уходящая в национальную казахскую культуру, в историю казахского народа, глубоко интернациональна, ибо всеми думами своими, всеми движениями души поэт обращен к будущему, над которым трудится сегодня невиданное в мире братство людей — советский народ. Историзм, органично переплетенный с остросовременной тематикой, философичность и афористич-

ность не оставят читателей равнодушными к книге М. Шаханова. Как не оставят равнодушными любителей поэзии и имена переводчиков казахского поэта — Е. Евтушенко, М. Синельников, Л. Латынин.

Андрей КОМАРОВ

СПОРТ

«Наш полюс»

Известны события, мгновенно обретающие широкий общественный резонанс, — о них наперебой рассказывают газеты, героев этих событий мы день за днем видим на телеэкране. Именно такой резонанс имела экспедиция «Комсомольской правды», достигшая на лыжах Северного полюса. Это было несколько лет назад.

И вот — книга об этой славной обретающей широкий общественный резонанс. Ее написал Владимир Снегирев, хорошо известный читателю корреспондент «Комсомольской правды», который много лет пылко пропагандировал идею достижения полюса на лыжах, сам участвовал в лыжных походах, предвзвешивая штурм Северного полюса, а в решающий миг взялся быть главным диспетчером штаба экспедиции. И он по праву назвал свою книгу «Наш полюс» («Советская Россия», 1982 г.).

В свой рассказ об экспедиции Снегирев умело вводит те подробности, которые в час успеха, быть может, казались второстепенными, теперь же, по прошествии времени, обретают повышенный интерес для более глубокого понимания, как удалось отважной семерке осуществить свой дерзкий замысел.

Рассказывая о нелегком старте семерки с острова Генриетты, который происходил на его глазах, автор приводит такой разговор с Дмитрием Шпаро:

«И как ты собираешься стартовать отсюда?»

«Я не верю в то, что нет выхода».

«Значит, будем ждать?»

«Будем искать выход».

Стенка набережной обрывалась не в открытом море, а в какое-то жуткое месиво из воды и снежной каши, плывущих и громоздящихся друг на друга льдин».

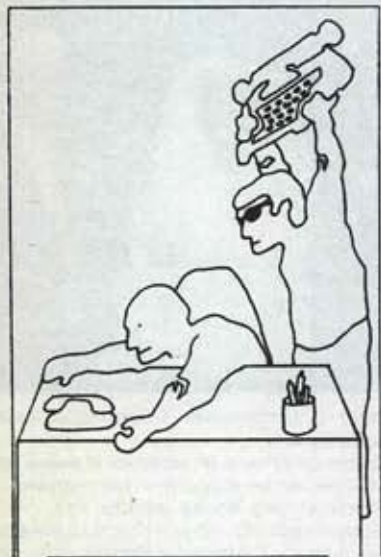
Стиснутый небольшим объемом книги, журналист тем не менее сумел выпукло выписать портрет наших современников — ищущих, смелых, готовых на эксперимент, раздвигающий все привычные представления о физических и, добавлю, нравственных возможностях человека. Эта книга — о воспитании мужества. Она словно убеждает нас: не надо бояться самого себя, себя надо открывать для новых путей и дорог, куда прежде, казалось, вход человеку был запрещен. Оди, чихнув, думают о враче. Другие, встав на лыжи, рвутся на Северный полюс и его достигают.

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Справочник для убийц

Книги-руководства, название которых начинается словом «как», в США очень популярны. Они содержат наставления и подробные рецепты на все случаи жизни: от «Как приготовить первоклассный ужин на 12 персон всего за 45 минут» до «Как стать миллионером». Недавно на книжном рынке появилось новое издание этой серии. Небольшая брошюра стоит весьма недорого — 40 долларов и носит название «Как убивать». Автор, эксперт по оружию Джон Миннери, дал ей такой подзаголовок: «Цель этого руководства — научить желающих покончить с человеческой жизнью, как сделать это наилучшим образом». «Вероятно, вы найдете мою книгу отталкивающей, — пишет в предисловии автор, — но именно это и является моим стремлением. Главное, что я могу посоветовать будущему убийце: убивайте без малейших колебаний, но не делайте этого для собственного удовольствия».

Эксперт по оружию и реализации «безупречных» убийств повествует об обращении с огнестрельным и холодным оружием, а также с луком, стрелами, взрывчаткой, ядами, электрическим током.

Статистика преступности в США год от года выглядит все более мрачно, и, казалось бы, убийцы в дальнейших указаниях не нуждаются. Но тем не менее, несмотря на внушительную цену, справочник «Как убивать» на полках книжных магазинов не залежался...

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ТРУБКА МИРА ЗАЖЖЕНА В ШВЕРИНЕ...

«Индейцы», которых вы видите на снимке, говорят на немецком языке — иные с саксонским, другие с тюрингским, третьи с берлинским акцентом. Снимок сделан в ГДР, в округе Шверин, где на традиционную встречу собрались 260 участников культурных групп, занимающихся индианистикой. Таких групп в разных уголках республики существует более тридцати, и изучают они историю индейских племен, их быт, их фольклор. Для многих увлечение началось в детские годы, после знакомства с благородными и мужественными героями приключенческих романов о предках тех, кто согнан сегодня в резервации на бывшем «диком Западе».

На побережье Балтики были построены «всамделишные» вигвамы, исполнены ритуальные танцы и зажжена трубка мира...

«ДДР — РЕВЮ», ГДР

ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ НАРУТО

Морской пролив Наруто в Японии принадлежит к числу трех проливов в мире, которые имеют самое быстрое течение при приливах и отливах. Пролив вообще-то не так уж и широк — 1370 метров, но одолеть его не всякому под силу. Немало смельчаков возвращались, проплыв лишь сотню метров. Поэтому неудивительно, что имя 22-летней токийской студентки Терико Оонук сразу же стало известно: она оказалась первой женщиной, которая смогла переплыть Наруто. Ей понадобилось на это 33 минуты. Терико — опытная пловчиха. Недавно она так же успешно переплыла Ла-Манш.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

«Весна» Боттичелли реставрирована

Картина является одним из шедевров эпохи Возрождения. Она была написана Боттичелли в 1478 году. Время не прошло бесследно для изумительного творения итальянского художника: лак, нанесенный на полотно, потускнел, и лик Весны был как бы скрыт густой вуалью. Теперь картина реставрирована, и любители живописи могут снова восхищаться свежестью красок Боттичелли.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

ЗВЕЗДНЫЙ БИЗНЕС

Большинство звезд на небосводе не имеет собственных имен, а только цифровой индекс. Этим и решила воспользоваться американская фирма в Калифорнии, именуемая «Найм э стар» («Назовите звезду»).

За 25 долларов наличными фирма предоставляет возможность каждому назвать своим именем любую звезду из числа безымянных. Клиент получает при этом письменное свидетельство, а также карту звездного неба, на которой точно помечено местонахождение «его» звезды. Так «из воздуха» делаются деньги.

«ФУТУРИСТ», США

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

По всей вероятности, человечество впервые столкнулось с энергетической проблемой несколько тысяч лет тому назад. Так, египетские фараоны были вынуждены остановить производство меди из-за нехватки угля. К такому выводу археологи пришли в ходе раскопок в самом древнем на Востоке центре горной и металлургической промышленности.

Древние мастера литейного производства владели всеми секретами плавки и получали металл высокой чистоты. А так как использовался в основном древесный уголь, получаемый от сжигания финиковых пальм, то обширные массивы этой ценной породы деревьев в долине Нила полностью исчезли. В результате выплавку меди пришлось прекратить.

«ШТИИНСЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

Когда нефть лечит море...

Специалисты из Калифорнийского университета (США) пришли к заключению, что нефть, которая проникает из глубин земли в воды океана естественным путем, способствует развитию его флоры и фауны. Этот вывод является результатом наблюдений, проведенных в двух прибрежных зонах, из которых одна — «чистая», в то время как на дне другой замечены природные растечки нефти. Именно там было обнаружено гораздо больше морских растений и животных. Ученые полагают, что нефть поглощается бактериями, которые разлагают углеводороды, вырабатывая различные органические соединения. Эти соединения необходимы другим микроорганизмам, которые составляют пищу червям и моллюскам, поедаемым, в свою очередь, рыбами. Таким образом нефть, которая появляется на дне морей, ассимилируется. Концентрацию ее в морской воде — всего несколько миллиардных долей, естественно, невозможно сравнить с крайне опасной для морских организмов концентрацией нефти, возникающей, например, при авариях танкеров.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Пизанская башня будет стоять

Это чудо архитектуры известно во всем мире. Автор проекта великолепного сооружения является Бонанно Пизано, который умер в период строительства. Фундамент под башню был заложен в 1173 году, а завершил реализацию проекта известный итальянский архитектор Джованни ди Симоне.

Как известно, башня начала крениваться в сторону сразу же после окончания строительства, потому что Пизано не учел одной весьма существенной детали: на месте заложения фундамента существовали мощные отложения известняков с большим содержанием артезианских вод.

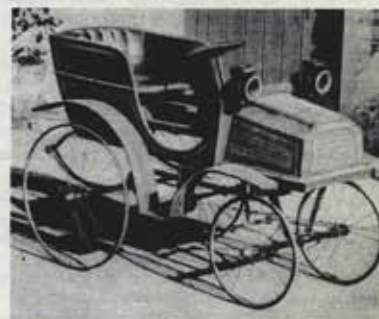
Контроль за состоянием башни ведется постоянно. Стали поступать обнадеживающие сведения о том, что наклон башни происходит более медленными темпами, чем раньше: всего на десятые доли миллиметра в год. Специалисты объясняют это явление тем фактом, что в месте оседания грунт уплотнился и стал практически водонепроницаем. А это значит, что знаменитая башня будет стоять века, вызывая восхищение своим совершенством и необычностью.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

АВТОМОБИЛИ БЕЗ МОТОРА

Когда появились первые педальные автомобильчики для детей? Историки автомобилестроения отвечают на этот вопрос: уже на рубеже столетия. Те, кто был в состоянии приобрести для себя модную новинку — автомобиль на стоящей, с двигателем, заказывали для своих отпрысков копии, приводившиеся в движение по принципу велосипеда. На верхнем снимке — один из старейших сохранившихся педалейных автомобилей, год постройки — 1905-й. На нижнем — педальный автомобиль образца 1919 года.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

Это был тот именно случай, когда критик ошибся в своих прогнозах насчет будущего актера...

Сейчас пытаюсь разобраться, почему так произошло, почему тогда мне казалось, что из Янковского ничего не выйдет, во всяком случае, ничего особенного. Не знаю. Быть может, потому, что слишком много за журналистскую жизнь промелькнуло лиц и слишком многие из них, на кого даже и возлагались надежды, не оправдали их.

Признаться, я долго не хотела верить в «новые возможности» Янковского. Помню, когда вышел, скажем, «Мой ласковый и нежный зверь» Лотяну и он появился в непривычном облике чеховского героя, с критической суровостью отметила нарочитость и легковесность этого облика, непринужденно примеренный и уже известный типаж. Следователь Камышев был сыгран с лихостью и обаятельностью необыкновенными, но как все это было далеко от

трудник советской разведки. Все дальнейшее на экране столь же победительно, сколь и совершенно не убеждает в эмоциональном, психологическом плане. С большим трудом веришь в скоропалительное его перерождение.

Я вспоминаю еще некоторые роли из тех, что видела на экране до того, как познакомилась с самим актером в городе Саратове. Лучшая из них — безусловно, его работа в картине Евгения Карелова «Служили два товарища». Уже достаточно много написано о том, как он сначала должен был играть роль Высоцкого, белого офицера трагической судьбы, но Карелов, посмотрев на актера, сказал: «Нет, белым мы его не отдадим». И как видим по результату, оказался прав. Фильм «Служили два товарища», пожалуй, как раз из переживших свое время. Авторы и режиссер смело вводят в освещение революционного процесса новую фигуру — вот этого самого недотепистого интеллигента, то ли студента, то ли фотографа, которого и играет Янковский.

...В Саратов я поехала в командировку. Хотелось застать актера в его естественных обстоятельствах, тем более было интересно посмотреть на «кинозвезду», живущую в городе Саратове.

ся куда как более пронизательный взгляд на актера, но вот раскроет-то он его дарование опять-таки, что характерно, не на сцене, а на экране.

Тогда я спросила актера:

— Скажите, Олег, как вы думаете, сложится ваша судьба лет так через десять?

— Через десять?..

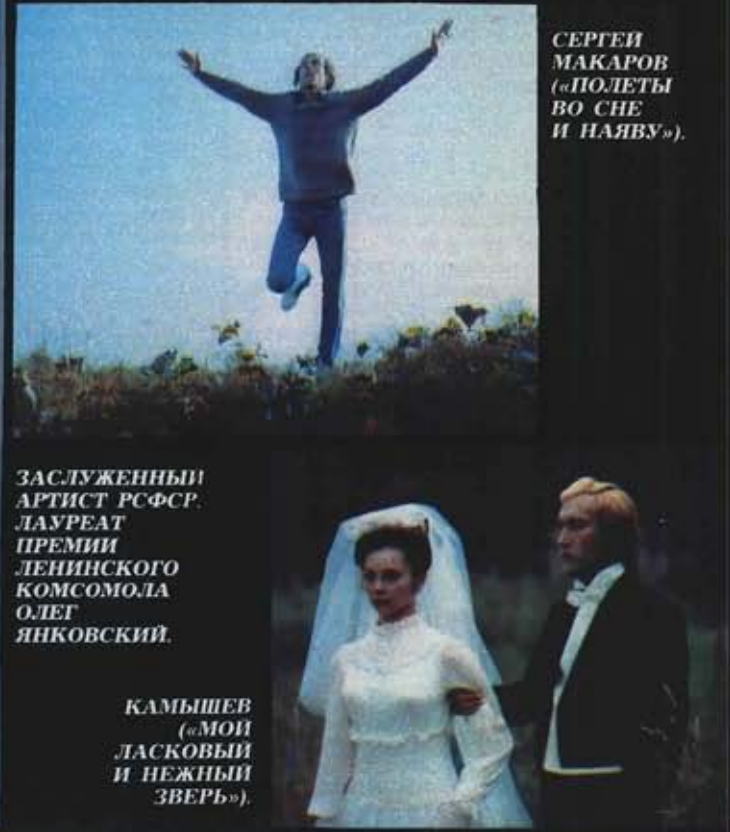
(Я понимаю, в двадцать шесть лет это почти фантастический срок.)

— За театр я спокоен. То есть в том смысле, что из театра не уйду. За кино спокоен меньше. Я понимаю подоплеку вашего вопроса. Для меня сейчас самое опасное — сниматься. И не сниматься. Вот такой парадокс. Надеюсь, вы меня понимаете? Сниматься взалхб, без разбора, в чем попало. Но и не сниматься, то есть терять форму, время, годы. Я в общем-то считаю, что хорошая роль не приходит сама собой, не сваливается с неба, к ней надо себя готовить такими эпизодами, как в телефильме «Сохранившие огонь». Я знаю режиссеров, от самой крошечной роли у которых не откажусь никогда. Знаю и актеров, рядом с которыми готов «работать» даже и среднюю

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

ЭНЕРГ

СЕРГЕЙ
МАКАРОВ
(«ПОЛЕТЫ
ВО СНЕ
И НАВЬУ»).

ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ РСФСР.
ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА
ОЛЕГ
ЯНКОВСКИЙ.

КАМЫШЕВ
(«МОЙ
ЛАСКОВЫЙ
И НЕЖНЫЙ
ЗВЕРЬ»).

Чехова, пусть даже и такого Чехова! Пугала во всем этом бесстрашность молодого актера, столь «ласково и нежно» подошедшего к труднейшему из материалов, предлагавшихся ему для роли. Пугала некая всеядность, бестрепетность — да, а что, я, мол, и это могу, чего там, подумаешь, Чехов! Потом, впрочем, услышала мимоходом, что Янковский, оказывается, был очень недоволен этой своей работой.

Думаю сейчас о начале Янковского в кино, мысленно предлагаю читателю и зрителю вернуться в прошлое и вспомнить фильм «Щит и меч» — тем более что фильм, вероятно, помнится: он был в свое время чемпионом кассовых сборов и слава «настигла» Янковского (вместе с Любшиным) задолго до того, как начала восходить звезда актера Янковского.

Роль Генриха Шварцкопфа, племянника всесильного бригаденфюрера Вилли Шварцкопфа, сложно сочлняет в себе судьбу виновника и жертвы — он человек в черном мундире гестаповца, и он же сын убитого некогда этими же гестаповцами отца (до поры до времени Генрих о своей тайне не подозревает). Так возникает еще один мотив — мелодрамы, мести за убитого отца. Янковский пытается играть суммой приемов героя-неврастеника: здесь кульминацией становится эпизод, когда на дне рождения фюрера он вдруг впадает в истерическую протрацию и с криком «Победа или смерть!», словно сраженный невидимым ударом, падает в кресло. А нам объясняют, что фюрер пробовал на нем свою гипнотическую силу и поэтому отменял и любил. Не очень понятно, что же на самом деле происходит — игра или аффектация? Потом, однако, от чисто условного театра режиссер и актер переходят к запланированной мелодраме — уже покотившегося в бездну пьяного угара Генриха отрезвляет известие о давнем убийстве отца и о том, что его друг Иоганн Вайс — со-

Трудность оказалась в театре, а вернее, в спектакле театра имени К. Маркса, где тогда работал Янковский. Театр-то, говорят, был — и есть — хороший, но спектакль, который показывали в тот вечер и в котором Янковский играл главную роль, был попросту из рук вон. Так, какая-то сто пятая модель «Девяти дней одного года», что-то об ученых, об облучении, уже не помню что. Помню только, что было ощущение прямо-таки вопиющей беспомощности и всего спектакля, и автора, и, кстати, Янковского тоже. Он не знал, куда девать руки, и беспрестанно курил. Смотреть было просто жалко, невозможно, все, что он уже сделал к тому времени на экране, казалось просто подвигом.

Впрочем, сам актер, когда мы, наконец, встретились с ним после спектакля, думал примерно то же самое и про пьесу и про спектакль. Был, однако, настроен более оптимистически, быть может, потому, что мысленно видел перед собой всю череду спектаклей, которые играл, а главное — собирался играть.

Так, зашла у нас тогда речь о Раскольникове, сыграть которого готовился Янковский. Но посмотреть мне его, естественно, не удалось, потому что вскоре, как известно, актер перебрался в Москву, в театр имени Ленинского комсомола, и для него этот переход оказался, не в пример иным прочим скороспелым звездам, весьма перспективным. Думаю, что именно этого фактора я тогда и не учла, прогнозируя будущее Янковского в весьма обычных параметрах — «как пришел, мол, в кино, так и сойдет». Кто же знал тогда, что у режиссера Марка Захарова окажет-

роль, например, с Любшиным. Общение с такими людьми — уже школа...

Кинематограф — это очень интересно. И очень опасно. Так что лучше не заглядывать так далеко...

С тех пор прошло уже более десяти лет.

...Один знакомый спросил меня: «Как ты думаешь, а мог Янковский сыграть Гамлета?» Вопрос этот сначала поразил, а вот теперь я предлагаю его на ваше усмотрение. Наверно, в нем все-таки есть зерно истины — для каждого почти актера (если он не заведомо комик или «характерный», но, впрочем, ампула сейчас не в моде, если Леонов играет чеховского Иванова, то почему бы Янковскому не сыграть и Гамлета?) наступает момент, когда ему или о нем можно задать такой вопрос. Потому, вероятно, что Гамлет всегда был и есть мерилом художественной зрелости, совершенства форм, вершины творческого поиска.

Так вот, я бы, пожалуй, ответила, что Янковский мог бы сыграть Гамлета, потому что ведь Гамлета, в сущности, играют все очень по-разному — молодым, но и не очень, скептиком и романтиком, идеалистом и циником, безмерно верящим и безмерно изверившимся. Не знаю, только ли эта роль предоставляет актеру такую гамму взаимоисключающих нюансов. Но вот если взять Гамлета за точку отсчета сложности и противоречивости, то Янковский смог бы ее сыграть, а вернее, думается мне; он сыграл своего Гамлета — не удивляйтесь — в бароне Мюнхаузене. В том только смысле, что показал, с одной стороны, полную творческую раскованность в подходе к классике. с

другой же—такую же полную меру ее понимания и взаимопонимания с ней. Если уж такую, совершенно непознанную и, казалось бы, неподходящую роль он смог сыграть, то—почему бы и не Гамлета?

Нет, это только поначалу нам может показаться, что Мюнхаузен—стихия бесконечного юмора и полной волюности в интерпретации классики. Свобода и полная раскованность поведения актера в рамках экранизации, его безграничное чувство юмора—да, сначала мы замечаем их. И только после, уже исходя из более поздних, зрелых, драматических работ Янковского мы прозреваем и другое—мысль о суверенности каждой человеческой личности, о балансе ее потенции и ее осуществлений. Быть может, странно прозвучит такая идея в отношении озорного Мюнхаузена, но и Захаров и Янковский предлагают нам заглянуть несколько дальше и глубже его шуточных эскапад. И тогда мы услышим не только юмор, но и грустную иронию, а ирония всегда шире и глубже юмора, это уже позиция, и такая позиция, пусть не у самого Мюнхаузена, но у тех, кто его истолковывал на этот раз, безусловно, есть. Грустная ирония Мюнхаузена будет у актера расти от роли к роли, обретая неожиданные драматические краски, углубляясь и наполняясь драматическим, зрелым содержанием в последних по времени работах Янковского.

Роль, предложенная ему в фильме «Мы, нижеподписавши-

опять есть этот тоже невидимый нам кабинет наверху и кабинет внизу, с этим Ленечкой Шиндиным, которого надо вот сейчас, мгновенно, отчетливо и сразу поставить на место. Что он и делает, когда заявляет ему твердо: «Не подпишу. У тебя свой хозяин, у меня свой. Пусть они договорятся».

Часто задаешься вопросом: в чем же своеобразие Янковского, в чем секрет его своеобразности? Привычно пытаюсь делить на школы, на ранги, это в искусстве, с одной стороны, дело безнадежное, с другой же—при всем при том весьма распространенное. Ну, скажем, к чему больше склоняется дарование Янковского—к театру представления или к театру переживания? Пресловутое «быть самим собой», за которое мы все так ратовали еще совсем недавно, сегодня, кажется, благополучно спущено в архивы кинодискуссион. Быть самим собой—у Габена—это одно... «Я», обогащенное опытом жизни, опытом бесконечно разнообразных ролей,— это одно, «я» как писк вновь народившегося в кинематографе ребенка—совсем другое. Но как много, как много этих «я» рождается и гаснет на наших экранах! И признаться, Олег Янковский действительно поначалу

моральный цейтнот—сшибая машиной на дороге случайную старушку, вынужден переосмысливать всю свою прежнюю и будущую жизнь. Миндадзе и Абдрашитов, надо сказать, последовательно ведут в фильмах тему своего поколения—тридцати, а теперь, пожалуй, уже и сорокалетних, ведут ее, подчеркиваю, строго и нелицеприятно. Янковский, снимавшийся уже в первой их картине, «Слово для защиты», не сразу сумел взять в этом монологе нужную ноту—вернее, попросту ему не повезло с первой его ролью, не очень удачно написанной (мы имеем в виду Руслана, жениха героини-адвокатши). Зато уже во второй ленте, «Поворот», стало ясно, что авторы обрели в лице Янковского полного своего единомышленника в заявленном ими разговоре. Тема фильма, его сюжетный стержень, замечу вам, не нов, известен еще со времен «Смерти велосипедиста» Бардема, однако же все это любопытно спроецировано на нашу действительность, на железный прагматизм нынешних тридцатилетних, который дает вдруг такую серьезную трещину. Значит, наш герой не так уж «забронзовел» в своем стремительном процветании, значит, есть еще надежда, что очнется он от этого восхождения вверх по лестнице, ведущей вниз.

Сергея из «Полетов во сне и наяву» мог бы быть продолжением Олега: тому за тридцать, этому в тот день, единственный, когда начинается и кончается фильм, исполнилось сорок. Представьте себе такую ситуацию: ведь в конце «Поворота» герой хочет бросить все—новую жену, новую квартиру, новую диссертацию—и уехать куда-нибудь, куда глаза глядят. И вот он уехал—в фильм «Полеты во сне и наяву». Маленький городок, впрочем, живописный, со следами русской архаики. И какое-то затерянное КБ, неизвестно что проектирующее. И здесь работает наш Сергей—заметьте, в сорок лет его все еще зовут Сережа, хотя давно пора бы звать Сергей Николаевич.

Сергея талантлив—и мы легко в это верим. Почему же так непоправимо разломала его жизнь? Или и в самом деле устал он от того бессмысленного в нравственном, духовном смысле восхождения, которое совершал его герой еще в «Повороте»? Да, мы смело угадываем—Янковский, как актер в высшей степени современный, широко предоставляет нам возможность домисливания—его прошлое, его былые успехи и горькую оскомину от возможной карьеры. Все это есть. Но оставши от чего-то, что было и не принесло радости, ни к чему другому он не пристраст, и здесь драма героя, человека сильного критического потенциала, но лишенная позитивной энергии.

И если вспомнить здесь о драгоценном качестве актерской дистанции, умении стоять чуть в стороне от героя, то в этом фильме Янковский на высоте. Здесь—в жанре психологической драмы, а в фильме «Влюблен по собственному желанию» он с блестящим демонстрирует ту же самую отстраненность в труднейшем жанре притчи.

Фильм неожидан для всех—для режиссера, для Янковского, для Глушенко, для всех, одним словом. В этой работе едва ли не больше всего проявилась черта отстраненности в актерском даровании Янковского, без этой черты, без этой особенности он вообще не смог бы сыграть такую роль. Потому что его Игорь—не просто определенный человеческий характер, он еще и знак своеобразного ребуса, кроссворда в той нравственной раскладке, какую представляет из себя новая лента С. Микаэляна. Перед нами своего рода шахматная доска, по которой режиссер и сценарист двигают фигуры то туда, то сюда, то вперед, то назад,—нет, это не значит, что перед нами схема, отнюдь, но действительно перед нами некая игра. А ведь Игорь, хотя мы и видим его сегодня в неубранной, пустой квартире, вчера еще—человек, объездивший полмира, известный спортсмен, запрограммировавший себя на долгую, интересную жизнь, которая вдруг так рано рухнула в полускотское существование. И вот из этой-то пропасти он должен вытащить себя буквально за уши. И себя и другого человека заодно, эту Веру—«синий чулок», которая тоже почему-то поставила на себе крест. Какой же он все-таки, Игорь? Янковский сумел привычной своей особой легкой иронией снять с этой притчи о перевоспитании всякий налет назидательности, но все равно остаться как бы чуть в стороне: не думайте, мол, что все было на самом деле, нет, просто так придумалось авторам...

Хотелось бы теперь вернуться к тому, с чего начала, к поездке в Саратов и к вопросу «Что будет через десять лет?». И вот прошло не десять, а двенадцать. Что-то совпало, что-то нет. Тогда Янковский предпочел не заглядывать так далеко, и его можно было понять, ведь путь его только начинался, а актеры—народ суеверный. Театр он действительно не бросил, но кинематограф оказался к нему куда благосклонней, чем он надеялся. Я все-таки возьму на себя смелость сказать, что, несмотря на удачу, в спектакле «Синие кони на красной траве» и других Янковский представляется плотью от плоти типично экранного художника. Были здесь у него роли самые разные (скажем, после интересного эскиза в «Преми» возникла явно неудавшаяся работа в «Обратной связи»), но без этого нельзя. Однако же случается иногда такое, и не самому актеру здесь решать—кино решило за него. Кино выбрало Янковского.

Не знаю, как так получилось, быть может, тому виной особая мера чутья к современности, какая есть в актере, но Янковский—прежде всего актер кино. И сегодня можно с полной уверенностью ему оглянуться в прошлое, потому что все, что он обещал, на что в то время лишь робко надеялся, все это вернуло ему—с лихвой—жестокое и прекрасное Кино.

СЯ О Б Р О З О

БАРОН МЮНХАУЗЕН
(«ТОТ САМЫЙ МЮНХАУЗЕН»).

ТИХОН
(«СЛАДКАЯ
ЖЕНЩИНА»).

ИГОРЬ
БРАГИН
(«ВЛЮБЛЕН
ПО
СОБСТВЕННОМУ
ЖЕЛАНИЮ»).

Фото
Игоря
ГНЕВАШЕВА.

еся», была первой отчетливо отрицательной—пусть мне извинят такую старомодность. Такого отчетливого циника и приспособленца сыграл впервые. Впрочем, Янковский совсем не спешит к нам со своими разоблачениями на блюде. Напротив, его ловкий деятель областного масштаба (я предполагаю, что читателю хорошо известна фабула пьесы и фильма), некий Геннадий Михайлович Семенов, поначалу предстает перед нами как милая пареня, каким вообще только может быть дорожный попутчик. Задумайтесь вообще, это не лишнее, отчего многие люди кажутся нам такими в поезде, самолете,—так вот актер предстает нам здесь свою версию этой загадки природы. Актер, повторяю, предлагает нам версию полной дорожной раскованности, когда нет ни кабинета наверху, ни кабинета внизу, когда не нужно ничего из себя «строить», никакие «ужимки и прыжки» не потребны и почему бы так задарма не стать ну прямо-таки своим в доску, каким он и выглядит.

Здесь своего рода физиологический очерк. Вот такой молодой еще мужик, севши в поезд, конечно же, в первую очередь «возьмет долю» и не будет здесь скупиться, найдет себе приятелей по выпивке (не будем ее называть пьянкой, он отнюдь не выпивоха), а потом, наговорившись вдосталь с людьми, от которых ни он не зависит, ни они от него тоже, разумеется, поищет себе приятную соседку, знакомство с которой его ни к чему не обяжет. А здесь повезло: нашелся этот Ленечка Шиндин, который сразу предложил и то и другое (если помните, устроил фиктивный день рождения тут же, в купе, собственной жены Аллы, которую выдал за сослуживицу...).

Все есть, полная гамма нюансов—от легкого, приятного захмеления к полной, глухой «отключке», когда он режет лимон на шатком столике, несколько раз безнадежно съезжая ножом с гладкой поверхности. Потом—дорожный сон и, наконец, это железное пробуждение, когда он понимает, что снова на орбите, на службе у своего невидимого хозяина, и

казался еще одним таким народившимся «я»—благодарная фактура, непринужденная манера игры, как это много и как мало, в общем, даже для наших ста пятидесяти фильмов в год! К счастью, кажется, он вовремя сумел осознать эти очень простые и очень сложные истины.

Один знакомый сказал о нем: удивительно, при всей его предельной органичности и естественности он всегда в некоей отстраненности. И вот здесь мне вдруг показалось—слово найдено. Именно отстраненность, термин модный, затасканный, но в данном случае очень точно выражающий суть дела. Быть может, в такой отстраненности и есть особая концепция современности актера?

У Янковского есть взгляд со стороны—очень драгоценное и редкое для актера качество. Да притом, что он играет в школе М. Захарова, более склонной к смене масок, к лицедейству, чем к традиционной русской манере игры, он явно выделяется в этой школе, оставаясь предельно в образе, всегда чуть-чуть в стороне от него. Попробуем рассмотреть с этой точки зрения хотя бы две последние работы Янковского—«Влюблен по собственному желанию» Сергея Микаэляна и «Полеты во сне и наяву» Романа Балаяна. Кстати, сам актер, кажется, считает роль в «Полетах...» своей самой большой удачей.

Впрочем, сначала хотелось бы вспомнить еще одну роль, в которой видится предтеча Сережи, героя «Полетов...»,—роль сейчас несколько подзабытую, но важную в контексте нынешних поисков актера. Это герой фильма Миндадзе и Абдрашитова «Поворот», молодой преуспевающий ученый, имеющий все положенные знаки современного благосостояния, который на пороге докторской степени попадает в

СМЕРКА НА П

Николай ЯКОВЛЕВ

В июне 1982 года скончался американский адмирал Р. Хилленкоттер, прослуживший десятилетия на флоте. «Нью-Йорк таймс» откликнулась на его смерть некрологом, большая часть которого, однако, была посвящена всего трем годам службы военного моряка — в 1947—1950 годах. Хилленкоттер был первым директором ЦРУ. Газета нашла некролог уместным поводом для того, чтобы восхвалять рвение адмирала в проведении подрывных операций в те годы. Хилленкоттер, заверила газета, проводил их и тогда, когда «юрисконсульт ЦРУ утверждал, что ЦРУ не имело на это полномочий». Еще «Нью-Йорк таймс» привела слова флотского капеллана: адмирал «являет собой пример, каким должен быть американец». Прекрасно! Не военная служба (Хилленкоттер был ранен в Пирл-Харборе), а участие в самых темных делах ныне служит в США критерием «патриотизма» в глазах официальных кругов.

Под водительством того адмирала ЦРУ, созданное в 1947 году, и делало первые шаги. То были волнующие дни и годы для ветеранов УСС, вернувшихся к своим занятиям. Пишет в прошлом крупный работник ЦРУ Г. Розикский: «Весной 1948 года Белый дом считал, что война с Советским Союзом на пороге... В умах работников управления специальных операций ЦРУ на этот счет не было никаких сомнений. Враг — Советский Союз, и «советская цель» — наша миссия. Мы профессионально и эмоционально посвятили себя только этой задаче. Мы рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как были против Гитлера. Мы работали днями и ночами без выходных в обстановке нарастающего напряжения. Холодная война была горячей для наших оперативников, на карте стояла жизнь агентуры. Даже ныне, когда о настроениях того времени можно судить относительно спокойно, трудно определить общую общественную атмосферу, в которой мы начали нашу работу. На ум сразу приходят термины «истерия» и «паранойя». И если основное значение первого — «эмоциональная возбудимость», а второго — «постоянная мания преследования», то они подходят. Однако термины эти несут очень большую смысловую нагрузку, и стоит прибегнуть к более спокойному определению «образ мышления холодной войны».

Настроения эти генерировались на вершине американской государственной пирамиды, откуда исполнителям, в том числе ЦРУ, спускались надлежащие директивы и инструкции. В официальной истории ЦРУ особо выделяется, что «предложения о начале тайных операций первоначально исходили не от разведывательного сообщества, а были выдвинуты правительством, которое уже в декабре 1946 года дало указание о ведении «психологической войны» в мирное время.

Директивой Совета национальной безопасности СНБ 4/А от 14 декабря 1947 года ведение «психологической войны» было закреплено за ЦРУ. В официальной истории ЦРУ даже сказано: «ЦРУ представляло все преимущества для проведения тайных операций. Больше того, по положению на 1947 год треть сотрудников ЦРУ были выходцами из УСС. Наличие кадров бывшего УСС, имевших опыт в этих делах в военное время, давало возможность ЦРУ быстро планировать и проводить надлежащие действия. Это в сочетании с имевшимся аппаратом обеспечения за рубежом дало возможность ЦРУ немедленно приступить к действиям. Кроме того, ЦРУ располагало неподотчетными фондами для шпионажа, следовательно, не было необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями».

Операции «психологической войны», согласно директиве СНБ 4/А, определялись примерно следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением лиц без гражданства, изменников и поддержки политических партий, квазиевровые методы, включая помощь

повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями».

ЦРУ по уши окунулось в эту работу, естественно, в первую очередь в более доступной сфере — в капиталистических странах, начав борьбу с прогрессивными силами. К нашему времени хорошо известно, что именно через ЦРУ Соединенные Штаты стремились подрывать в Западной Европе рост авторитета и влияния коммунистических партий, в особенности в Италии и Франции.

Директивы Совета национальной безопасности, например, относительно действий в Италии, опубликованные в США с тех пор, пестрят отточными после указания на необходимость принятия «всех осуществимых мер». Но в опубликованной части директивы СНБ 1/2, касающейся Италии, значилось: в случае победы коммунистической партии на парламентских выборах «поставить вооружение и снаряжение в Италию при условии, что оно попадет только в руки антикоммунистических сил и не будет допущено, что им завладеют коммунисты». ЦРУ провело массированное вмешательство во внутренние дела Италии. И все под флагом борьбы с Советским Союзом!

Но как совместить высокую риторику насчет «демократических» Соединенных Штатов с наглой подрывной деятельностью, которую Вашингтон, в первую очередь через ЦРУ, развернул буквально по всему миру? «Проколы» начались почти немедленно, то там, то здесь вспыхивало возмущение по поводу бесцеремонных действий американских спецслужб.

В Вашингтоне отчетливо видели опасность последствий разоблачения подрывной работы. Великие умы Совета национальной безопасности озабочились сочинить и вручить ЦРУ 18 июня 1948 года директиву СНБ 10/2 по поводу проведения «специальных операций». Впервые опубликованная в 1978 году, эта директива беспримечна по индизму: «Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения; поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входят вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций».

Положения, сформулированные в директиве СНБ 10/2, окончательно определили роль ЦРУ как орудия для подрыва государственного строя других стран, в первую очередь Советского Союза. Эта директива, отмечено в официальной истории ЦРУ, «уполномочивала гигантское увеличение размаха тайных операций против Советского Союза, включая политическую и экономическую войну, квазиевровые операции». Соответственно и развертывались надлежащие подразделения ЦРУ, объединенные тогда в рамках управления координации политики (ОПК). Аппарат ОПК действительно был громадным, уже к 1952 году его отделения были в 47 странах.

В официальной истории ЦРУ эпически повествуется: «В серии директив СНБ, которыми утверждались тайные операции, выдвигались самые широкие цели и в самых дерзких выражениях требовалось лицом к лицу встретиться советский вызов. После первой директивы 1948 года директивы 1950—1951 годов требовали усиления этих действий, причем их критерии не устанавливались...

Два поколения сотрудников ЦРУ выросли при этой системе». У. Колби подчеркивает: «С созданием ОПК завершилось развертывание ЦРУ... и на протяжении последующих двух десятилетий ведомство существовало почти точно так, как планировал Донован будущее для УСС».

Помимо чисто оперативных задач, директива СНБ 10/2 ввела в обиход официальной американской политики доктрину «правдоподобного отрицания». Решением Совета национальной безопасности ложь отныне становилась инструментом государственной политики, о чем официально доводилось до сведения американских спецслужб как о руководящем принципе их работы. Выдвинутая первоначально для обслуживания нужд ЦРУ доктрина «правдоподобного отрицания» завела Соединенные Штаты очень далеко. Как заметил Г. Розикский, «тайные операции при президенте Трумэне редко становились предметом общественного внимания, и для правдоподобного отрицания требовалось немногим больше, чем заявление «никаких комментариев». При президенте Эйзенхауэре тайные операции достигли своего расцвета, пятидесятые годы — десятилетие широких тайных программ. Эйзенхауэр санкционировал операции в Иране, Гватемале и против Кубы, расширил механизм тайной пропаганды, созданной при президенте Трумэне, и бесконечно вмешивался во внутренние дела других стран». В результате «правдоподобные отрицания» нарастали как снежный ком.

У. Колби, впоследствии директор ЦРУ, вспоминал о начале своей работы в подрывном ведомстве в пятидесятые годы: «На меня была возложена задача создать необходимую тайную организацию в некоторых скандинавских странах. Центральные подразделения ЦРУ в этих целях направили в Скандинавию американских агентов под видом бизнесменов и других. Согласно нашей практике, американские власти, президент США или его посол могли бы выступить с «правдоподобным отрицанием» своей роли, если бы не была доказана связь этих агентов со мною, штатным сотрудником ЦРУ, работавшим в посольстве США. Это означало, что я должен был поддерживать связь с этими агентами столь же тайно, как будто речь шла о настоящих шпионах».

К чему такие предосторожности? Колби был вовлечен в великодушное предприятие: согласно тогдашним американским планам войны против Советского Союза, как мы видели, на первом этапе боевых действий планировалось отступление перед советскими Вооруженными Силами из Западной Европы. Поскольку война ожидалась в самом ближайшем будущем, «если русские сумеют взять все или некоторые страны европейского континента, ОПК хотело заранее создать возможности для введения в дело хорошо вооруженных и организованных сил... Еще до начала боевых действий... ОПК выполнило крупную программу создания в тех европейских странах, которые представлялись потенциальными целями советского наступления, того, что на жаргоне разведки называется «оставленные позади гнезда» — тайную инфраструктуру, руководителей, вооружение и снаряжение. Все это предстояло ввести в действие в надлежащее время для проведения саботажа и шпионажа».

По странам Западной Европы зашпыряли американские агенты, насаждая в них агентуру с проблематичной задачей когда-то воевать. Устраивались тайные склады оружия, устанавливались радиопередатчики, подбирались места для совершения диверсий на коммуникациях, объектах, имеющих важное значение, и пр. Часть агентуры из местного населения, завербованная ЦРУ, проходила специальную подготовку. Вот что пишет Колби о своей работе в Скандинавии: «Сеть из местных граждан создавалась так, что их правительства ничего не знали об этом. Я не могу уточнить страны, ибо это не только нарушит подлинку, данную мною ЦРУ, но и договоренность, достигнутую с ними о сотрудничестве тогда, на которой основывается и любое сотрудничество в будущем».

Вне всякого сомнения, эта деятельность ЦРУ была ярко выраженной подрывной работой, провокационной в отношении Советского Союза, и в то же

ВЕЩАТЕЛИ

время наглым вмешательством во внутренние дела государств Западной Европы. Нет необходимости обладать большим воображением, чтобы представить себе, какое давление эта «инфраструктура», созданная для большой войны, оказывает на прогрессивные силы.

ЦРУ потропилось создать вооруженное антисоветское подполье в нашей стране. Засылка агенты в СССР приобретает широкий размах с 1949 года. Сухопутными, морскими и воздушными путями бандиты, прошедшие подготовку в различных школах ЦРУ, пытаются проникнуть на территорию нашей страны из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана и Японии. Помимо попыток создания подпольных вооруженных банд, им вменяется в обязанность сбор военной информации. Разгар этой деятельности падает на 1949—1954 годы. Частично самолеты, нарушавшие советское воздушное пространство, принадлежали непосредственно ЦРУ, а главным же образом — девятой воздушной армии США, дислоцировавшейся в Западной Германии.

Историограф ЦРУ Т. Пауэрс повествует о тех днях, когда в Вашингтоне готовились вот-вот пойти походом на СССР: «В разгар холодной войны в 1948—1952 годах задачи перед ЦРУ ставили в основном военные. Комитет начальников штабов составлял заявки, некоторые из которых были реальны (например, для агенты в Западном Берлине), а другие нереальны. В один прекрасный день в 1950 году три полковника связи ВВС явились в одно оперативное управление ЦРУ. Они принесли начальнику управления Ф. Линдсею и его заместителю очередную «заявку». Полковники заверили, что она тщательно обдумана. Нужно готовить диверсии на советских аэродромах с началом войны.

Прекрасно! Что же конкретно хотят ВВС? Полковники сказали: в день начала войны, назначенной для целей планирования на 1 июля 1952 года, на каждом аэродроме должен быть агент ЦРУ. Сделаем, ответил Линдсей, вероятно, решив, что это будет много легче по сравнению с некоторыми другими задачами, которые ставились перед ним в это время. Да, мы сделаем это. Но заместитель Линдсея не был в этом уверен. Он спросил:

- Сколько всего аэродромов?
- Около двух тысяч, — ответили полковники.
- Какие это аэродромы? — продолжил заместитель.
- Некоторые с твердым покрытием, некоторые без него.

— М-м-да, — промямлил заместитель Линдсея. А про себя подумал: две тысячи аэродромов по всей России и Восточной Европе. Менее чем за два года подготовить и отправить по крайней мере две тысячи агентов. И только бог знает сколько с ними послать взрывчатку. Для выведения из строя аэродрома без твердого покрытия нужен массированный налет, и все равно через несколько часов взлетно-посадочные полосы восстановятся... Тут заместитель Линдсея спросил, какие же методы предполагается использовать для диверсий.

Полковники пообещали сообщить позднее, и больше в ЦРУ не слышали об этом плане ВВС.

Решение о заброске важнейших агентов иногда принималось на самом высшем уровне. В одном случае, относящемся к президентству Эйзенхауэра, дело выглядело примерно так. Директор ЦРУ А. Даллес явился на дом к брату — государственному секретарю Д. Даллесу и оповестил его о великих результатах, каковые воследуют от очередной тайной операции. Госсекретарь, не сходя с места, соединился по телефону с Эйзенхауэром. Итак: «Босс, как ваши успехи на «Бернинг Три» (площадка для игры в гольф) сегодня?.. Ну, шесть лунок лучше, чем ничего... Да, я говорил с Алленом. Он хочет получить у вас одобрение одного дельца. Он думает, что это важно и поднимет мораль ребят Фрэнка (Ф. Визнер, глава ОПК). Знаете, со времен Гватемалы и Кореи мы их не очень загружали. Вы встретитесь с ним завтра? Прекрасно. Как мама (супруга президента)? Хорошо, босс, я скажу Аллену. В 9.30 утра завтра. Спасибо, всего хорошего». Только и дела. Операция согласована, господа договорились. А несколько дураков, завербованных ЦРУ, отправляются на верную гибель.

Первоначально, имея в виду предстоящую вскоре войну против СССР, в ЦРУ были преисполнены самых радужных надежд, засылая агентуру в СССР. В какой-то степени эти надежды питались тем, что ЦРУ получило в наследие материалы гитлеровских спецслужб, работавших против Советского Союза. Например, всю технику изготовления советских фальшивых документов. Однако очень скоро первоначальный оптимизм рассеялся как дым. «Теоретические» представления, господствовавшие в ЦРУ, проводившем прямые аналогии с работой УСС — американская агентура встретит в социалистических странах радушный прием в «подполье», — рухнули. Такого не было в помине. За исключением единичных случаев, агенты ЦРУ не находили сообщников. В этом отношении, сухо комментирует Р. Клинтон, «наследие УСС оказалось в лучшем случае весьма сомнительным, а иногда оборачивалось катастрофой». Последнее верно — стопроцентная ликвидация забрасываемой американской агентуры, конечно, была катастрофой для ЦРУ.

Руководство ведомства к середине пятидесятых годов погрузилось в размышления весьма тягостного свойства. Розидкий, один из руководителей засылки агенты в СССР по воздуху, подвел итог: «При ретроспективном взгляде нетрудно подвести итог ударной программы заброски агентов: результаты не оправдали затрат... Я имел беседу с новым директором ЦРУ (А. Даллесом). Проанализировав результаты со времен первой выброски в 1949 году, он задумчиво прокомментировал: «По крайней мере мы получаем опыт, необходимый для следующей войны». А эта война для него, как многим другим в Вашингтоне, была близка. Заброска агентов с радиопередатчиками по воздуху практически прекратилась в 1954 году. Дело было не только в том, что потери и затраты были слишком высоки... Незаконные нарушения советского воздушного пространства были сочтены тем, чем они всегда были, — прямой провокацией».

Отчего вдруг в ЦРУ вспомнили о «законности», в данном случае о международном праве? По многим причинам. В августе 1953 года Советский Союз разработал термоядерное оружие. Причем транспортный образец появился у нас раньше, чем в Соединенных Штатах. Это не могло не потрясти американских политиков и стратегов.

С. Сульцбергер, корреспондент «Нью-Йорк таймс», в 1954 году встретился с американским послом в Англии Д. Брюсом. Ветеран УСС Брюс доверял Сульцбергеру, которого хорошо знали в ЦРУ. Брюс обрисовал в беседе с ним заботы американского комитета начальников штабов: «Концепция Радфорда (председатель комитета. — Н. Я.) состояла в том, что нынешнее относительное превосходство США ускользает и русские выигрывают с каждым годом, сохраняя свои преимущества в области обычных вооружений и догоняя по новым видам оружия. Следовательно, согласно мнению ряда теоретиков, необходима превентивная война». Одно дело разговоры о войне, планирование ее, но термоядерная война! Р. Никсон записывал обмен мнениями на заседании Национального совета безопасности 25 марта 1954 года: «Обсуждалась стратегия США в случае большой войны с Советским Союзом. В комитете начальников штабов возникли разногласия по этому поводу. Президент высказался так пылко, как я никогда не слышал его. Он указал, что это прежде всего прерогатива главнокомандующего. Он указал: единственный образ действия для нас с началом войны добиться победы. Ни при каких обстоятельствах мы не должны сдерживаться в нанесении ударов из-за того, что кто-то считает, что тотальная победа создает-де больше проблем, чем добытая методами ограниченной войны. Он подчеркнул, что перед лицом врага, имеющего такие виды вооружения, не может быть и речи о ведении ограниченной войны. Речь идет о бомбах фантастической разрушительной силы, потери в первый день войны достигнут 7 миллионов, а на другой, возможно, 8 миллионов человек».

Лидеры конгресса, прослышавшие о мрачных предсказаниях президента, явились к нему посоветоваться, не пора ли ознакомить народ с ужасами термоядерной войны. Эйзенхауэр призвал крестить

гражданскую оборону, что потребует времени. Сенатор Е. Милликин заметил: «Ну, если дела так плохи, нам остается вымазать зады мелом и бежать, как антилопы». Все присутствующие рассмеялись, однако смех Эйзенхауэра был невесел. Когда сессия возобновилась, он довольно сухо сказал: «У нас, пожалуй, не будет времени мазать мелом зады, если они начнут сбрасывать бомбы, а мы не будем готовы».

При сложившемся соотношении сил то, что составляло предмет первоочередных забот ЦРУ — прямые подрывные действия, — грозило Соединенным Штатам самыми фатальными последствиями. Усилия ОПК, работавшего в предвидении близкой войны, очевидно, вели к превращению ее из возможности в реальность. Генерал-президент Эйзенхауэр достаточно ясно преувидел, что она принесет самим Соединенным Штатам.

Пришлось забыть отбой. Не в том смысле, что США отказывались от своего курса в отношении Советского Союза, определенного высшим государственным руководством, а о пересмотре приоритетов.

На служебном жаргоне ЦРУ СССР во всевозрастающей степени определялся как «твердая цель», о которую обломилось оружие, составившее в свое время гордость УСС. Руководство ЦРУ никак не могло взять в толк, что методы, примененные ОПК в пятилетие описанной «ударной» программы, — попытка с негодными средствами экстраполировать возможное в отношении режимов, ненавистных народам, на народное государство с нерушимым единством партии и народа. Несостоятельность подрывной работы в те годы определялась не нехваткой материальных ресурсов или дефектами технических средств — было брошено все, — а глубокой порочностью политической концепции, которую поставило во главу угла ЦРУ, взявшись за подрыв советского общественного и государственного строя.

Коль скоро методы из арсенала УСС оказались негодными, руководители ЦРУ с душевным отчаянием отложили их в сторону. Разумеется, не окончательно и не навсегда, вплоть до наших дней, да и в будущем их рецидивы есть и будут. Задача, как рассудили в ЦРУ, состоит в том, чтобы размягчить ту самую «твердую цель» — Советский Союз, взявшись за дело изнутри. Это, собственно, видно из уже разобранных выше директив Совета национальной безопасности. Перестройка оказалась длительной и мучительной. Ее удобно рассмотреть на взаимоотношениях ЦРУ с Народно-трудовым союзом (НТС), для чего совершенно обязательно нужно проследить генезис и очертить общие контуры этой организации.

Скажи, кто твои друзья, я скажу, кто ты. НТС, как лакмусовая бумажка, проясняет самые неприглядные стороны деятельности ЦРУ, хотя эта организация насчитывала к моменту возникновения ЦРУ почти два десятилетия своего существования. В истории случалось не раз: когда силы новые и могучие побеждали, жизнь для служителей пропащему делу останавливалась на том рубеже, где они потерпели поражение. Они продолжали владеть физическое существование, но годы шли фантамами, а реальную ценность имели только воспоминания. Живя в прошлом и только прошлым, они никак не могли понять, как же все это случилось, и не раз в горестных размышлениях перевоевывали проигранные сражения.

В таком положении оказалась белая эмиграция после Великого Октября и разгрома в гражданской войне в России.

Отцы сумели воспитать в части эмигрантской молодежи лютую ненависть к родине. Отравленные ядом антисоветизма, сыновья нашли, что у «белого движения» была нехватка решительности. Их отношение к наставникам легко укладывается в лермонтовские строки:

...Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Юные фанатики сочли, что отцы промотали не только Россию, но и приличные состояния, обеспечившие бы им безбедную жизнь. В бой за утраченное! Прозаические и глубоко понятные цели — эмигрантские карманы пусты.

В первые годы эмиграции ненавистники Страны Советов объединялись в Российском общевосточном союзе (РОВС). Они продолжали вооруженную борьбу против Советской власти в бандах, переходивших через советский кордон, засылали к нам террористов и диверсантов. Но безуспешно. Примерно по тем же причинам, по каким в 1949—1954 годах потерпело поражение ОПК ЦРУ, сунувшееся было по тропам, истоптаным десятилетия назад бандами РОВСа.

Тогда в Югославии скопилось масса эмигрантов. Полицейский режим в стране, дремавший под жарким балканским солнцем, был беспечно благодушен к правым, и борцы с коммунизмом без труда оформили свою организацию. На белградских пля-

жах, на тайных сходках в убогих квартирах молодые люди, не нюхавшие пороха на полях гражданской войны в России, быстро решили, что им под силу свалить Советскую власть.

На балаганских съездах в 1932 и 1934 годах был оформлен НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения), впоследствии переименованный в НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов). Основатели организации тогда постановили: лица старше 1895 года рождения не допускаются.

В теоретические программные тонкости пока особо не вникали. Сурово решили: основной метод борьбы — террор. Штаб-квартиру на Ранковой улице в Белграде обозвали «Ранка-Пуста» аналогично «Янка-Пуста» — так называлось гнездо террористов, убивших в 1934 году в Марселе короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Барту. И дело завершилось. Началось составление самых сумасбродных проектов, которые на бумаге выводили молодых антисоветчиков к желанной цели — уничтожению народной власти в нашей стране. Но за словами последовали и дела: шпионаж и попытки террора.

Еще в тридцатые годы НТС завязал связи со многими разведками — от польской до японской. Зоологический антисоветизм обеспечивал энтэзовцам великолепные верительные грамоты в дверях иностранных разведок. Но уже тогда профессионалы темных дел сообразили: между претензиями и возможностями НТС дистанция громадного размера. Разглагольствования энтэзовцев о том, что у них бездна сторонников в СССР, при ближайшем рассмотрении оказывались липой. Так они мыкались до начала сороковых годов. Звездный час «нацмалышечков» настал 22 июня 1941 года. Фашистская Германия напала на Советский Союз.

Нью-Йоркская газета «Русский голос» в 1974 году как-то дала беглый обзор послужного списка энтэзовцев в годы войны. Газета писала: «Подлинный «расцвет» организации падает на годы войны гитлеровской Германии против СССР. НТС становится филиалом различных немецких разведывательных и контрразведывательных служб, работает с ними рука об руку на оккупированной советской земле.

Как старые эмигранты, такие, как Околович, Ольгский, Поремский, Столыпин, Редлих, Рар и другие, так и «новые эмигранты» (изменники Родины в годы второй мировой войны) — Артемов, Крушель, Гаранин, Светланин и прочие, — были в самых запятнанных отношениях с гестапо, а многие из них запятнали себя кровью советских людей.

Один из руководителей НТС, Околович, в годы войны под разными фамилиями возглавлял группы гестаповских провокаторов в Смоленске, Витебске, Орше, Минске, Борисове, Бобруйске. Он много раз лично принимал участие в карательных акциях против партизан. Старые эмигранты, члены НТС, Ольгский — резидент гитлеровского контрразведывательного органа «Зондерштаб Р» в Минске и Слуцке; Рар в Латвии сотрудничал с оккупантами, работал в секретариате «власовского комитета»; Артемов преподавал в школе фашистских пропагандистов, а по совместительству был гестаповским осведомителем, присматривал за руководством НТС. Вероятно, в этих же целях гестапо ввело его в состав «власовского комитета»...

По сей день они испытывают ностальгию по 1941—1945 годам, когда фашизм вел вооруженную борьбу против советского народа. Орган НТС журнал «Посев» постоянно напоминает, что это — самое драгоценное наследие для врагов Советской страны».

Позиция газеты «Русский голос» понятна. Она отражает взгляды той части русской эмиграции, которая с 1917 года отнюдь не ассоциировала себя с врагами Советского Союза. Она клемила позором соучастников похода вермахта на восток.

После победы над рейхом НТС перешел к западным спецслужбам. История о том, как НТС нанялся на службу британской разведке, еще ждет пера сатирика. В сумятице, последовавшей за крушением фашистского рейха, энтэзовские деятели сумели ловко втереть очки высокомерным гроссмейстерам дел тайных, каковыми с типичным для англичанов снобизмом считали себя руководители Интеллидженс сервис.

Еще не отдышавшись от бега перед победоносным наступлением Красной Армии, энтэзовцы прерывающимися голосами стали рассказывать о том, какая агентура у них осталась там, в Советском Союзе. И облапошили Интеллидженс сервис! Английские разведчики сочли, что до них добежал только авангард могучей армии НТС, а остальные спят и видят, как бы приступить к выполнению предначертаний Интеллидженс сервис. В штаб-квартире Интеллидженс сервис, видимо, просто не могли взять в толк, что беглые борцы с коммунизмом удивительно скоры на ногу и при малейшей опасности снимаются с места, улетающая без оглядки. Коротко говоря, прибыл не авангард, а

практически весь НТС в своем очень небольшом составе.

Проходимцам крупно повезло. В обмен на их фантастические истории о бесчисленных сочувствующих в СССР последовала оплата в полновесных фунтах стерлингов, особенно на первых порах, до девальвации английской валюты в 1949 году. Уже тогда в ЦРУ, узнав об «успехе» английских коллег, поторопились вступить в контакт с НТС. Из этой организации были завербованы агенты, которые усиливали ЦРУ и частично Интеллидженс сервис перебрасывались в Советский Союз. В 1951—1954 годах органами государственной безопасности были обезврежены агенты американских и английских спецслужб, зачисленные в СССР: Якут, Кудрявцев, Пищиков, Ремуа, Маков, Лахно, Новиков и другие. Все — «кадры» НТС. Не очень известно, как на эти провалы реагировало ЦРУ, но Интеллидженс сервис стали терзать сомнения. Информация, поставляемая НТС со ссылками на «источники» в Советском Союзе, оказывалась дурной. Разгульный образ жизни главарей НТС был на виду, и английская разведка не могла не прийти к заключению: деньги, отпускаемые на борьбу с коммунизмом, энтэзовцы прокуряют в кабаках.

28—29 февраля 1956 года представители Интеллидженс сервис и ЦРУ собрались на совещание в Лондоне. Там решалась судьба НТС. Англичане встретились со своими заокеанскими коллегами в подавленном настроении и, наверное, избегали смотреть в чистые глаза заокеанских профессионалов шпионажа. И было отчего: не очень приятно сознаваться, что отъявленное жулье много лет водило за нос Интеллидженс сервис. Специалисты Интеллидженс сервис в «Проекте заявления руководству НТС» подбили печальный итог расточения денег налогоплательщиков, и было сказано: «Это сотрудничество было очень непродуктивным, то есть полученные результаты ни в коей мере не компенсируют то время и те средства, которые были затрачены. Поэтому английская разведка решила прекратить это сотрудничество во всех областях деятельности».

В деликатной области шпионажа словам верить не полагается. Едва ли Интеллидженс сервис оказалась верной своему разгневанному решению. Но не в этом суть, главное заключалось в том, что ЦРУ взяло на свой баланс НТС. С американской деловитостью ревизоры ЦРУ изучили деятельность НТС, несомненно, в свете прискорбного опыта английских коллег. Вероятно, по поводу практических возможностей НТС они пришли к выводам, сходным с изложенными в английском документе. Конечно, никакого запрета на шпионаж и подрывную деятельность НТС не последовало, а было сделано другое — от главарей НТС потребовали отработать доллары не баснями о своих «успехах» в СССР, а подрывной работой в области идеологии. За ней можно было присматривать на месте — идеологи НТС пребывают во Франкфурте-на-Майне, в ФРГ.

Долларовые дотации поставили на ноги издательство и журнал «Посев», радиопропаганду НТС. В общем, создали условия для ведения «психологической войны». Но типографский станок и радиостанция без материалов, а главное, идей мертвы. Что и как печатать и вещать в эфир? Корявый русский язык ряда энтэзовских материалов наводит на мысль, что на подмогу были вызваны западные «советологи». По легкоразличимым признакам любой грамотный русский опознает: материалы переданы с английской, да и склад мышления определенно принадлежит «советологу», прожившему всю жизнь на Западе. Помимо этого, очень убогое содержание.

Вероятно, это поняли и в ЦРУ. Очень скоро американские разведчики с ножом к горлу подступили к НТС: потрудитесь обзавестись идеологией. Понятное дело, что прежние программные установки, сфабрикованные в период службы НТС гитлеровцам, никак не подходят зажиточникам «свободного мира». Нельзя же в самом деле, живя на доллары, поносить американских «плутократов»! Как-то не поймут...

Для деятелей НТС наступили тяжкие дни. Они бродили сумрачные и, побелевшими от непривычной умственной работы губами, бормотали как заклинание: «Программа, где взять программу?» Ну как разъяснить этим настырным американцам, что все устремления НТС направлены к одной «идее»: в обмен на проклятия в адрес коммунизма получать доллары. Пресловутые заокеанские прагматики теперь требуют идеологических концепций. Да еще оригинальных, а не плагиата у западных «советологов».

С превеликими трудностями в 1958 году НТС принял свою программу, которая действует по сей день. Это дикая абракадабра, анализировать которую совершенно невозможно.

Малограмотная стряпня — «программа» НТС рассчитана на ловлю душ самыми низкопробными приемами дешевой демагогии. Сродни ей устав НТС.

Чтобы придать «документу» респектабельность, его снабдили «введением», претендующим на некую философию. Первые строки ошеломляют: «Население земного шара подвергается опасности термоядерной, химической и бактериологической войны, опасности перенаселения, голода, отравления воздуха и вод, уничтожения лесов, катастрофических изменений климата. Опасности эти планетарного характера и грозят всем странам независимо от их общественного или политического строя...» Спустившись с заоблачных, «философских» высот, энтэзовцы пошли по проторенным антикоммунистическим дорогам.

Рецепт спасения человечества, как и следовало ожидать, вполне в традиционном духе НТС: коммунизм должен быть уничтожен, и все пойдет на лад. Так и сказано: «Освобождение России союз считает непременным условием для мирного разрешения конфликтов, разъединяющих современное человечество», а посему, формулируется в уставе, «цель союза — устранение коммунистической диктатуры». После этого, по логике составителей «устава», климат улучшится, леса умножатся и т. д.

Преимущественно для ЦРУ Поремский сочинил «молекулярную» теорию революции. Она была ответом энтэзовцев на требования обзавестись «идеологией». Энтэзовцы вручили ЦРУ наскоро перелицованное старье — «молекулярную доктрину», с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятых годов, то есть в пору самых теплых отношений НТС с Интеллидженс сервис. «Доктрина» удобна для НТС тем, что всегда отвечает на требования ревизоров из ЦРУ, где ваши единомышленники в СССР, беспардонной ложью: они-де есть, только их простым глазом не разглядеть (ибо они «молекулы»), если не вооружиться личным микроскопом Поремского.

Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: у нас завелась «одна революционная молекула, да и то пьяная», они-то уж точно знают, что движет творческим воображением Поремского и каковы цели сочинения бредовой «доктрины» — получать долларовые подачки из кармана американского налогоплательщика.

В ноябре 1979 года «Посев» печатает «Разговор с друзьями в России» Р. Редлиха, сопроводив его фотографией. С кем говорят, неведомо, но кто говорит, документально показано: изрядно потрепанный жизнью Редлих сидит перед микрофоном. «В отношении финансирования нашего дела, — жалуетесь он, — мы бьемся как рыба об лед, крутимся как белка в колесе и бедны как церковные мыши». Возможно, в последние годы в ЦРУ стали несколько более прижимисты и держат аферистов на приличествующем им пайке — впроголодь. Но ограничения, вероятно, все же касаются личного потребления, а не «дела».

Уж в очень большом противоречии с причитаниями Редлиха по поводу стесненных материальных обстоятельств находятся анонсы в том же «Посеве» с предложениями едущим в СССР туристам снабдить их «бесплатно» различного рода антисоветской литературой, причем с подробными инструкциями: «Как провозить литературу в Советский Союз?». Например, в «Посеве» № 6 за 1980 год: «До 30 книг и журналов, до 150 брошюр можно провезти в чемодане среди вещей. Материал надо упаковывать в один пакет, толщиной около 10 см. В чемодане пакет разместить не на самом дне, но и не на поверхности, не вплотную к стенкам чемодана, а в середине, со всех сторон прикрыть вещами. Если вы берете с собой не больше 1—2 книг, полдюжины газет и журналов, то лучше всего разместить их по карманам. Таким образом, материал может быть с наибольшей вероятностью (порядка 98 процентов) провезен беспрепятственно... Естественно, декларировать (на таможене) литературу не следует ни устно, ни письменно».

Эту литературу, печатаемую на Западе на деньги НТС, а точнее, ЦРУ, рекомендуется рассылать по неким адресам, а также «оставлять в метро, в телефонных будках, в книжном магазине на полке, в фойе театра, на стадионе — в любом общественном месте».

На 1980 год пало 50-летие существования НТС. Как и следовало ожидать, главари организации ознаменовали его выдачей порядочной порции «туфты», адресованной западным спецслужбам. В дополнение к «молекулярной теории» они выдвинули тезис о неких «конструктивных силах», которыми будто бы НТС располагает «в верхнем слое советского общества». Это якобы «директора предприятий», «командиры полков», «настоящие ученые». На них, объявил Редлих, «мы делаем ставку... на них ложится задача государственного переворота». Окончательно завралась.

И все от отчаяния — лишь бы выколотить новые долларовые подачки от ЦРУ.

Продолжение следует.

ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА»

Мэрфи был немного напуган атмосферой секретности вокруг новой работы, но возможность остаться летчиком и зарабатывать намного больше, чем в военной авиации, решила все. Он подписал обязательство хранить в тайне поручаемые ему задания и отправился вместе с другими новичками в отдаленный район страны, где прошел обязательный курс обучения. Кто были его коллеги, он не знал. Все получили новые имена. Разговаривать о своем прошлом, сообщать друг другу какие-то данные о себе строго запрещалось. Они подозревали, что «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси» так или иначе связана с ЦРУ, но боялись обсуждать эту тему. На базе, замаскированной под ферму, окруженную высоким забором с проволокой, царил атмосфера подозрительности. Пилоты избегали общения и предпочитали оставаться в одиночестве, правда, все это прикрывалось преувеличенно дружескими похлопываниями по плечу и широкими улыбками. Видимо, того и добивались инструкторы — летчики должны привыкнуть держать язык за зубами и подозревать всех и каждого.

На базе отдельно готовились две группы пилотов, они встречались только в столовой. Постепенно Мэрфи установил, что его группа была укомплектована такими же, как он, «бывшими» — уволенными из ВВС по разным причинам. Другая группа состояла из кадровых летчиков, видимо, подписавших контракт с ЦРУ. Они назывались «эскадрилей службы погоды» и, как потом выяснилось, готовились к полетам на шпионских самолетах.

Дважды пилотов «эскадрильи службы погоды» проверяли на детекторе лжи. На вопрос в столовой «Ну как?» один из них, скривившись, сказал тихим голосом, чтобы не услышал инструктор:

— Хуже не придумаешь. Такое ощущение, будто раздели догала, вывернули наизнанку да еще обшарили с лампой в руках.

Пилоты из «эскадрильи службы погоды» первыми покинули «ферму». Впоследствии Мэрфи встретил их на одной из американских баз. Сам он возил оружие и сбрасывал его диверсионным отрядам в Лаосе. На базе всегда царил свет, где-то в мире что-то происходило, и это требовало постоянно вмешательства таких парней, как Мэрфи.

После ухода американских войск из Индокитая Мэрфи поручили перевозку тщательно упакованных грузов непонятного назначения. Он летал с баз ВВС США на Японских островах в Латинскую Америку.

Участников конференции шумно встречали японцы, долго жали руки, восклицали: «Хонтони сибарука дэсита!» («Давно не виделись!»), — сажали в машины и увозили. Атмосфера привычной для Токио международной встречи надежнее предохраняла от посторонних глаз, чем любые меры конспирации. Из Токио всех отправили на поезде в небольшой городок на севере, разместили в гостинице, где, кроме них, не было других постояльцев.

Ровно в десять двери банкетного зала гостиницы распахнулись, и профессор Симицзу, слегка поклонившись, пригласил войти. Столы были расставлены, как на банкете, в форме буквы «П». Когда все заняли свои места, Симицзу встал.

Перед ними сидели двадцать два человека — в элегантных костюмах, белых рубашках. Все моложе его лет на двадцать. «Это поколение способно на многое, ему управлять миром, продолжить то, чего не дали сделать нам», — подумал Симицзу.

— Господа, я не стану произносить громких слов, — начал он, — сам факт созыва нашей конференции свидетельствует о торжестве нашего дела, о том, что наши возможности расширяются. Сегодня мы еще вынуждены скрываться, завтра заговорим во весь голос. Я рад, что могу приветствовать вас — избранных борцов за наши идеалы. Национальное возрождение — вот наша цель. Нации со здоровой кровью должны очиститься от скверны — коммунизма, либерализма, лживой демократии — и занять подобающее место в современном мире.

Профессора слушали внимательно. — Но вас пригласили сюда по особому поводу, — продолжал Симицзу и, выдержав паузу, добавил: — Проект «Вальхалла» близок к завершению.

Симицзу явственно почувствовал, как вздрогнул зал. — Испытание прошло успешно. Остались считанные дни до окончания работ над основной частью проекта. Следовательно, наконец мы будем обладать реальной силой. В нашем

мире только сила — весомый аргумент. Теперь у нас будет достаточно аргументов. Слово за вами.

Симицзу внимательно оглядел зал. — Весь мир должен почувствовать нашу силу. Достаточно мы сдерживали себя, выжидали, терпели оскорбления и нападки. Хватит! Пора переходить к активным действиям. Давайте обсудим последовательность акций. — Симицзу сел и, надев очки, поднес к глазам листок бумаги. — Первым слово предоставляется делегату Испании...

Солнце почти зашло. Мэрфи озабоченно посмотрел на часы. Сегодня его что-то долго заставляют ждать.

Только поздно ночью, когда пилот успел подремать часа два-три, был доставлен груз — большой, грубо сколоченный ящик с отверстиями.

Короткое шифрованное сообщение о вылете каждого самолета, несущего опознавательные знаки компании «Сентрал авиэйшн транспорт эйдженси», передавалось постоянно дежурившим на аэродроме сотрудником военной контрразведки непосредственно в Вашингтон. Пройдя через руки нескольких радистов, телеграмма перекочевывала из бронированного кабинета шифровальщика на стол помощника заместителя директора Центрального разведывательного управления по планированию.

И Мэрфи и его коллеги-летчики справедливо подозревали, что компания «Си-эй» имеет какое-то отношение к Лэнгли. Каждый мог бы насторожиться, узнав, что частная charterная авиакомпания отказывается от рекламы, не публикует никаких сведений ни о своих прибылях или убытках, ни о капиталовложениях или дивидендах. Пожелай кто-то выяснить историю возникновения «Си-эй», он столкнулся бы с невероятной мешаниной из периодически возникавших и самораспускавшихся, менявших названия авиакомпаний со сходными названиями. Дело в том, что все эти «частные» фирмы финансировались и управлялись ЦРУ. Стоили они дорого, но ценились как уникальное средство проведения тайных операций.

Кристиан так и не дождался чиновника, который должен был заниматься делом об исчезновении Хартунга. Когда здание токийского полицейского управления начало пустеть — рабочий день окончился, — он поднялся со стула, на котором просидел несколько часов, и отправился к себе. Все это время он не переставал размышлять о судьбе Хартунга. Теперь стало ясно, что Норберт попал в руки преступников, которым нужно было заманить его к себе и которые хорошо его знали — иначе откуда у них информация о гибели парохода, на котором плыла его жена?

Он нервно расхаживал по своей комнате, наткываясь то на стул, то на угол кровати. «Спокойно, — говорил он себе, — главное — спокойствие. Надо тщательно все обдумать».

Постепенно пришло решение: поехать самому туда, куда заманили Хартунга, и попытаться на месте узнать, что там произошло прошлой ночью. Кристиан некоторое время колебался, отправиться сейчас или подождать до утра, и решил, что надо ехать незамедлительно: и так потеряно уже слишком много времени.

В аэропорту Нарита было многолюдно. Взлетали и садилась самолеты, то и дело диктор мелодичным голосом оповещала о новых рейсах. Все столики в кафе были заняты. Клаусу Циммеру пришлось отказаться от мысли выпить по чашечке кофе с племянником, покидавшим Токио. Во внутреннем кармане твидового пиджака Хайссе лежал билет до Кельна.

— Я завидую тебе, мой мальчик, — заметил Циммер. — Я бы много дал за то, чтобы сейчас лететь вместе с тобой.

— Ничего, — хмуро ответил Гельмут Хайссе. — Настанет и ваше время.

— Надеюсь. Будьте аккуратны в подготовке операции. Это наши первые серьезные акции на континенте.

— Займитесь лучше Редлихом, — оборвал его Хайссе. — Я таких умников с детства не люблю. Как бы он не стал совать нос куда не следует.

— Хорошо, хорошо, мой мальчик. Тебе пора.

Циммер сделал движение, словно готовясь обнять Хайссе, но тот молча кивнул и двинулся к эскалатору.

Гаррисон пригласил Уолтера Смита в свой кабинет. Приказом директора управления они были освобождены от всех дел, с тем чтобы сосредоточиться на проблеме таинственной вспышки над Атлантикой.

— Я договорился со штабом ВМС, — сказал Гаррисон. — Они окажут нам необходимое содействие. Группа

специалистов практически готова, через день-два мы можем отправиться.

— Ты надеешься, что мы сумеем найти какие-то концы на месте? — Смит был настроен скептически. — По-моему, надо продолжать анализировать имеющиеся у нас данные здесь.

Гаррисон отрицательно покачал головой.

— Эта работа будет, разумеется, продолжена. Но не следует исключать возможности выявить какие-то следы радиоактивного заражения в известном нам квадрате Атлантики. Потом мы собираемся обследовать побережье. Если исходить из предположения, что была взорвана бомба, то ведь не из воды же она родилась. Ее откуда-то привезли. Нет, Смит, я надеюсь на успех. Тем более что с нами едут специалисты из команды «Нест».

— А это еще что такое? — удивился Смит.

Гаррисон, довольный, рассмеялся.

— Команда «Нест» существует добрых десять лет, а о ней никто не знает. Вот это, я понимаю, конспирация. «Нест» расшифровывается как группа обнаружения взрывных ядерных устройств. Ее цель — бороться с террористами, которые могут овладеть ядерным оружием. Несколько раз команду «Нест» использовали для розыска пропадавших контейнеров с ураном. Так что у них есть опыт, который окажется полезным при выполнении нашей задачи.

Кристиан вылез на мокрую от дождя платформу и оглянулся. Он был один. В этот поздний час больше никто не сошел на небольшой станции. Он остановился в растерянности. То ли недолгий дождик застал людей дома, к привычному голубому экрану, то ли здесь вообще рано прекратилась всякая жизнь, но было пустынно. Не оказалось даже такси. Кристиан знал адрес, но не имел ни малейшего понятия, как туда добраться.

Он запахнул куртку — после дождя жара спала — и энергично зашагал по улице, начинавшейся почти у самой платформы. Витрины были не освещены, сгустившаяся темнота действовала на нервы.

— Вы что-то ищете?

Кристиан отпрянул. Из темноты навстречу ему шагнул полицейский.

— Я?.. Да, — промямлил Кристиан.

На лице полицейского отразилось недоумение. Он чуть отступил в сторону, чтобы успеть проконтролировать все возможные движения подозрительного прохожего. Смысл этого маневра не ускользнул от Кристиана и, как ни странно, успокоил его. В нем жило внушительное с детства доверие к полиции. Кристиан улыбнулся.

— Я в самом деле разыскиваю одного человека... Может быть, вы как раз и можете мне.

Он назвал адрес. Полицейский кивнул и принялся объяснять.

Кристиан поблагодарил и двинулся дальше. Полицейский посмотрел ему вслед. Пожалуй, стоило бы проверить у него документы. Иностранцы здесь просто так по ночам не разгуливают.

Кристиан шел увереннее, приободрившись после разговора с полицейским. Мысли его перескакивали с одного на другое. Он недоумевал, вновь и вновь пытаясь понять, что случилось с Хартунгом, вспоминал Маргарет, Мюнхен...

Наконец свернул влево на совсем узенькую неасфальтированную дорожку. В свете единственного фонаря разглядел табличку. Да, та самая улица.

Дом №5 ничем не выделялся среди других. Небольшой, в два этажа. Перед домом крохотный, чисто японский садик. Кристиан в нерешительности остановился перед калиткой. Когда он ехал сюда, искал дом, то полагал, что, как только доберется, все сразу станет ясно. Теперь он не знал, как поступить.

Он не заметил ничего подозрительного. Прошелся вдоль низенького заборчика. В пору повернуть назад и идти на станцию. Но дом с темными окнами, куда три дня назад вошел Хартунг, притягивал к себе Кристиана. Он ухватился рукой за калитку. От легкого нажима та распахнулась. Кристиан осторожно двинулся к дому. Ничего не происходило, ничто не нарушало тишину, от которой уже звенело в ушах. Он подошел к самому дому. «Обойти вокруг, посмотреть, что там?», — мелькнуло у него в голове. Но вдруг Кристиан почувствовал, как внезапный холод пронзил его, — дверь медленно приотворилась, словно приглашая войти.

Около побережья почти перед самой посадкой самолет попал в грозовое облако. Автоматически поворачивая штур-

вал, чтобы уйти от опасности, Мэрфи не испытывал обычного облегчения при мысли, что долетел. Он вымотался за этот перелет. Проблема состояла в том, что он не мог перелететь через Латинскую Америку и по прямой добраться до аэродрома, где его ждали. Ему приходилось делать большой круг, обогнуть континент и садиться со стороны Атлантики. Совершать такие полеты одному, без штурмана, — самоубийство.

Маленький аэродром затерялся в глубине густого леса. Его почти невозможно было заметить, но Мэрфи садился здесь десятки раз. Аэродром был спроектирован и построен безукоризненно, взлетно-посадочная полоса позволяла принимать даже тяжелые транспортные самолеты.

Далеко внизу оператор диспетчерской службы увидел на локаторе приближающийся самолет. Специальное устройство показало на экране «я свой», оператор связался с пилотом по радио. Его ждали. Когда, гася скорость, самолет проносился мимо служебного здания, от подъезда отъехал микроавтобус и устремился вслед за самолетом.

Пилот, тяжело отдуваясь и вытирая рукой пот, вылез из кабины. Как ни было жарко в Токио, здесь он попал просто в пекло. Вылезшие из микроавтобуса люди сразу бросились к грузовому люку. Мэрфи, заинтересовавшись, подошел поближе.

Четверо крепких мужчин, одетых в одинаковые зеленые-серые брюки и рубашки, выгружали из самолета ящик. Не обращая внимания на остановившегося рядом пилота, они быстро отодрали верх и вытащили оттуда бледного, без кровинки в лице человека. Пилот сделал произвольный шаг вперед: вот, значит, какой скорпортацией груз он вез!

Неизвестный был без сознания, его положили на сиденье машины. Один из четырех поднес к его лицу пузырек с нашатырным спиртом, похлопал по щекам.

Хартунг — а это был он — медленно открыл глаза.

Мэрфи стало не по себе. Еще никогда он так явно не участвовал в преступлении. Его замутило, и, чтобы удержаться на ногах, он прислонился к двери микроавтобуса. Человек, нагнувшийся над лежащим, оглянулся на пилота. Этого человека Мэрфи знал. Нитце, руководитель службы безопасности института.

Нитце нахмурился:

— Вам пора уйти в диспетчерскую службу, приятель. Поторопитесь.

Пилот кивнул и медленно пошел к зданию.

Даже когда он летал над Лососом и сбрасывал там оружие, он не испытывал страха, хотя и рисковал быть сбитым и попасть в руки к коммунистам. Но вывозить из страны человека из деревянного ящика!

Он проклинал своих начальников, втравивших его в такое дело.

Нитце подозрительно посмотрел вслед пилоту и кивнул шоферу: «Поехали». Машина развернулась и, набирая скорость, исчезла в лесу, по которому была проложена расчерченная белой краской дорога.

Дверь сама закрылась, и Кристиан оказался в темноте. Он замер, ощущая, как бешено колотится сердце, и несколько секунд прислушивался. Тишина. На ощупь он двинулся вперед. Никаких признаков присутствия людей. Пройдя три шага вперед, он уперся в стену, вытянув руки, пошел вдоль нее. Ему стало жутко. Один в кромешной тьме в этом загадочном доме. Зачем только он полез сюда? Не предупредив никого, не сообщив в полицию. Он опять уткнулся в стену. Провел по ней руками и наткнулся на ручку двери, повернул, и в лицо ему брызнул ослепительный слеп свет. Кристиан, зажмурившись, инстинктивно отпрянул. Его тут же схватили за руки. Он бешено рванулся, но сзади его держали железной хваткой. Вдруг Кристиан почувствовал что-то мокрое, мерзкое у своего лица. Острый, резкий запах одурманивал его. Кристиану показалось, что он задыхается, он плевался, крутил головой, но все было напрасно. Острый запах заглушил все, мысли стали путаться. Он перестал сопротивляться, тело его обвисло.

— Готов, — прошептал тот, кто держал его. — На улице все чисто?

— Да.

— Давайте машину.

Немного приоткрыв дверь, один из троих державших Кристиана быстро осматрелся и кивнул:

— Пошли.

Втроем они быстро вынесли Кристиана через задний ход на маленькую улочку, где стоял микроавтобус «Скорой помощи» с потушенными фарами. Уже в автобусе один из японцев при свете фонаря вынул из аптечки ампулу, завернутую отдельно от других, и шприц. Задрал рукава куртки Кристиана, сделал ему инъекцию. По телу пробежала нервная дрожь. Японец выбросил использованную ампулу на мостовую и рычком захлопнул дверцу. Микроавтобус мягко двинулся.

Минуты через три из темноты появилась неясная фигура. Посвечивая себе небольшим фонариком, постоянно оглядываясь по сторонам, неизвестный долго шарил по асфальту. Наконец нашел то, что искал, выключил фонарь и вновь растворился в темноте.

Получив приказ в очередной раз лететь в Японию, Мэрфи вздохнул с облегчением. И раньше-то он с трудом выдерживал атмосферу института, где отдыхал между рейсами, а теперь — после истории с деревянным ящиком — не мог дожидаться, когда сможет покинуть этот скрытый от внешнего мира лесной городок.

Мэрфи дал себе слово никогда больше не участвовать в подобных операциях. Правда, пилот не очень представлял себе, как ему это удастся. Но решение было твердым. Всею

есть предел. Участвовать в преступлении — нет уж, увольте. Угодить на скамью подсудимых как-то не входило в его планы. Естественнее всего расторгнуть контракт с «Си-эй», но не хотелось остаться без привычной уверенности, которую дает плотно набитый бумажник.

Эдвард Малькольм поднял глаза на своего помощника. Ворвавшийся в кабинет Джексон оторвал его от чтения важного доклада.

— В чем дело?

— Началось!

Джексон протянул Малькольму стандартный бланк расшифрованной телеграммы. Отправитель — резидент ЦРУ в Мадриде.

«Сегодня в 17.30 большая группа (около 200 человек) вооруженных гражданских гвардейцев под командованием подполковника Техеро захватила помещение нижней палаты парламента в тот момент, когда проходило голосование по вопросу о доверии главе правительства.

Угрожая оружием, они заставили депутатов, находившихся в зале, и членов бывшего правительства лечь на пол. Спустя несколько минут всем было разрешено занять свои места, однако гражданские гвардейцы приказали им положить руки перед собой на политры.

Каких-либо дополнительных данных о положении в парламенте пока нет, так как вся связь со зданием прервана. Известно лишь, что гвардейцы разрешили покинуть здание всем журналистам и приглашенным на заседание.

По распоряжению министерства внутренних дел к зданию парламента стянуты подразделения национальной гвардии. Полиция заняла помещение радиостанции.

Малькольм поднял глаза на Джексона.

— Это все, что он передал? Какие болваны сидят у Фергосона в ключевых точках Европы! У нас кто-нибудь сейчас есть в Мадриде?

Джексон кивнул утвердительно.

— Немедленно связывайтесь с ним. Пусть сообщает как можно скорее, что там происходит и есть ли у путчистов шансы на успех.

Малькольм снял трубку аппарата прямой связи с директором.

— Надеюсь, Фергосон уже доложил вам?.. А госсекретарь уже спрашивает, что ему отвечать? Лучше всего не комментировать события, пока не ясен исход. — Прикрыв ладонью клапан телефонной трубки, Малькольм приказал Джексона: — Собирайте людей ко мне. Пусть подберут все, что у нас есть по этой проблеме.

Через несколько минут в кабинете Малькольма уже сидело несколько человек, ответственных за тайные операции в Европе. Малькольм напряженно просматривал принесенные ему бумаги, откладывая в сторону все, что могло сейчас представлять интерес.

Почти двадцать пять лет Малькольм прослужил в системе управления планирования, и тайные операции были его стихией. Анализ разведывательных данных, составление справок и докладов Малькольму презирал. Поэтому его назначение на пост заместителя директора расценили как стремление Вашингтона сделать упор не на пассивный сбор разведывательной информации, а на активное вмешательство в ход событий на мировой арене.

Сенатская комиссия по разведке единогласно одобрила его назначение. Выступая перед сенаторами за закрытыми дверями, Малькольм клятвенно обещал предпринять максимум усилий для «стабилизации» положения в мире, в первую очередь в Западной Европе.

— Только что получено еще одно сообщение из Мадрида, — сообщил Джексон, — командующий третьим военным округом генерал-лейтенант Хайме Миланс дель Боск распространял коммюнике о введении военного положения. На улицах Валенсии танки, бронемашин, военные патрули. Власть в городе перешла к военным. Подполковник Техеро сразу после захвата парламента связался по телефону с Валенсией и произнес такую фразу: «Мой генерал, все в порядке, все в порядке!» Одна из радиостанций передала: Техеро заявил какому-то журналисту, что покинет помещение парламента и освободит заложников только после того, как будет принято решение о роспуске парламента и создании военной хунты.

— Ну что ж, — сказал заместитель Малькольма. — Эти ребята настроены серьезно, глядишь, добьются своего.

Джексон подошел к столу Малькольма и положил перед ним короткие объектики на подполковника Техеро и Миланса дель Боска. Первый из них был участником антиправительственного заговора в ноябре 1978 года, известного под названием «Операция «Галакси». Второй воевал в составе «Голубой дивизии» Франко против Советского Союза, получил гитлеровский Железный крест, известен своими фашистскими взглядами.

Сверху Джексон положил листок, в правом углу которого значилось: «Отпечатано в одном экземпляре».

Малькольм пробежал несколько машинописных строчек.

«1. Захват парламента с помощью гражданских гвардейцев (подполковник Антонио Техеро).

2. Выступления командующих военными округами во главе с генералом Хайме Милансом дель Боском в поддержку роспуска парламента и создания непартийного правительства.

3. Занятие всех ключевых объектов в Мадриде бронетанковой дивизией «Брунете».

4. Утверждение королем состава поддерживаемого военными правительства во главе с генералом Альфонсо Армадой, который долгое время был военным адъютантом короля.

Источник: граф Гонсаливиш».

Мэрфи до крови ободрал себе руки. Как назло, не оказалось подходящего инструмента, приходилось орудовать обычной отверткой, а ящик сколотили на совесть.

Когда к самолету подъехал микроавтобус «Скорой помощи» с зашторенными окнами и четверо молчаливых японцев потащили к грузовому люку точно такой же деревянный ящик, как и три дня назад, Мэрфи покачал головой и подумал: «Э нет, милые мои. Больше я грузы с такой начинкой не принимаю».

Его позвали в диспетчерскую, передали приказ лететь туда же, в Латинскую Америку. Мэрфи молча кивнул и ушел.

Проце всего было бы тут же уехать в Токио, купить билет и на следующий день разгуливать по Лондону или Парижу (в одном из этих городов он и собирался пересидеть несколько лет, не рискуя сразу возвращаться в Америку). Но, решив круто изменить свою жизнь, он подумал о человеке, который лежал в деревянном ящике...

Мэрфи вскрывал ящик прямо в самолете — одному не под силу его вытащить. Отодрав доски, увидел скрюченное тело довольно высокого бледного человека со спутанными белковыми волосами. Пилот потряс его за плечо и по глухому стону убедился, что человек жив. Он вытащил его из ящика. Осторожно приоткрыл люк. Уже стемнело — вылет опять назначили на ночное время. Человек был выше Мэрфи на целую голову и тяжелее килограммов на двадцать. Обливаясь потом, пилот стащил его на землю, попытался привести в сознание. Но тот не открывал глаз, вяло ворочал головой, бормотал невнятное.

Сжав зубы, Мэрфи потащил его дальше от взлетной полосы в лес: в диспетчерской могли поинтересоваться, почему самолет не готовится к вылету. Мэрфи с трудом разглядел стрелки на темном циферблате: в его распоряжении не более получаса.

Тот, как пьяный, мотал головой и временами что-то нечленораздельно бормотал. Мэрфи принахался, но запаха алкоголя не чувствовалось. Когда за листвой исчезли силуэты аэродромных служб, пилот устало опустил его на траву. Далеко он его так не утащит. А уходить необходимо. В конце концов он спасает жизнь этому человеку. Мэрфи несколько раз сильно ударил его по щекам.

— Где я? — пробормотал тот по-немецки, затем что-то сообразил и повторил вопрос по-английски.

— В лесу, — устало ответил пилот. — Как вас зовут?

— Кристиан. Кристиан Редлих. А вы?..

— Дональд Мэрфи, пилот. Боюсь, что бывший, — сделал он попытку пошутить.

Кристиан понемногу приходил в себя. Он потер лоб, пытаясь сосредоточиться. Чуть приподнялся на локте, но тут же опрокинулся назад.

— Что же со мной такое? Подождите, подождите... Я был...

— Кто вы? Откуда вы?

Кристиан сжал виски.

Мэрфи озабоченно посмотрел на часы и с тревогой сказал:

— Нам надо уходить. Сможете подняться?

— Попытаюсь.

От усилий на лбу у него выступили крупные капли пота. Опираясь на Мэрфи, он кое-как передвигался. Мэрфи дотащил вконец обессиленного Кристиана до автобусной остановки и посадил на скамейку. Вид Кристиана был ужасен: мертвенно-бледное лицо, глаза закрыты; он жадно вдыхал воздух. На остановке было немного народу. Какая-то женщина, склонившись над Кристианом, что-то быстро спросила у Мэрфи. Тот растерянно покачал головой: он не знал японского языка. Не получив ответа, женщина отошла к другим, ожидавшим автобуса людям. Через минуту вернулась с небольшим пузырьком. Увидев настороженный взгляд Мэрфи, дружелюбно улыбнулась. Поднесла пузырек к носу Кристиана. Он открыл глаза. Пилот понял: женщина принесла нашатырь.

Кристиан, слабо улыбувшись совершенно белыми губами, пробормотал вежливые слова. Женщина удовлетворенно отошла. Мэрфи раздраженно посмотрел ей вслед: ему меньше всего хотелось, чтобы на них обращали внимание.

— Как вы себя чувствуете?

Пилот потянулся за сигаретой, хотя обычно курил редко, несколько раз нервно щелкнул зажигалкой, прежде чем появился язычок пламени. Кристиан почувствовал его раздражение.

— Знаете что, — произнес он, — давайте мы с вами так сделаем: вы поезжайте, меня не ждите. Я немного посижу, приду в себя и тоже поеду.

— Куда? — хмуро буркнул Мэрфи.

— В Токио.

Мэрфи с сомнением покачал головой. В Токио Редлих отправится к себе домой, где его уже наверняка ждут. На сей раз его вряд ли кто спасет. Дважды чудно не случается. Мэрфи далеко отбросил окурок, ярким огнем мелькнувший в высокой траве, поймал неодобрительный взгляд одной из женщин и решительно сказал:

— Одного я вас не оставлю.

За поворотом показался рейсовый автобус.

— Попробуйте все-таки подняться, — Мэрфи нагнулся, чтобы помочь Кристиану, — не стоит вам так долго здесь оставаться.

К дому № 75 на улице Серрано одна за другой подкатывали машины, из которых в невероятной спешке выскакивали пассажиры. Внутри здания тоже никто не ходил спокойно, все бежали. Пулеметная дробь пишущих машинок смешивалась с дребезжанием бесконечных телефонных звонков, хлопанием дверей. Посольство Соединенных Штатов Америки в Мадриде лихорадило.

Первые сообщения о начавшемся военном путче заставили усилить охрану посольства. Офицеры безопасности внимательно наблюдали с помощью телекамер за всеми подходами к посольству. Впрочем, американское посольство и так было одним из самых строго охраняемых зданий в Мадриде. Бронированные двери, открывающиеся только с помощью кодированной пластинки пропуска и после набора постоянно менявшегося трехзначного кода, надежно гарантировали безопасность персонала посольства.

На седьмом этаже появились дополнительные наряды морских пехотинцев. Доступ сюда был перекрыт для всех, кроме тридцати человек, составлявших аппарат сотрудников ЦРУ, работавших под посольской крышей. Здесь внимательно анализировали все, что происходило сейчас в стране, подсчитывали шансы путчистов на успех. Три задачи поставила штаб-квартира ЦРУ перед своими мадридскими работниками: помешать усилению коммунистов в стране, привести Испанию в НАТО, помочь правым силам укрепиться у власти. И обитатели седьмого этажа надеялись на успех военного переворота.

Шифровальные машины работали безостановочно: в Лэнгли сплошным потоком шла информация о ходе военного переворота. Последним сообщением, надеялись на седьмом этаже, станет короткая шифровка с именами генералов, которые сформируют военное правительство.

— Теоретически есть два пути создания атомной бомбы. Первый — приобрести регенерационную установку для переработки плутония. Плутоний — продукт работы обыкновенной атомной электростанции, достать его в конечном счете не так сложно. А уж имея регенерационную установку, можно обзавестись неплохим атомным арсеналом.

Корреспондент «Нью-Йорк трибюн» предпочитал получать информацию из первых рук. Его собеседник, один из ведущих специалистов Комиссии по атомной энергии, рассказывал как раз то, что нужно газете: не слишком заумно — не то читатели обидятся, но и не совсем просто — ученый не должен спускаться на землю.

— А второй? — спросил корреспондент, сменив кассету в магнитофоне.

— Используя обогащенный уран. Это путь более трудный, но в достаточной степени реальный. Урановый концентрат вполне можно раздобыть в Западной Европе через третьих лиц. Развелось немало разного рода дельцов, занимающихся темными махинациями. Они свободно обходят все имеющиеся на этот счет законодательные ограничения и обеспечивают всех желающих приобрести урановый концентрат. Ну а когда у вас в руках урановый концентрат, возможность создания бомбы обретает уже вполне зримые очертания. Необходимое оборудование — вроде установок для концентрации газа, центрифуг и прочего — вы приобретаете у английских и швейцарских фирм. Фирмы будут даже настолько любезны, что пришлют вам специалистов для монтажа оборудования.

— А как же инспекторы Международного агентства по атомной энергии, всякие международные договоры, обязательства, общественное мнение, наконец?

— Юристы компании докажут, что они и не подозревали о намерении использовать их оборудование для создания бомбы. Тут ведь все намного сложнее, чем с обычным оружием. Понятно, что если вы покупаете пистолет, то, вероятно, не для того, чтобы вскапывать им землю. А оборудование для производства бомбы не является оружием. Сделки вокруг атома приносят баснословные барыши. Мало кто решится отвергнуть выгодное предложение; тем более что контракт охотно перехватывают конкуренты. Мы полагаем, что уже сейчас примерно сорок стран располагают достаточной технической информацией, расщепляющимися материалами (это может быть плутоний, обогащенный уран или изотопы урана U-233, U-235) и всем прочим, чтобы в непродолжительный срок после принятия соответствующего решения испытать ядерное устройство. К 2000 году число таких государств достигнет шестидесяти.

— Наши читатели интересуют еще такой вопрос: только ли государство в состоянии создать собственную бомбу?

— А кому еще она может понадобиться?

— Предположим, крупный террористической организации. — Всем, интересующимся этим вопросом, могу рекомендовать только что вышедшую книжку. Она называется «Физические принципы ядерных взрывных устройств», стоит долларов десять. В ней на 144 страницах изложен полный план создания атомной бомбы, как говорится, на дому.

Ну, а если говорить серьезно, то, как ни странно, с технической точки зрения такой вариант вовсе не представляется мне невероятным. В свое время Управление технических оценок конгресса США определило, что производство атомной бомбы мощностью несколько килотонн (в тротиловом эквиваленте) вполне может осуществлять группа, состоящая из десяти — двенадцати хорошо подготовленных специалистов с опытом работы в нескольких областях науки и техники. Программа создания бомбы потребует примерно двух лет работы и нескольких десятков миллионов долларов.

Как видите, задача вполне выполнима. Однако, к счастью, никакая террористическая группа ядерным оружием пока не обзавелась, не так ли?..

Когда часы, поставленные по мадридскому времени, показали, что в Испании уже утро, всем, кто провел эти часы у Малькольма, стало ясно: путч не удался.

Огромный стол был завален горами телеграмм, постоянно поступающих из мадридской резиденции, сообщениями информационных агентств и радиостанций. Здесь же, в кабинете

Рисунок
Виталия ЛУКЬЯНЦА

те заместителя директора ЦРУ, работали радиоприемники, настроенные на волну мадридского радио.

Один из сотрудников Малькольма составлял хронику переворота. Теперь события минувшей ночи представлялись так:

«Гражданские гвардейцы (жандармерия) под командованием Техеро ворвались в здание парламента за мгновение до того, как пробило 17.30.

Крикнув: «Не двигаться! Всем лечь!» — подполковник Техеро вытасил пистолет и сделал несколько выстрелов в воздух.

К зданию подъехали несколько автомобилей. Три из них были служебными, с номерными знаками гражданской гвардии.

Гражданские гвардейцы приказали находившимся в зале прессы и других помещениях парламента журналистам повесить телефонные трубки, не высовываясь из окон. «Все нормально, все нормально. Спокойствие! Здесь все нормально», — сказал офицер, объявив, что скоро приедет один из военачальников, который объяснит, что делать дальше.

Генерал Миланс дель Боск вывел танки на улицу. Он же приказал начальнику разведотдела бронетанковой дивизии «Брунете» привести части в боевую готовность и захватить радио- и телестанции.

Однако другие части испанской армии не поддержали заговорщиков. Король отказал в предоставлении каких-либо полномочий генералу Армаде. Милансу дель Боску было приказано вернуть войска в казармы. Командующий дивизией «Брунете» сделал это, не дожидаясь приказа. Убедившись в бесперспективности своих действий, к десяти часам утра сдались первые 11 гражданских гвардейцев, участвовавших в захвате парламента, через полчаса их примеру последовали еще двадцать жандармов. Позднее сдались другие».

Последние сообщения Малькольму уже не стал читать. Он был раздражен: события в Испании закончились слишком быстро, чтобы можно было успеть что-то предпринять.

— Дайте отбой всем нашим, — приказал он.

— А может, надо было... — начал заместитель Малькольма.

Малькольм бросил на него уничтожающий взгляд:

— Что надо было? Вмешаться, чтобы оказаться в дураках? Нет уж, увольте. Акции должны быть хорошо подготовлены.

Джексона не интересовали теперь события в Испании. Он подумал, что, поскольку испанская попытка не удалась, руководители «королевского фронта» вновь обратятся к нему за помощью. На очереди у них Италия, если тогда в «Восточном экспрессе» Гонсалвиш сказал правду.

Поздно ночью в номер Уорнера постучали.

В комнату вошел один из его сотрудников с тонкой папкой в руках.

— Все нормально, шеф, — усталым голосом произнес он. — Они накачали парня наркотиками и отправили, судя по всему, к самолету. Как мы с вами и предполагали. Я оставлю вам папку. Здесь отчет моего агента, фотографии, которые ему удалось сделать, и использованная ампула из-под наркотика. Они выбросили ее на дорогу — сразу видно, непрофессионалы.

— С профессионалами легче, — отозвался Уорнер. — Они следуют определенным правилам, всегда знаешь, чего можно ожидать. Нам достались орешки потруднее. Но хорошо, что ваш агент не сплывал. Теперь будет о чем беседовать с нашими подопечными.

Уорнер подмигнул своему сотруднику.

— Спокойной ночи, шеф, — без улыбки сказал тот и вышел.

— В конце концов скажите спасибо, что я вас там не бросил или еще хуже — не вывез в институт! — в раздражении выкрикнул Мэрфи.

Они спорили уже давно. В Токио Мэрфи отвез Кристиана куда-то на край города в крохотную гостиницу, где они и остановились.

Это спасло их обоих.

Исчезновение Мэрфи и Кристиана заметили через час после того, как пилот вскрыл ящик с живым грузом. Удивленный диспетчер базы ВВС, отчаявшись связаться с Мэрфи по радио, послал одного из аэродромных служащих узнать, что произошло с этим чертовым штатским, который все время мешался у них под ногами.

Среди ночи двое юрких японцев аккуратно, без шума проникли в комнату, которую снимал Кристиан, и просидели там до утра. Хозяева домика ничего не заметили. Среднего роста молодой человек с невыразительным лицом целый день болтался возле посольства ФРГ. Несколько агентов караулили Кристиана и Мэрфи в обоих аэропортах столицы.

Кристиан чувствовал себя плохо и целый день спал как убитый. Сказалось отравление наркотиками, длительное нервное напряжение. Мэрфи тоже не испытывал особого желания выходить на улицу. Сидя в кресле, он перелистывал старые журналы, сожалея, что японские варианты «Плейбоя» и «Пентхауза» куда менее откровенны, чем американские.

Впервые за долгое время Мэрфи не надо было куда-то торопиться. Никто им не командовал, не распоряжался. Мэрфи всегда мечтал о таком спокойном житье.

Но когда оснувшийся, как после болезни, бледный, с синяками под глазами Кристиан почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы встать, Мэрфи воспротивился его намерению пойти в полицию.

— В полицию? Вы с ума сошли! — бросил он Кристиану. — Кто с вами станет разговаривать? Какие у вас доказательства?

— Но вы же свидетель, Дональд. Вы же все знаете. Вы везли Хартунга, вам поручили вывезти меня. Вы опознаете людей, которые отдали такой приказ.

Мэрфи насмешливо посмотрел на него.

— Полеты моего самолета нигде не регистрировались. Я летал с американских военных аэродромов, а они пользуются правами экстерриториальности. Да и самолет давно исчез — его перекрасили, дали другие номера, и мои коллеги перегнали его куда-нибудь на остров Сайпан или на Гуам, мы повсюду напихали свои базы. И слава богу. — Мэрфи тяжело вздохнул. — Иначе пришлось бы мне выступать на этом суде, только не в роли свидетеля, а в роли подсудимого.

— Об этом я не подумал, — искренне сказал Кристиан, но тут же поднял голову. — Так что же, забыть обо всем, позволить этим людям безнаказанно действовать и дальше?

— Говорите за себя, Редлих, меня все это как-то мало беспокоит, — вяло отреагировал Мэрфи.

— Но это же... подло, — тихо произнес Кристиан.

Пилот побагровел от гнева. Таких слов он не ожидал от Кристиана. Тогда-то Мэрфи и высказался насчет неблагоприятности.

Несколько минут они стояли друг против друга, стараясь не встречаться взглядами. Первым извинился Кристиан.

— Я был не прав, Дональд. — И протянул ему руку.

Не успевший окончательно остыть Мэрфи пожал ее и отвернулся.

— Поймите же меня правильно, Дональд! Ведь они похитили Норберта Хартунга, моего друга, и я не знаю, что с ним, жив ли он. Простое чувство долга требует что-то предпринять. Я понимаю, что обязан вам жизнью, и никогда этого не забуду.

Бледное лицо Кристиана покрылось красными пятнами. Мэрфи не мог больше отмалчиваться.

— Ладно. Все равно больше мне там не работать. Год назад я получил команду перебраться свой самолет на одну из наших военно-воздушных баз в Японии. Сам поселился в гостинице. Примерно через неделю после прилета в Японию ко мне в номер пришли двое: японец, хорошо говоривший по-английски, и какой-то иностранец.

— Американец?

— Нет, — поколебавшись, сказал Мэрфи, — по-английски он говорил с ошибками. Назвали пароль. С тех пор я три-четыре раза вылетал из Японии с грузом в больших деревянных коробках, вроде той, что чуть не стала твоим гробом.

Кристиан вздрогнул.

— Что было в ящиках, я, разумеется, не знал. До последнего времени не имел опасной привычки интересоваться чужими тайнами. — Мэрфи сделал попытку усмехнуться. — Летал всегда в одно и то же место в Латинскую Америку. Пункт назначения не город, не деревня, просто точка на карте. Когда летел первый раз, минут десять кружил над этой самой точкой, но ничего не мог разглядеть в густом лесу. Настоящие джунгли. Наконец со мной связались по радио. Вся штука в том, что аэродром виден при заходе со строго определенного курса. У постороннего пилота практически нет шансов отыскать аэродром.

— Аэродром? — ошеломленно переспросил Кристиан. — Настоящий аэродром? Кому он принадлежит?

— Самый что ни на есть настоящий. А вот то, что рядом с ним...

Мэрфи неожиданно замолк. Тяжелая складка пересекла его лоб.

— Продолжайте, Дональд, — нетерпеливо проговорил Кристиан.

— Называют они это институтом. Огромная территория в лесу, огороженная колючей проволокой. Разделена на несколько зон. Я был только в одной, там я ел и отдыхал в

бараке. Выходить из него мне запрещалось. Повсюду стояли мрачные ребята в форме с оружием — ни малейшей охоты у меня не было выступать с ними в беседу. Долго мне там не разрешили отдохнуть. Приду в себя — и назад. По правде сказать, задерживаться там — удовольствие небольшое.

— А кто же они такие? — спросил потрясенный Кристиан. — Преступники? Бандиты? Что они там делают?

Мэрфи пожал плечами.

— На обычных преступников не похожи. Что интересно, местных там ни одного человека. И разговаривают между собой только по-немецки. Правда, там, в Латинской Америке, немцев полно. А двое там таких, что не приведи господь встретиться. — Вальтер Хансен и Гельмут Хайссе...

— Хайссе? — переспросил Кристиан. — Где-то я слышал эту фамилию. Какой он из себя?

Мэрфи, немного удивленный, описал человека, в точности похожего на мрачного племянника уважаемого профессора Карла Циммера.

Кристиан, взволнованный, вскопчил. Что-то неладное было в рассказах, которые вели тогда Циммер и Гельмут Хайссе. Неужели они как-то связаны с трагической историей Хартунга? И профессор Симидзу тоже?.. Кристиан потер виски, пытаясь сосредоточиться. Тайный институт в джунглях Латинской Америки, куда регулярно посылают грузы из Японии? И немцы... Много регуляров. Что все это значит?

Агенты перерыли всю комнату Кристиана, надеясь обнаружить хоть какую-нибудь зацепку, которая помогла бы узнать, где он скрывается. Но в ящиках письменного стола, в многочисленных папках, разбросанных по всей комнате, они нашли лишь выписки, рефераты, конспекты — словом, целую кучу подготовительных материалов к диссертации и почти никаких личных бумаг. Единственным японцем, чей адрес записал Кристиан, был профессор Симидзу. В бумажнике Кристиана нашли несколько его фотокарточек. Одну из них пересняли и размножили. Сложнее оказалось с фотографией Мэрфи. Удалось раздобыть лишь десятилетней давности фото, выданное из какого-то документа.

Два с лишним десятка агентов держали под контролем все места, где могли появиться беглецы, прочесывали токийские гостиницы.

Теплым июньским утром заместитель туринского прокурора открыл двери своего «феррари», чтобы ехать на работу. В эту минуту из соседнего переулка выскочила машина темно-вишневого цвета (как потом удалось установить в ходе полицейского дознания). Заместитель прокурора поднял глаза, чтобы взглянуть на сумасшедшего, который несся с такой бешеной скоростью по их тихому району, где за фигурными решетками укрылись виллы высших чиновников города, и вдруг его спокойное лицо побелело. Вишневая машина, мчавшая по сонной улочке, на секунду замедлила ход, с правой стороны опустились стекла, и в окна высунулись два черных дула. Он не успел даже до конца понять, что происходит, как его тело начали рвать пули, выпускаемые длинными очередями из двух стволов. Он крутанулся на месте, пытаясь ухватиться за дверцу машины, и медленно сполз на землю. Новый наступившую тишину прорезал вопль его жены, выскочившей из дома.

Комиссару Вентури, которому поручили расследование, вряд ли стоило так удивляться, когда, приехав разбирать бумаги убитого, он обнаружил, что эту операцию уже произвели до него. Из папок исчезли десятки пронумерованных страниц Дела, хранившиеся в сейфе, «обработали» опытные руки, не оставившие следов ни в прямом, ни в переносном смысле. Столь же бессмысленной была попытка выяснить, кто рылся в сейфе заместителя прокурора. Чужие не могли добраться до его кабинета, да и сейф не взламывали, а

открыли ключом. Дубликат ключа хранился в спецотделе и выдавался только по личному указанию прокурора города. На вопрос комиссара прокурор отрицательно покачал головой. Впрочем, как полагал Вентури, это ничего не означало — убитого в городе не любили, его прислали из Рима, и он чересчур активничал: местные считали его чужаком и, как почувствовал Вентури, встретили сообщение о его смерти чуть ли не с облегчением.

Вишневую машину полиция задержать не сумела. Наверное, ее просто перекрасили и перегнали куда-нибудь подальше. Вечером газеты написали: ответственность за убийство взяла на себя организация «Боевой орден имени Муссолини», о чем сообщил ликующий голос взявшему телефонную трубку репортеру из журнала «Панорама».

— Вообще-то говоря, это может быть блеф, желание обратить на себя внимание... А впрочем... Мы уже сталкивались с этой организацией. Правда, убийств за ней пока не значилось. Так, собрания, листовки, письма с угрозами левым лидерам, призывы к установлению сильной власти. — Первую справку Вентури получил от своего однокурсника, работавшего в Риме в канцелярии прокурора республики. Розовощекий, с редкими для итальянца светлыми волосами, он благодаря родственным связям устроился на малозаметную, но высокооплачиваемую и важную должность и постепенно вырос до начальника канцелярии. В порыве откровенности он однажды признался Вентури: «Конечно, я бы мог, как ты да и другие ребята, пойти в полицейский комиссариат одного из городов, вести громкие дела, заработать имя, видеть свои портреты в газетах. Но зачем? Такая слава рано или поздно кончается некрологом в той же газете и сообщением, что дело об убийстве поручено моему преемнику... Разве ты не видишь, что происходит вокруг нас? За год две сотни убитых только по политическим мотивам. Распутать удастся лишь одно дело из десяти, сам знаешь. Так что лучше в тени, да живым». «Это точно, — согласился тогда Вентури. — Лучше быть последним в Риме, чем первым в деревне».

В этот приезд Вентури он не стал приглашать «туринского коллегу и однокашника» ни домой, ни в ресторан, а принял в просторном кабинете, который только что занял. Пока Вентури рассказывал ему обстоятельства убийства заместителя прокурора, он морщился, а потом, не дослушав, прервал:

— Кислое дело, Марио. Если это действительно дело рук «Боевого ордена» — а похоже, что так, — концов здесь не найдешь и известности не заработаешь. Этот орешек тебе не по зубам. Мой тебе совет не форсировать следствие. И ничего не сообщай прессе. Можешь привлечь к себе нежелательное внимание.

Из гостиницы перезвонил своему однокашнику, чтобы уточнить данные о террористической организации «Боевой орден имени Муссолини». Тот продирижовал Вентури несколько имен и адресов.

Этот телефонный разговор был записан на магнитофонную пленку.

В доме № 153 по аллее Кристоффо Коломбо разместилось ядро американской системы прослушивания телефонных разговоров в Италии, замаскированной под службу связи НАТО. Результаты круглосуточного прослушивания городской телефонной сети отправлялись в несколько адресов. Среди них — резидентура ЦРУ в Риме. Интерес провинциального комиссара Вентури к неонацистскому подполью показался кое-кому в Риме подозрительным.

В ночном поезде Рим — Турин комиссар Вентури так и не смог уснуть. Ему были неприятны советы однокашника.

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Слабое превращение

Не все проходные пешки рвутся в ферзи. Как это ни парадоксально, но в некоторых позициях эффективнее оказывается превращение в слабую фигуру. Этот тактический прием служит не только для достижения ничьей, но нередко и для выигрыша.

Приведенная позиция случилась в одной старинной партии (1885 г.), закончившейся ничью. Гораздо позднее было доказано, что белые этюдным способом добивались победы. Теперь эта позиция широко известна, так как приводится почти в каждом учебнике шахмат.

1. c7 Ld6 + 2. Kpb5. Король не может стать ни на вертикаль «с» ввиду маневра Ld6-Ld1-Lc1+, ни на седьмую горизонталь из-за связи — Ld7.
2. ...Ld5 + 3. Kpb4 Ld4 + 4. Kpb3 Ld3 + 5. Kpc2. Обе стороны стремились к этой позиции: белые — чтобы взять под контроль поле c1, черные — чтобы максимально стеснить собственного короля!
5. ... Ld4!! Вот козырь черных. Теперь в случае неосмотрительно-

го б. с8Ф? последует б. ... Lc4 + !7. Ф:c4 — пат! Но белые должны были видеть на ход, вернее, на два хода дальше!

6. с8Л!! Грозит смертельное 7. Лa8+. Единственная приемлемая защита — 6. ... Лa4, на что белые отвечают 7. Kpb3! И все закончено. Черные теряют ладью или получают мат — Lc1x.

А теперь нелегкие тематические задания очередного тура нашей олимпиады.

Десятый тур

Белые: Kpb2, Фc6, Cc1, Kc2, п. h4 (5).
Черные: Kpd3, Фg1, Ke1, пп. a5, d4, e2, f2 (7).
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Белые: Kpd2, Фf5, Лa4, Kc2 (4).
Черные: Kpb1, Фа8, Ca3, Cc4, Kc7, пп. a2, b2, b5, d5, g4, h5 (2).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (4 балла).

Белые: Kpf7, Kh4, пп. a5, c5, e6, h6 (6).
Черные: Кра6, Лg5, Лh8, п. g7 (4).
Белые начинают и делают ничью (6 баллов).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок присылки ответов — 30 июля (по почтовому штемпелю).

В СЕРЬЕЗНОЙ ТУНДРЕ.

Музыка Кирилла АКИМОВА

Стихи Николая СТАРШИНОВА

ТЫ И Я

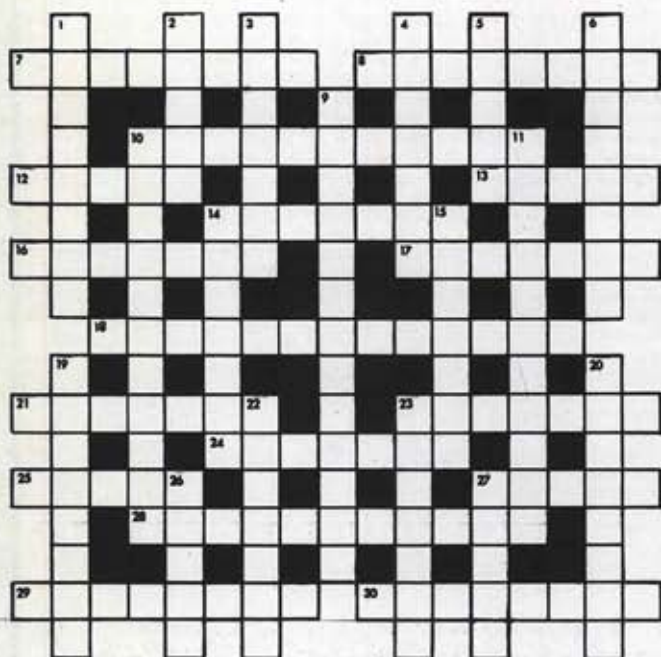
От Витимских скал
До Великих Лук
Меж тобой и мной
Океан разлук.
Там снега метут,
Здесь гремит гроза.
Там твои глаза,
Здесь мои глаза...

Там твоя беда,
Здесь моя печаль...
Приезжай сюда,
Доплыви, причаль.
Прилетай ко мне
На реку Ловать:
Хоть бы раз тебя
Мне поцеловать!..

Заросла река
Камышом-травой,
Но издали
Слышу голос твой.
И в одно сплелись
Корни камыша,
Как твоя душа
И моя душа.

КРОССВОРД

КРОССВОРД
Составил Б. ФЕОФАНОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Один из героев пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 8. Архитектурно-художественный комплекс в честь павших героев. 10. Часть музыкального звукоряда. 12. Лицевая сторона медали, монеты. 13. Лекарственное травянистое растение. 14. Лесной гриб. 16. Певца, народная артистка СССР. 17. Составная часть военного искусства. 18. Стихотворение В. В. Маяковского. 21. Первая русская революционная газета. 23. Постоянная принадлежность, характерный признак. 24. Остров на севере Средиземного моря. 25. Областной центр в Сибири. 27. Симфония А. Г. Рубинштейна. 28. Способ прививки фруктовых деревьев. 29. Герой поэмы А. Т. Твардовского «Страна Муравия». 30. Стихотворение Я. В. Смелякова.

По вертикали:

1. Минерал, поделочный камень. 2. Консервированный сочный корм. 3. Совокупность методов, приемов осуществления определенного процесса. 4. Недостаток времени на обдумывание ходов в шахматах. 5. Промысловая морская рыба. 6. Узкая спортивная лодка. 9. Советский летчик-космонавт. 10. Порт на Сахалине. 11. Представительница коренного населения одного из материков. 14. Сатирический отдел в журнале «Современник», созданный Н. А. Добролюбовым. 15. Светонепроницаемый футляр для материалов фотографии. 19. Телевизионная трубка для передачи неподвижного изображения, испытательной таблицы. 20. Ягодный кустарник. 22. Физик-теоретик, академик, лауреат Ленинской премии, ректор МГУ. 23. Искусный гимнаст. 26. Герой романа А. С. Серафимовича «Железный поток». 27. Промысловая пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
в № 9

По горизонтали:

1. Бархан. 5. Восток. 9. Парусина. 11. Чернозем. 13. Автожир. 14. Раскол. 15. Гранит. 16. Анероид. 17. Изер. 21. Небо. 22. Нивелир. 24. Шелихов. 25. Ненец. 26. Долгота. 27. Байдара. 28. Рельс. 31. Пинагор. 32. Фенакит. 35. Млет. 37. Коса. 39. Перепел. 41. Иберия. 42. Тайфун. 43. Яцусиро. 45. Апеннины. 46. Орогенез. 47. Култук. 48. Рудник.

По вертикали:

1. Борисфен. 2. Рассол. 3. Анна. 4. Андорра. 6. Одер. 7. Тундра. 8. Казанцев. 9. Партия. 10. Авентин. 11. Читинец. 12. Матрос. 18. Рингит. 19. Бертран. 20. Гималаи. 21. Нордвик. 23. Репер. 24. Шельф. 28. Ровенцы. 29. Серебро. 30. Эмбира. 31. Перешеек. 33. Торфяник. 34. Карниз. 36. Секстан. 38. Сигнал. 40. Хамген. 43. Янгу. 44. Орду.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.04.83. Подписано к печати 15.04.83. А 02676. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1128. Заказ № 535. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

